

Лев Николаевич

Толстой

Краткое изложение Евангелия

(1883 г.)

Государственное издательство

художественной литературы

Москва – 1957

Электронное издание осуществлено

компаниями ABBYY и WEXLER

в рамках краудсорсингового проекта

«Весь Толстой в один клик»

Организаторы проекта:

Государственный музей Л. Н. Толстого

Музей–усадьба «Ясная Поляна»

Компания ABBYY

Подготовлено на основе электронных копий томов 23 и 24

Полного собрания сочинений Л. Н. Толстого, предоставленных

Российской государственной библиотекой

Электронное издание

90-томного собрания сочинений Л. Н. Толстого

доступно на портале

www.tolstoy.ru

Предисловие и редакционные пояснения к 24-му тому

Полного собрания сочинений Л. Н. Толстого

можно прочитать в настоящем издании

Если Вы нашли ошибку, пожалуйста, напишите нам

report@tolstoy.ru

Предисловие к электронному изданию

Настоящее издание представляет собой электронную версию 90-томного собрания сочинений Льва Николаевича Толстого, вышедшего в свет в 1928–1958 гг. Это уникальное академическое издание, самое полное собрание наследия Л. Н. Толстого, давно стало библиографической редкостью. В 2006 году музей-усадьба «Ясная Поляна» в сотрудничестве с Российской государственной библиотекой и при поддержке фонда Э. Меллона и координации Британского совета осуществили сканирование всех 90 томов издания. Однако для того чтобы пользоваться всеми преимуществами электронной версии (чтение на современных устройствах, возможность работы с текстом), предстояло еще распознать более 46 000 страниц. Для этого Государственный музей Л. Н. Толстого, музей-усадьба «Ясная Поляна» вместе с партнером – компанией АBBYУ, открыли проект «Весь Толстой в один клик». На сайте readingtolstoy.ru к проекту присоединились более трех тысяч волонтеров, которые с помощью программы АBBYУ FineReader распознавали текст и исправляли ошибки. Буквально за десять дней прошел первый этап сверки, еще за два месяца – второй. После третьего этапа корректуры тома и отдельные произведения публикуются в электронном виде на сайте tolstoy.ru.

В издании сохраняется орфография и пунктуация печатной версии 90-

томного собрания сочинений Л. Н. Толстого.

Руководитель проекта «Весь Толстой в один клик»

Фекла Толстая

Перепечатка разрешается безвозмездно.

КРАТКОЕ ИЗЛОЖЕНИЕ ЕВАНГЕЛИЯ

ПОДГОТОВКА ТЕКСТА И КОММЕНТАРИИ

Н. Н. ГУСЕВА

ПРЕДИСЛОВИЕ

Это краткое изложение Евангелия есть извлечение из большого сочинения, которое лежит в рукописи и не может быть напечатано в России.

Сочинение состоит из 4-х частей.

- 1) Изложение того хода моей личной жизни и моих мыслей, которые привели меня к убеждению о том, что в христианском учении находится истина.
- 2) Исследование христианского учения по толкованиям церкви вообще, апостолов, соборов и так называемых отцов церкви и доказательства ложности этих толкований.
- 3) Исследование христианского учения не по этим толкованиям, а только по тому, что дошло до нас из учения Христа, приписываемого ему и записанного в Евангелиях, перевод четырех Евангелий и

соединение их в одно.

4) Изложение настоящего смысла христианского учения, причин, по которым оно было извращено, и последствий, которые должна иметь его проповедь.

Это краткое изложение Евангелия есть сокращение третьей части. Соединение четырех Евангелий сделано мною по смыслу учения. При этом соединении мне не пришлось почти отступать от того порядка, в котором изложены Евангелия, так что при моем соединении не только не больше, но скорее меньше перемещений стихов Евангелия, чем в большинстве известных мне конкордий и нашего четвероевангелия Гречулевича.

В Евангелии Иоанна, по моему соединению, нет совсем перемещений, а оно всё изложено в том же порядке, как и в подлиннике.

Разделение Евангелия на 12 или на 6 глав (соединяя по две главы в одну) вытекло само собою из смысла учения.

Вот смысл этих слов:

- 1) Человек – сын бесконечного начала, сын этого отца не плотью, но духом.
- 2) И потому человек должен служить этому началу духом.
- 3) Жизнь всех людей имеет божественное начало. Она одна свята.
- 4) И потому человек должен служить этому началу в жизни всех людей. Это воля отца.
- 5) Только служение воле отца жизни дает истинную, т. е. разумную жизнь.
- 6) И потому удовлетворение своей воли не нужно для истинной жизни.
- 7) Жизнь временная, плотская есть пища жизни истинной – матерьял для жизни разумной.
- 8) И потому истинная жизнь – вне времени, она только в настоящем.
- 9) Обман жизни во времени: жизни прошедшего и будущего, скрывает от людей истинную жизнь, настоящего.
- 10) И потому человек должен стремиться к тому, чтобы разрушать обман временной жизни прошедшего и будущего.
- 11) Истинная жизнь есть не только жизнь вне времени, – настоящего, но есть и жизнь вне личности – жизнь общая всем людям и выражается любовью.
- 12) И потому, живущий в настоящем общей жизнью всех людей, соединяется с отцом – началом и основой жизни.

Каждые две главы имеют между собою связь следствия и причины. Кроме 12 глав к изложению присоединены: введение из I-й главы Иоанна, в которой писатель говорит от себя о смысле всего учения, и заключение из послания того же писателя (написанного, вероятно, прежде Евангелий) и содержащее общий вывод всего предшествующего.

Введение и заключение не составляют существенной части учения. Они суть только общие взгляды на всё учение. Несмотря на то, что как введение, так и заключение могли бы быть опущены без потери для смысла учения (тем более, что обе эти части писаны от лица Иоанна, а не Иисуса), я удержал их потому, что при простом и разумном понимании учения Христа, части эти, подтверждая одна другую и всё учение в противоположность странным толкованиям церкви, представляют самое простое указание на тот смысл, который должен быть придаваем учению.

В начале каждой главы, кроме краткого определения содержания, я выставил еще и слова молитвы, которую Иисус учил молиться учеников, соответствующие каждой главе.

Окончив свою работу, я к удивлению и радости своей нашел, что так называемая молитва господня есть не что иное, как в самой сжатой форме выраженное всё учение Иисуса в том самом порядке, в котором были расположены мною главы, и что каждое выражение молитвы соответствует смыслу и порядку глав.

1) Отче наш.

Человек – сын Бога.

2) Иже еси на небесех.

Бог есть бесконечное духовное начало жизни.

3) Да святится имя твое.

Да будет свято это начало жизни.

4) Да придет царствие твое.

Да осуществится его власть во всех людях.

5) Да будет воля твоя яко на небеси

И да совершается воля этого бесконечного начала, как в самом себе,

6) и на земли.

так и во плоти.

7) Хлеб наш насущный даждь нам

Жизнь временная есть пища жизни истинной.

8) днесь.

Жизнь истинная в настоящем.

9) И остави нам долги наша, яко же и мы оставляем должникам нашим.

И да не скрывают от нас этой истинной жизни ошибки и заблуждения прошедшего.

10) И не введи нас во искушение.

И да не вводят нас в обман.

11) Но избави нас от лукавого.

И тогда не будет зла.

12) Яко твое есть царство и сила и слава.

А будет твоя власть, и сила, и разум.

В пространном изложении 3-й части, находящемся в рукописи, Евангелие по четырем евангелистам переведено и изложено всё, без малейших пропусков. В настоящем же изложении выпущены следующие стихи: зачатие, рождение Иоанна Крестителя, его заключение и смерть, рождение Иисуса, родословие его, бегство с матерью в Египет, чудеса Иисуса в Кане и Капернауме, изгнание бесов, хождение по морю, иссушение смоковницы, исцеление больных, воскрешение мертвых, воскресение самого Христа и указания на пророчества, совершившиеся в

жизни Христа.

Стихи эти выпущены в настоящем кратком изложении потому, что, не заключая в себе учения, а описывая только события, совершившиеся перед проповедью Иисуса, во время и после ее, ничего не прибавляя, усложняют и обременяют изложение. Стихи эти, как бы они ни были понимаемы, не содержат в себе ни противоречия с учением, ни подтверждения его. Единственное значение этих стихов для христианства было то, что не верующему в божественность Иисуса они доказывали ее. Для человека же, понимающего неубедительность рассказа о чудесах и, кроме того, не сомневающегося в божественности Иисуса по самому учению его, стихи эти отпадают сами собой по своей ненужности.

В большом изложении каждое отступление от обычного перевода, каждое вставленное разъяснение, каждый пропуск объяснены и доказаны сличением разных вариантов Евангелий, контекстами, филологическими и другими соображениями. В этом кратком изложении все эти доказательства и опровержения ложного понимания церкви, так и подробные примечания с ссылками опускаются на том основании, что, как бы ни были точны и правильны рассуждения о каждом отдельном месте, рассуждения эти не могут убедить в истинности понимания смысла учения. Доказательства истинности понимания находятся не в рассуждениях об отдельных местах, а в единстве, ясности, простоте, полноте учения и в соответствии его с внутренним чувством каждого человека, ищущего истины.

Относительно вообще всех отступлений в моем изложении от принятого церквами текста читатель должен не забывать того, что столь привычное нам представление о том, что Евангелия, все четыре, со всеми своими стихами и буквами суть священные книги, есть, с одной стороны, самое грубое заблуждение, с другой – самый грубый и вредный обман. Читатель должен помнить, что Иисус никогда сам не писал никакой книги, как Платон, Филон или Марк Аврелий, даже никогда, как Сократ, не передавал свое учение грамотным и образованным людям, а говорил тем безграмотным людям, которых он встречал в жизни, и что только гораздо после его смерти хватились люди, что то, что он говорил, было очень важно и что не худо бы записать кое-что из того, что он говорил и делал, и почти через 100 лет начали записывать то, что слышали о нем. Читатель должен помнить, что таких записок было очень, очень много, что многие пропали, многие были очень плохи и что христиане пользовались всеми ими и понемногу отбирали то, что им казалось лучше и толковее, что, выбирая эти наилучшие Евангелия, церкви, по пословице: «не выберешь дубинки без кривинки», должны были захватить в том, что они вырезали из всей огромной литературы о Христе, и много кривинки; что много есть мест в канонических Евангелиях столь же плохих, как и в отвергнутых апокрифических, и что в апокрифических есть кое-что хорошее. Читатель должен помнить, что священо может быть учение Христа, но никак не может быть священо известное количество стихов и букв, и не могут сделаться священными именно такие-то книги от первой до последней строчки только потому, что люди скажут, что они священны. Только наш русский читатель из образованных людей, благодаря русской цензуре, может игнорировать 100-летний труд исторической критики и наивно говорить

о том, что Евангелия Матвея, Марка и Луки, так, как они есть, написаны евангелистами каждое отдельно и вполне. Читатель должен помнить, что говорить это в 1880 году, игнорируя всё, что выработано по этому предмету наукой, – всё равно, что в прошлом столетии было говорить о солнце, вертящемся вокруг земли. Читатель должен помнить, что Евангелия синоптические, как они дошли до нас, есть плод медленного нарастания посредством списывания и приписывания, и соображений тысяч разных умов и рук человеческих, а никак не произведения вдохновения святого духа евангелистам. Что приписывание Евангелий апостолам есть басня, не только не выдерживающая критики, но не имеющая даже никакого основания, кроме желания благочестивых людей, чтобы это так было. Евангелия отбирались, прибавлялись и толковались веками, все дошедшие до нас Евангелия IV века писаны слитным письмом, без знаков, и потому и после IV и V веков подлежали самым разнообразным чтениям, и что таких разночтений евангельских книг насчитывают до пятидесяти тысяч. Всё это должен помнить читатель, чтобы не сбиться на тот привычный нам взгляд, что Евангелия, как они понимаются теперь, так точно и пришли к нам от святого духа. Читатель должен помнить, что не только не предосудительно откидывать из Евангелий ненужные места, освещать одни другими, но, напротив того, предосудительно и безбожно не делать этого, а считать известное число стихов и букв священными.

Только люди, не ищущие истины и не любящие учение Христа, могли установить такой взгляд на Евангелия.

С другой стороны, я прошу читателя моего изложения Евангелия помнить то, что, если я не смотрю на Евангелия как на священные книги, сошедшие к нам с неба от святого духа, – я не смотрю также на Евангелия, как только на памятники истории религиозной литературы. Я понимаю и богословский и исторический взгляд на Евангелия, но я смотрю на них иначе, и потому прошу читателя, при чтении моего изложения, не сбиться ни на церковный взгляд, ни на привычный в последнее время образованным людям исторический взгляд на Евангелия, который я не имел и который нахожу одинаково неполным. Я смотрю на христианство не как на исключительное божественное откровение, не как на историческое явление, я смотрю на христианство, как на учение, дающее смысл жизни. Я был приведен к христианству не богословскими, не историческими исследованиями, а тем, что пятидесяти лет от роду, спросив себя и всех мудрецов моей среды о том, что такое я и в чем смысл моей жизни, и получив ответ: ты случайное сцепление частиц, смысла в жизни нет, и сама жизнь есть зло – я был приведен тем, что, получив такой ответ, я пришел в отчаяние и хотел убить себя; но вспомнив то, что прежде, в детстве, когда я верил, для меня был смысл жизни, и то, что люди верующие вокруг меня – большинство людей, не развращенных богатством, – веруют и живут настоящею жизнью, я усомнился в правдивости ответа, данного мне мудростью людей моей среды, и попытался понять тот ответ, который дает христианство людям, живущим настоящей жизнью; И я стал изучать христианство, и изучать в христианском учении то, что руководит жизнью людей. Я стал изучать то христианство, приложение которого я видел в жизни и стал сличать это приложение с его источником. Источник христианского учения были Евангелия, и в Евангелиях я находил объяснение того смысла, который руководил

жизнью всех людей, живущих настоящей жизнью. Но, изучая христианство, я, рядом с этим источником чистой воды жизни, нашел незаконно соединенную с ним грязь и тину, которая одна заслоняла для меня его чистоту; рядом с высоким христианским учением я нашел связанное с ним чуждое ему безобразное учение еврейское и церковное. Я находился в положении человека, который бы получил мешок вонючей грязи и только после долгой борьбы и труда нашел бы, что в этом мешке, заваленном грязью, действительно лежат бесценные жемчужины, понял бы, что он не виноват в своем отвращении к вонючей грязи, и не только не виноваты, но достойны любви и уважения те люди, которые собрали и хранили этот жемчуг вместе с грязью, но все-таки не знает, что ему делать с теми драгоценностями, которые он нашел перемешанными с грязью. Я находился в мучительном состоянии до тех пор, пока не убедился, что жемчужины не срослись с грязью и могут быть очищены.

Я не знал света, думал, что нет истины в жизни, но убедившись в том, что люди живы только этим светом, я стал искать источник его и нашел его в Евангелиях, несмотря на лжетолкования церковей. И, дойдя до этого источника света, я был ослеплен им и получил полные ответы на вопросы о смысле моей жизни и жизни других людей, ответы, вполне сходившиеся со всеми мне известными ответами других народов и на мой взгляд превосходящие все.

Я искал ответа на вопрос жизни, а не на богословский и исторический, и потому для меня совершенно было всё равно: Бог или не Бог Иисус Христос, и то, от кого исшел святой дух и т. п., и одинаково не важно и не нужно было знать, когда и кем написано какое Евангелие и какая притча, и может или не может она быть приписана Христу. Мне важен был тот свет, который освещает 1800 лет человечество и освещал и освещает меня; а как назвать источник этого света, и какие материалы его, и кем он зажжен, мне было всё равно.

И я стал вглядываться в этот свет и откидывать всё, что было противно ему, и чем дальше я шел по этому пути, тем несомненнее становилась для меня разница между истиной и ложью. В начале моей работы у меня еще были сомнения, были попытки искусственных объяснений, но чем дальше я шел, тем тверже и яснее становилось дело и несомненнее истина. Я был в положении человека, который собирает разбитую в куски статую. Вначале еще может быть сомнение о том, — есть ли этот кусок часть ноги или руки, но когда ноги собраны, то кусок уж наверно идет не к ноге, а когда еще, кроме того, кусок этот сходится с другим боковым куском и всеми линиями излома совпадает с нижним куском, то уж не может быть сомнения. Это я испытал по мере движения вперед в своей работе, и если я не сумасшедший, то это чувство должен будет испытывать и читатель при чтении большого изложения Евангелия, где каждое положение подтверждается в одно и то же время и филологическими соображениями, и вариантами, и контекстами, и согласием с основной мыслью.

На том бы могло и кончиться предисловие, если бы Евангелия были книги, открытые теперь, если бы учение Христа не подвергалось 1800-летним лжетолкованиям. Но теперь, для понимания истинного учения Иисуса, как он мог сам разуместь его, необходимо сознать главные

причины лжетолкований, извращавших учение, и главные приемы этих лжетолкований. Главная причина тех лжетолкований, которые так изуродовали учение Христа, что его трудно видеть под их толстым слоем, состоит в том, что со времени Павла, который, не поняв хорошенько учение Христа, да и не зная его таким, каким оно выразилось потом в Евангелии Матфея, связал его с учением о фарисейском предании и потому со всеми учениями Ветхого Завета. Павел обыкновенно считается апостолом язычников – апостолом протестантов. Он и был таковым по внешности, по отношению к обрезанию, например. Но учение о предании, о связи Ветхого Завета с Новым внесено в христианство Павлом, и это–то учение о предании, этот принцип предания было главной причиной извращения христианского учения и непонимания его.

Со времени Павла начинается талмуд христианский, который называется церковью, и учение Христа делается не учением единственным, божественным и полным, [а] одним из звеньев цепи откровения, начавшегося с начала мира и продолжающегося в церкви до сих пор.

Лжетолкователи эти называют Иисуса Богом; но признание его Богом не заставляет их придавать словам и учению, приписываемому Богу, больше значения, чем словам Пятикнижия, псалмов, Деяний апостолов, Посланий, Апокалипсиса и даже соборных постановлений и писаний отцов церкви.

Лжетолкователи эти не допускают иного понимания учения Иисуса Христа как такого, которое было бы согласно со всем предшествующим и последующим откровением, так что цель их не в том, чтобы объяснить значение проповеди Христа, а только в том, чтобы найти наименее противоречивый смысл всем самым невозможно разноречивым писаниям: Пятикнижия, псалмов, Евангелий, Посланий, Деяний, т. е. всего, что считается священным писанием.

Очевидно, что при таком взгляде на учение Христа невысказано его понимание. Из этого же ложного взгляда вытекают и бесчисленные разногласия в понимании Евангелия.

Объяснений таких, имеющих целью не истину, а согласование несогласимого, т. е. писаний Ветхого и Нового Заветов, очевидно, может быть бесчисленное количество, и таково оно и есть. Так что для того, чтобы известное соглашение признать истинным, остаются средства только внешние: чудеса, сошествие св. духа.

Соглашали и соглашают каждый по–своему; но каждый при своем согласовании утверждает, что его согласование есть продолжающееся откровение св. духа. Таковы послания Павла, постановления соборов, начинающиеся формулой: «изволися нам и св. духу». Таковы же постановления пап, синодов, хлыстов и всех лжетолкователей, утверждающих, что их устами говорит св. дух. Все они употребляют один и тот же грубый прием утверждения истины своего согласования тем, что согласование их есть не плод их мыслей, а утверждение св. духа.

Не входя в разбор самых вер этих, называющих себя каждая истинной,

нельзя не видеть того, что в общем им всем приеме признания огромного количества так называемых писаний Ветхого и Нового Завета одинаково священными, лежит непреодолимая, ими самими поставленная себе преграда для понимания учения Христа, и еще того, что из этого заблуждения вытекает самая возможность и даже необходимость бесконечно разнообразных враждебных сект.

Только согласование огромного числа откровений может быть бесконечно различно; толкование же учения одного лица, почитаемого за Бога, не может порождать сект. Учение Бога, сошедшего на землю, чтобы научить людей, по самой цели сошествия Бога на землю не может быть понимаемо различно. Если Бог сошел на землю, чтобы открыть истину людям, то наименьшее, что он мог сделать, это то, чтобы открыть истину, так чтобы все ее поняли; если же он этого не сделал, то он не был Бог; если же истины Божеские таковы, что и Бог не мог их сделать понятными для людей, то люди уже никак не могут этого сделать.

Если Иисус не Бог, а великий человек, то учение его еще менее может породить секты. Учение великого человека только тем и велико, что оно понятно и ясно высказывает то, что другие высказывали непонятно и неясно.

То, что непонятно в учении великого человека, то и не велико, и учение великого человека не может порождать сект. Учение великого человека только тем и велико, что оно всех соединяет в единой для всех истине. Учение Сократа все всегда одинаково понимали. Только такое толкование, которое утверждает, что оно есть откровение св. духа, что оно единое истинное, что все остальные – ложь, только такое толкование порождает ненависть и так называемые секты. Сколько бы ни говорили сектанты всяких исповеданий о том, что они не осуждают другое исповедание, молятся о его присоединении к ним и не имеют к нему ненависти, – это несправедливо. Никогда, ни одно утверждение какого бы то ни было догмата, начиная с Ария, не вытекало ни из чего другого, как из осуждения во лжи противоположного догмата. Заявление же о том, что выражение такого-то догмата есть выражение божественное, св. духа, есть высшая степень гордости и глупости; высшей гордости потому, что ничего нельзя сказать горделивее, как то, что сказанные мною слова сказал через меня сам Бог, и высшей глупости потому, что ничего нельзя сказать глупее, как то, чтобы на утверждение человека о том, что его устами говорит Бог, сказать: нет, не твоими, а моими устами говорит Бог, и говорит совершенно противоположное тому, что говорит твой Бог. А между тем только это самое говорят все церкви, и из этого одного вытекают и вытекали все секты и всё то зло, которое во имя вер совершалось и совершается в мире. Но кроме того внешнего зла сект, которое производит такое толкование, оно имеет и другой важный внутренний недостаток, придающий всем этим сектам неясный, неопределенный и недобросовестный характер.

Недостаток этот состоит в том, что все секты эти, признав последним откровением св. духа, сошедшего на апостолов и перешедшего и переходящего на мнимо избранных, лжетолкователи нигде не выражают прямо, определенно и окончательно, в чем состоит это откровение св. духа, а между тем на этом мнимо продолжающемся откровении основывают

свою веру и называют ее Христовой.

Все сектанты, признающие откровение св. духа, так же как и магометане, признают три откровения: магометане: Моисея, Иисуса и Магомета; церковники: Моисея, Иисуса и св. духа. Но по магометанской вере Магомет есть последний пророк, тот, который объяснил значение откровения Моисея и Иисуса, и он есть последнее откровение, объяснившее всё предыдущее, и это откровение всякий правоверный имеет перед собою. Но не то с церковной верой. Она, как и магометанская, признает три откровения: Моисеево, Иисусово и св. духа, но она не называет себя по имени последнего откровения – святодуховскою, а утверждает что основа ее веры есть учение Христа. Так что учение они проповедуют свое, а авторитет этого учения приписывают Христу.

Святодуховские сектанты, признавая последним откровением, объясняющим всё предшествующее, кто Павла, кто одни, кто другие соборы, кто пап, кто патриархов, кто частные откровения св. духа, должны бы были так и сказать и называть свою веру, по имени того, кто имел последнее откровение, и если последнее откровение – отцы, или послание восточных патриархов, или папские постановления, или силлабус, или катехизис Лютера или Филарета, то так и сказать и так назвать свою веру, потому что последнее откровение, объясняющее всё предшествующее, всегда и будет главным откровением. Но они не делают этого и вместо того, проповедуя самые чуждые Христу учения, утверждают, что эти учения проповедывал Христос. Так что по их учению выходит, что Христос объявил то, что он искупил своей кровью род человеческий, павший в Адаме; что Бог – троица, что св. дух сошел на апостолов и перешел через рукоположение на священство, что для спасения нужны семь таинств, что причастие должно быть в двух видах и т. п. Выходит, что всё это есть учение Христа, когда в учении Иисуса нет ни одного намека ни о чем этом. Лжеучители эти должны называть свое учение и свою веру учением и верою св. духа, а не Христовой, потому что Христовой верой можно называть только ту веру, которая – откровение Христа, дошедшее до нас в Евангелиях, и признает последним откровением, как она и должна признавать по словам Христа: и учителем никого не признавайте, кроме Христа. Казалось бы, что это так просто, что не стоило бы и говорить про это, но, как ни странно это сказать, до сих пор никто еще не попытался с одной стороны отделить учение Христа от искусственного, ничем не оправданного согласования его с Ветхим Заветом и с теми произвольными дополнениями к его учению, которые делались и делаются во имя св. духа. И странно – в этой ошибке сходятся два крайних лагеря: церковники и свободно мыслящие историки христианства. Одни, церковники, называя Иисуса вторым лицом троицы, понимают его учение не иначе, как в связи с теми мнимыми откровениями третьего лица, которые они находят в Ветхом Завете, в посланиях соборных, отеческих постановлениях, и проповедуют самые странные веры, утверждая, что эти веры – Христовы. Другие, не признавая Иисуса Богом, точно так же понимают его учение не так, как оно могло быть проповедуемо им, но как оно понимается Павлом и другими его толкователями. Признавая Иисуса не Богом, а человеком, эти толкователи лишают Иисуса самого законного человеческого права отвечать за свои слова, а не за лжетолкователей его слов. Стараясь объяснить учение Иисуса, эти

ученые толкователи навязывают Иисусу то, что он никогда не думал говорить. Представители этой школы толкователей, начиная с самого популярного из них Ренана, не потрудившись выделить из учения Христа того, чему учил сам Христос, от того, что на него наклепали его толкователи, не потрудившись понять это учение сколько-нибудь глубже, чем церковники, стараются понять смысл явления Иисуса и распространения его учения из событий жизни Иисуса и условий его времени.

А вместе с тем, казалось бы, что историкам-то уж никак нельзя делать эту ошибку. Задача, которую им предстоит решить, состоит в следующем: 1800 лет тому назад явился какой-то нищий и что-то поговорил. Его высекли и повесили, и все про него забыли, как были забыты миллионы таких же случаев, и лет 200 мир ничего не слышал про него. Но оказывается, что кто-то запомнил то, что он говорил, рассказал другому, третьему. Дальше, больше, и вот миллиарды людей умных и глупых, ученых и безграмотных не могут отделаться от мысли, что этот, только этот человек был Бог. Как объяснить это удивительное явление? Церковники говорят, что это произошло оттого, что Иисус точно был Бог. И тогда всё понятно. Но, если он не был Бог, то как объяснить, что именно этот простой человек признан всеми Богом?

И ученые этой школы старательно разыскивают все подробности об условиях жизни этого человека, не замечая того, что, сколько бы ни отыскивали подробностей (в действительности же ровно ничего, кроме того, что у Иосифа Флавия и в Евангелиях, не отыскивали), если бы они даже восстановили всю жизнь Иисуса до мельчайших подробностей и узнали, когда что ел и где ночевал Иисус, вопрос о том, почему он, именно он имел такое влияние на людей, остался бы все-таки без ответа. Ответ не в том, в какой среде родился Иисус, кто его воспитывал и т. п., и еще менее в том, что делалось в Риме и что народ был склонен к суеверию и т. п., а только в том, что проповедывал этот человек такое особенное, что заставило людей выделить его из всех других и признать его Богом тогда и теперь. Казалось бы, что если хочешь это понять, то первое, что надо сделать, это постараться понять учение этого человека, и понять, само собою разумеется, именно его учение, а не те грубые толкования его учений, которые распространились и распространяются после него. А этого-то и не делают. Эти ученые историки христианства так обрадовались тому, что они поняли, что Иисус не был Бог, и так им хочется доказать, что учение его не божеское и потому необязательно, что, забывая то, что чем больше они докажут то, что он был простой человек и что учение его не божеское, тем дальше они будут от разумения занимающего их вопроса, они все силы напрягают на то, чтобы доказать, что он был простой человек, что потому учение его не Божеское. Чтобы видеть ясно это удивительное заблуждение, стоит вспомнить Ренана и учеников его. Havet – тот наивно утверждает, что *Jesus Christi n'avait rien de chretien*. А Souris – тот с восторгом доказывает, что Иисус Христос был очень грубый и глупый человек.

Дело не в том, чтобы доказать, что Иисус не был Бог и что потому учение его не божеское, и не в том, чтобы доказать, что он не был католик, а в том, чтобы понять, в чем состояло то учение, которое

было так высоко и дорого людям, что проповедника этого учения люди признали и признают Богом. Вот это–то я пытался сделать; и для себя по крайней мере сделал. И вот это я и предлагаю моим братьям.

Если читатель принадлежит к огромному большинству образованных, воспитанных в церковной вере людей, но отрекшихся от нее вследствие ее несообразностей с здравым смыслом и совестью (остались ли у такого человека любовь и уважение к духу христианского учения, или он, по пословице: «осердясь на блох, и шубу в печь», считает всё христианство вредным суеверием), я прошу такого читателя помнить, что то, что отталкивает его, и то, что представляется ему суеверием, не есть учение Христа, что Христос не может быть повинен в том безобразном предании, которое приплели к его учению и выдавали за христианство; надо изучать только одно учение Христа, как оно дошло до нас, т. е. те слова и действия, которые приписываются Христу и которые имеют учительное значение. Читая мое изложение, такой читатель убедится, что христианство не только не есть смешение высокого с низким, не только не есть суеверие, но есть самое строгое, чистое и полное метафизическое и этическое учение, выше которого не поднимался до сих пор разум человеческий и в кругу которого, не сознавая того, движется вся высшая человеческая деятельность: политическая, научная, поэтическая и философская. Если читатель принадлежит к тому ничтожному меньшинству образованных людей, которые держатся церковной веры, исповедуя ее не для внешних целей, а для внутреннего спокойствия, я прошу такого читателя, прежде чем читать, решить в душе вопрос о том, что ему дороже: душевное спокойствие или истина? Если спокойствие, то прошу его не читать; если же истина, то прошу его помнить, что учение Христа, изложенное здесь, несмотря на одинаковость названия, есть совершенно другое учение, чем то, которое он исповедует, и что потому отношение его, исповедующего церковную веру, к этому изложению учения Христа есть то же, как отношение магометанина к проповеди христианства, что вопрос для него не в том, согласно ли, или несогласно предлагаемое учение с его верою, а только в том, какое учение согласнее с его разумом и сердцем – его ли церковное учение, составленное из согласования всех писаний, или одно учение Христа. Вопрос для него только в том – хочет ли он принять новое учение, или оставаться в своей вере.

Если же читатель принадлежит к людям, внешне исповедующим церковную веру и дорожащим ею не потому, что они верят в истину ее, а по внешним соображениям, потому что они считают исповедание и проповедание ее выгодным для себя, то пусть такие люди помнят, что сколько бы у них ни было единомышленников, как бы сильны они ни были, на какие бы престолы ни сажались, какими бы ни называли себя высокими именами, они не обвинители, а обвиняемые, – не мною, а Христом. Такие читатели пусть помнят, что им доказывать нечего, что они уже давно сказали, что имели сказать, что если бы они даже и доказали то, что хотят доказать, то доказали бы только то, что доказывают каждый для себя все сотни отрицающих друг друга исповеданий церковных вер; что им не доказывать нужно, но оправдываться. Оправдываться в кощунстве, по которому они учение Иисуса Бога приравняли к учениям Эздры, соборов и Феофилактов и позволяли себе слова Бога перетолковывать и изменять на основании

слов людей. Оправдываться в клевете на Бога, по которой они все те изуверства, которые были в их сердцах, свалили на Бога Иисуса и выдали их за его учение. Оправдываться в мошенничестве, по которому они, скрыв учение Бога, пришедшего дать благо миру, подставили на его место свою святодуховскую веру и эту подставкою лишили и лишают миллиарды людей того блага, которое принес людям Христос, и, вместо мира и любви, принесенных им, внесли в мир секты, осуждения и всевозможные злодейства, прикрывая их именем Христа.

Для этих читателей только два выхода: смиренное покаяние и отречение от своей лжи или гонение тех, которые обличают их за то, что они делали и делают.

Если они не отрекутся от лжи, им остается одно: гнать меня, на что я, оканчивая свое писание, готовлюсь с радостью и со страхом за свою слабость.

ЕВАНГЕЛИЕ

ВОЗВЕЩЕНИЕ О БЛАГЕ ИИСУСА ХРИСТА, СЫНА БОГА

ВВЕДЕНИЕ

РАЗУМЕНИЕ ЖИЗНИ

ВОЗВЕЩЕНИЕ ИИСУСА ХРИСТА ЗАМЕНИЛО ВЕРУ ВО ВНЕШНЕГО БОГА РАЗУМЕНИЕМ ЖИЗНИ

СОДЕРЖАНИЕ ВВЕДЕНИЯ

Евангелие есть возвещение о том, что начало всего не есть внешний Бог, как думают люди, но разумение жизни. И потому на место того, что люди называют Богом, по Евангелию становится разумение жизни.

Без разумения нет жизни. Всякий человек жив только потому, что он имеет разумение. Те люди, которые не понимают этого и полагают началом жизни плоть, лишают себя истинной жизни. Те же, которые понимают, что они живы не плотью, а разумением, те имеют истинную жизнь. И эту-то истинную жизнь показал Иисус Христос. Признав истину о том, что жизнь человека происходит от разумения, он дал людям учение и образец жизни разумения во плоти.

Прежние вероучения выражались как закон о том, что нужно и не нужно делать для служения Богу. Учение же Иисуса Христа состоит в разумении жизни. Бога внешнего никто никогда не видел и не может

знать, и потому служение Богу внешнему не может руководить жизнью. Только признание основой всего, – разумения в себе, происшедшего от начала разумения, указывает путь жизни.

Марк. I, 1. Возвешение о благе Иисуса Христа сына Бога.

Иоан. I, 1. В основу и начало всего стало разумение жизни. Разумение жизни стало вместо Бога. Разумение жизни есть Бог.

2. Оно–то, по возвешению Иисуса, стало основой и началом всего вместо Бога.

3. Всё, что живет, родилось к жизни чрез разумение. И без него не может быть ничто живое.

4. Разумение дает истинную жизнь.

5. Разумение – это свет истины. А свет светит в темноте, и темнота не может погасить его.

9. Свет истинный был всегда в мире и освещает всякого рождающегося человека в мире.

10. Он был в мире, и мир жив только потому, что имел в себе свет разумения, но мир не удерживал его.

11. Он являлся в своем, но свое не удерживало его.

12. Только те, которые поняли разумение, только те получили возможность сделаться подобными ему, тем, что они поверили в сущность его.

13. Те, которые поверили в то, что жизнь в разумении, стали не сынами плоти, а сынами разумения.

14. И разумение жизни в лице Иисуса Христа проявило себя во плоти, и мы поняли смысл его тот, что сын разумения, человек во плоти, однороден отцу – началу жизни, такой же, как отец, как и начало жизни.

15. Учение Иисуса есть совершенная и истинная вера.

16. Потому что по исполнению учения Иисусом мы поняли новую веру вместо прежней.

17. Моисеем был дан закон, но веру истинную, состоящую в исполнении разумения, мы поняли чрез Иисуса Христа.

18. Бога никто не видал и не видит никогда, только сын, тот, который в отце, тот указал путь жизни.

Глава I

СЫН БОГА

ЧЕЛОВЕК – СЫН БОГА, БЕССИЛЕН ВО ПЛОТИ И СВОБОДЕН ДУХОМ. (ОТЧЕ НАШ.)

СОДЕРЖАНИЕ I ГЛАВЫ

Иисус был сын неизвестного отца. Не зная отца своего, он в детстве своем называл отцом своим Бога. В то время был в Иудее пророк Иоанн. Иоанн проповедывал пришествие Бога на землю. Он говорил, что если люди переменят свою жизнь, будут считать всех людей равными между собою, не будут вредить, а будут помогать друг другу, то Бог сойдет на землю и на земле установится его царство. Услыхав эту проповедь, Иисус удалился от людей в пустыню, чтобы понять смысл жизни человека и его отношение к бесконечному началу всего, называемому Богом. Не зная своего плотского отца, Иисус отцом своим признавал Бога.

Пробыв в пустыне несколько дней без пищи, Иисус стал томиться голодом и подумал: я сын Бога всемогущего и потому должен быть всемогущ так же, как и он; но вот я хочу есть, и хлеб не является по моей воле, стало быть я не всемогущ. На это он сказал себе: я не могу из камней сделать хлеба, но могу воздержаться от хлеба. И потому, если я не всемогущ во плоти, я всемогущ по духу – могу победить плоть; и потому я сын Бога не по плоти, но по духу.

Но если я сын духа, – еще сказал он себе, – то я могу отрешиться от плоти и уничтожить ее. И на это он отвечал: я рожден духом во плоти. Такова была воля моего отца, и потому я не могу противиться воле его.

Но если ты не можешь удовлетворить твоим желаниям плоти и не можешь отречься от плоти, – еще сказал он себе, – то ты должен работать для плоти и наслаждаться всеми теми радостями, которые она дает тебе. И на это он отвечал: я не могу удовлетворить желаний плоти и не могу отрешиться от плоти; но жизнь моя всемогуща в духе отца моего, и потому во плоти я должен служить и работать одному духу – отцу.

И убедившись в том, что жизнь человека только в духе отца, Иисус вышел из пустыни и начал проповедывать людям свое учение. Он говорил, что в нем дух, что отныне небо отверсто, и силы небесные соединились с человеком, наступила для людей жизнь бесконечная и свободная, что люди все, как бы они ни были несчастны по плоти, могут быть блаженны.

Матф. I, 18. Рождение Иисуса Христа вот как было: мать его Мария была обручена Иосифу. Но прежде чем они стали жить, как муж с женою, оказалась Мария брюхата.

19, 24, 25. Иосиф же был человек добрый и не хотел ее осрамить; он принял ее в жены и не имел с нею дела, пока она не родила сына своего первого, и назвал его Иисус.

Лук. II, 40. И мальчик рос и мужал; и был разумен не по годам.

41, 42, 43, 44, 45. Было Иисусу уже 12 лет, и пошли раз Мария с Иосифом к празднику в Иерусалим и взяли с собой мальчика. Отошел праздник, и пошли они домой и забыли про мальчика.

Потом вспомнили и подумали, что он ушел с ребятами, и спрашивали про него дорогой. Мальчика нигде не было, и вернулись они за ним в Иерусалим.

46. И уже на третий день нашли они мальчика в церкви – сидит с учителями, спрашивает их и слушает.

47. И все удивляются разуму его.

48. Мать увидела его и говорит: что ты с нами сделал? Вот мы с отцом твоим горюем, ищем тебя.

49. А он сказал им: где же вы искали меня? Разве не знаете, что сына надо искать в доме отца?

50. И они не поняли слов его, не поняли, кого он называет отцом своим.

51. И после этого Иисус жил у матери и слушался ее во всем.

52. И подвизался и в возрасте и разуме.

Лк. III, 23. И все думали, что Иисус – сын Иосифа. И так жил он до 30 лет.

Матф. III, 1. В то время объявился в Иудее пророк Иоанн.

Марк. I, 4. Иоанн жил в степи Иудейской на Иордане.

Матф. III, 4. Одежда Иоанна была из верблюжьего волоса, подпоясана ремнем, а питался он корой древесной и зельем.

Мр. I, 4. Он призывал народ к перемене жизни, чтобы избавиться от заблуждения, и в знак перемены жизни купал народ в Иордане.

Лк. III, 4. Он говорил: голос взывает к вам; проложите в глуши путь Богу, уравнийте путь ему.

5. Сделайте так, чтобы всё было ровно, чтобы не было ни впадин, ни возвышений, ни высокого, ни низкого.

6. Тогда Бог будет в вас, и все найдут спасение свое.

10. И спрашивал его народ: что нам делать?

11. Он отвечал: у кого две одежды, тот отдай тому, у кого нет. И у кого есть пища, отдай тому, у кого нет.

12. Приходили к нему откупщики и спрашивали: нам что делать?

13. Он сказал им: ничего против положенного не вымогайте.

14. И спрашивали воины, как нам быть? Он сказал: никого не обижайте, не плутуйте. Будьте довольны тем, что вам отпускается.

Матф. III, 5. И приходили к нему иерусалимцы и все иудеи поблизости Иордана.

6. И каялись ему в своей неправде, и в знак перемены жизни он купал их в Иордане.

7. И православные и старообрядцы пришли тоже к Иоанну, но тайно. Он узнал их и сказал: вы, змеиная порода, или почуяли и вы, что не отбыть вам воли Божьей, так одумайтесь и перемените же свою веру.

8. И если хотите переменить веру, то пускай по плодам вашим видно будет, что вы одумались.

10. Уж и топор положен подле дерева. Если дерево приносит дурной плод, его срубают и бросают в огонь.

11. Я в знак перемены вашей веры очищаю вас в воде, но после этого купанья вы должны очиститься еще духом.

12. Дух очистит вас, как хозяин очищает гумно свое: пшеницу соберет, а мякину сожжет.

13. Иисус пришел из Галилеи на Иордан, чтобы выкупаться у Иоанна, и выкупался и слушал проповедь Иоанна.

Матф. IV, 1. И от Иордана он пошел в пустыню и там познал силу духа.

2. Иисус пробыл в пустыне 40 дней и 40 ночей без питья и еды.

3. И голос плоти его сказал ему:

Лук. IV, 3. Если бы ты был сын всемогущего Бога, то ты по своей воле мог бы сделать хлебы из камней, но ты не можешь этого сделать, стало быть ты не сын Бога.

4. Но Иисус сказал себе: если я и не могу сделать из камней хлеба, то это значит, что я не сын Бога плоти, но сын Бога духа. Я жив не хлебом, а духом. И дух мой может пренебречь плотью. Но голод все-таки мучил его, и голос плоти еще сказал ему: если ты жив только духом и можешь пренебречь плотью, то ты можешь отрешиться от плоти, и дух твой останется жив.

9. И ему представилось, что он стоит на крыше храма и голос плоти говорит ему: если ты сын Бога духа, то бросься с храма, ты не убьешься.

10. А невидимая сила сохранит тебя, поддержит и избавит от всякого зла.

11. Но Иисус сказал себе: я могу пренебречь плотью, но не могу отрешиться от нее, потому что я рожден духом во плоти. Такова была воля отца моего духа, и я не могу противиться ему. Тогда голос плоти сказал ему: если ты не можешь противиться отцу своему в том, чтобы не броситься с храма и отрешиться от плоти, то ты не можешь также противиться отцу в том, чтобы голодать, когда тебе хочется есть. Ты не должен пренебрегать похотями плоти. Они вложены в тебя, и ты должен служить им.

5. И Иисусу представились все царства земные и все люди, как они живут и трудятся для плоти, ожидая от нее награды.

6. И голос плоти сказал ему: вот видишь, они работают мне, и я даю им всё, чего они хотят.

7. Если будешь работать мне, и тебе то же будет.

8. Но Иисус сказал себе: отец мой не плоть, а дух. Я им живу, его знаю в себе всегда, его одного почитаю и ему одному работаю, от него одного ожидая награды.

13. Тогда искушение прекратилось, и Иисус познал силу духа.

Лук, IV, 14; Иоан. I, 36. И познав силу духа, Иисус вышел из пустыни и пришел опять к Иоанну и был с ним. И когда Иисус уходил от Иоанна, Иоанн сказал про него: это – спаситель людей.

Иоан. I, 37. По этим словам Иоанна два ученика Иоанна оставили своего прежнего учителя и пошли за Иисусом.

38. Иисус увидел, что они идут за ним, остановился и говорит: что вам надо? Они сказали ему: учитель! мы хотим быть с тобою и узнать твое учение.

39. Он сказал: пойдите со мной, и всё скажу вам. Они пошли с ним и пробыли с ним, слушая его до десятого часа.

40. Одного из этих учеников звали Андрей. У Андрея был брат Семен.

41. Послушав Иисуса, Андрей пошел к своему брату Семену и говорит ему: мы нашли того, про которого писали пророки и Моисей, того, который возвестит нам наше спасение.

42. Андрей взял с собой Семена и привел его тоже к Иисусу. Этого брата Андреева Иисус прозвал Петр – значит камень. И эти оба брата стали учениками Иисуса.

43. Потом, уже перед входом в Галилею, Иисус встретил еще Филиппа и позвал его с собой.

44. Филипп был из Вифсаиды, односелец Петру и Андрею.

45. Когда Филипп узнал Иисуса, он пошел и розыскал брата своего Нафанаила и говорит ему: мы нашли избранника Божия, про которого писали пророки и Моисей. Это – Иисус, сын Иосифа из Назарета.

46. Нафанаил удивился тому, что тот, про кого писали пророки, был из соседней деревни, и говорит: мудрено, чтобы посланник Божий был из Назарета. Филипп говорит: пойдём со мной, сам увидишь и услышишь.

47–49. Нафанаил согласился и пошел с братом и свиделся с Иисусом; и когда услышал его, то сказал Иисусу: да, теперь я вижу, что это правда, что ты сын Бога и царь израилев.

51. Иисус сказал ему: узнай то, что важнее этого. Отныне узнаете, что небо открыто и что люди могут быть в общении с силами небесными. Отныне Бог уже не будет особенный от людей.

Лук. IV, 16. И пришел Иисус на родину в Назарет. И в праздник вошел, как всегда, в собрание и стал читать.

17. Ему дали книгу пророка Исаии. Он развернул ее и стал читать. В книге написано было:

18. Дух владыки во мне. Он избрал меня на то, чтобы возвестить благо несчастным и разбитым сердцем, на то, чтобы возвестить связанным свободу, слепым – свет и измученным – спасение и отдых.

19. На то, чтобы возвестить всем время милости Бога.

20. Он закрыл книгу, отдал слуге и сел; и все ждали, что он скажет.

21. И он сказал: теперь это писание исполнилось в ваших глазах.

Глава II

БОГ – ДУХ

И ПОТОМУ ЧЕЛОВЕК ДОЛЖЕН РАБОТАТЬ НЕ ПЛОТИ, НО ДУХУ.

(ИЖЕ ЕСИ НА НЕБЕСЕХ.)

СОДЕРЖАНИЕ II ГЛАВЫ

Считавшие себя православными иудеи почитали Бога внешнего, плотского творца. По их учению этот внешний Бог сделал с ними уговор. По

уговору Бог обещал иудеям помогать им, а иудеи обещали почитать его, и главным условием уговора было соблюдение субботы. Иисус отверг соблюдение субботы. Он сказал: суббота есть человеческое установление. Живой человек в духе своем важнее всех внешних обрядов. Соблюдение обряда субботы, как и всякое внешнее богопочитание, в самом себе заключает обман. Нельзя ничего не делать в субботу. Доброе дело человек должен делать всегда, и если суббота мешает исполнению доброго дела, то значит, что суббота есть ложь.

Другим условием уговора с Богом православные иудеи считали необщение с неверными. На это Иисус сказал, что Бог от людей хочет не жертв, а любви между собою.

Еще условием уговора они считали правила об омовении и очищении. И на это Иисус сказал, что Бог не требует чистоты внешней, а требует только милосердия и любви к людям. При этом Иисус сказал, что внешние обряды вредны и самое церковное предание есть зло. Церковное предание делает то, что люди отбрасывают самые важные дела любви, как, например, любовь к матери и отцу, и оправдывают это церковным преданием.

Обо всем внешнем, обо всех правилах прежнего закона, определяющего те случаи, в которых человек оскверняется, Иисус сказал: знайте все, что ничто не может осквернить человека извне; оскверняет человека только то, что он думает. После этого Иисус пришел в Иерусалим, тот город, который считался священным, и в храм, в котором православные считали, что живет сам Бог, и сказал, что жертв Богу приносить не нужно, что человек важнее храма, что нужно только любить ближнего и помогать ему.

Потом Иисус сказал еще, что поклоняться Богу не нужно ни в каком особенном месте, а нужно служить отцу делом и духом. Дух нельзя видеть и показать. Дух есть сознание человеком своей сыновности духу бесконечному. Храм не нужен. Храм истинный есть мир людей, соединенных любовью. Он сказал, что всё внешнее богопочитание не только ложно и вредно, когда оно содействует делам зла, как богопочитание иудеев, предписывающее убийства и допускающее пренебрежение родителей, но оно вредно потому, что человек, исполняющий внешние обряды, считает себя правым и освобождает себя от дел любви. Он сказал, что только тот человек стремится к добру и творит дела любви, который чувствует свое несовершенство. Чтобы делать дела любви, надо считать себя несовершенным. А внешнее богопочитание вводит в обман самодовольства. Всё внешнее богопочитание не нужно и должно быть отброшено. Нельзя соединить дел любви с исполнением обрядов и нельзя в виде внешнего богопочитания творить дела любви. Человек – сын Бога по духу и потому должен служить отцу духом.

Матф. XII, 1; Марк. II, 23; Лук. VI, 1. Случилось, что раз в субботу Иисус шел с учениками чрез поле. Ученики проголодались и дорогой

рвали колосья, растирали в руках и ели. А по учению православных, Бог установил с Моисеем завет о том, чтобы все соблюдали субботу и в субботу ничего бы не делали. По учению православных, того, кто работал в субботу, Бог велел побить камнями.

Мф. XII, 2. Увидали православные, что ученики трут колосья в субботу, и говорят: так не годится делать в субботу. В субботу нельзя работать, а вы растираете колосья. Бог установил субботу и велел за нарушение казнить смертью.

7. Иисус услышал это и говорит: если бы вы понимали, что значат слова Бога: хочу любви, а не жертвы, – вы бы не обвиняли за то, в чем нет вины.

8. Человек важнее субботы.

Луки XIII, 10. Случилось в другой раз в субботу, что, когда Иисус учил в собрании,

11. подошла к нему больная женщина и просила помочь ей.

12. И Иисус стал пользоваться ее.

14. Тогда православный староста церковный рассердился за это на Иисуса и сказал народу: в законе Бога сказано: есть шесть дней в неделе на то, чтобы работать.

Лук. XIV, 3. А Иисус на это спросил православных законников: что же, по вашему закону нельзя и помогать человеку в субботу?

6. И они не знали, что ответить.

Мф. XII, 11; Лук. XIV, 5. Тогда Иисус сказал: обманщики! разве каждый из вас не отвязывает скотину от яслей и не водит поить в субботу? И если у кого завалится овца в колодезь, ведь побежит всякий и вытащит, хотя и в субботу.

Мф. XII, 12. Человек ведь много лучше овцы. А говорите, что человеку нельзя помочь. Что же, по-вашему, надо делать в субботу – доброе или злое? Спасать душу или губить? Добро надо делать всегда, и в субботу.

Мф. IX, 9. Увидел раз Иисус откупщика за сбором. Откупщика звали Матфеем. Иисус заговорил с ним, и Матфей понял его, полюбил его учение, и позвал к себе в гости, и сделал ему угощение.

10. Когда Иисус пришел к Матфею, пришли приятели к Матфею – откупщики и неверные, и Иисус не погнушался ими и сел сам и ученики его.

11. И вот православные увидели это и говорят ученикам Иисуса: как же это ваш учитель ест с откупщиками и заблудшими? А по учению православных, Бог велел не общаться с неверными.

12. Иисус услышал это и говорит: тому, кто хвалится здоровьем, не нужно лекаря, а тому, кто болен, нужен.

13. Поймите, что значат слова Бога: любви хочу, а не жертвы. Мне нельзя учить перемене веры тех, которые считают себя православными, а я учу тех, которые считают себя заблудшими.

Матф. XV, 1; Марк. VII, 1. Пришли к Иисусу православные законники из Иерусалима.

Матф. XV, 2; Марк. VII, 2. И увидели они, что ученики его и сам он едят хлеб неумытыми руками. И стали православные законники осуждать его за это.

Матф. XV, 3. Потому что сами они строго ведут по церковному преданию, как мыть посуду, и если не вымоют, не станут есть.

Марк. VII, 4. И также с торгу ничего не станут есть, если не вымоют.

5. И спросили его православные законники: отчего же вы не по церковному преданию живете и неумытыми руками берете и едите хлеб?

Матф. XV, 3. И он отвечал им: как же вы-то по своему церковному преданию нарушаете заповедь Божию?

Марк. VII, 10. Бог сказал вам: чти отца и мать.

11. А вы выдумали, что всякий может сказать: я отдаю Богу то, что отдавал родителям.

12. И тогда можете не кормить отца и мать. Так-то церковным преданием разрушаете заповедь Божию.

Матф. XV, 7. Обманщики! правду сказал про вас пророк Исаия;

8. «За то, что народ этот только на словах припадает ко мне и языком почитает меня, тогда как сердце его далеко от меня.

9. И за то, что страх его передо мной – только человеческое повеление, которое он выучил наизусть, за это я над народом этим сделаю удивительное, необыкновенное дело: мудрость его мудрецов пропадет и разум его разумников померкнет. Беда тем, которые заботятся о том, чтобы скрывать свои желанья от Вечного, и которые делают свои дела во мраке».

Марк. VII, 8. Так и вы, оставляете то, что важно в законе, то, что заповедь Божия, и соблюдаете свое человеческое предание – чашки обмывать.

14. И Иисус созвал весь народ и сказал: слушайте все и понимайте.

15. Ничего нет такого на свете, чтобы, входя в человека, могло бы поганыть его, но то, что выходит из него, вот это поганит человека. Пусть будет у тебя в душе любовь и милосердие, и тогда всё чисто

будет.

16. Старайтесь понять это.

17. И когда он вернулся домой, ученики спросили его, что значат эти слова.

18. И он сказал: неужели и вы не поняли этого? Разве вы не понимаете, что всё внешнее, плотское не может осквернить человека?

19. Потому что входит к нему не в душу, но в брюхо. В брюхо входит, а из задницы с калом выходит вон.

20. Только то может осквернить человека, что из человека, из души его выходит.

21. Потому что из души человека выходит зло: блуд, похабство, убийство, воровство, корысть, злоба, обман, наглость, зависть, клевета, гордость, всякая дурь.

23. Всё это зло из души человека, и оно только может осквернить человека.

Иоан. II, 13. После этого подошла пасха, и пришел Иисус в Иерусалим и вошел в храм.

14. В притворе храма стояла скотина: коровы, быки, бараны и были сделаны садки с голубями, были за лавками менялы с деньгами. Всё это нужно было, чтобы подавать Богу. Убивали и подавали в храм. В этом была молитва иудеев, так, как их учили православные законники.

15. Иисус вошел в храм, свил кнут, и повыгнал всю скотину из притвора, и голубей всех повыпустил, и деньги все рассыпал.

16. И велел, чтобы ничего этого не носили в храм.

17. Он сказал: пророк Исаия сказал вам: дом Бога не храм в Иерусалиме, а весь мир людей Божиих. А пророк Иеремия тоже сказал вам: не верьте лживым речам о том, что здесь дом Вечного, не верьте этому, а перемените свою жизнь и не судите лживо, не угнетайте странника, вдову, сироту, не проливайте безвинной крови и не приходите в дом Бога и не говорите: теперь мы спокойно может делать пакости. Не думайте, чтобы вертеп разбойников мог быть домом отца.

18. И заспорили иудеи и говорят ему: ты говоришь, что наше богоугождение неправильно; чем ты это докажешь?

19. И, обратившись к ним, Иисус сказал: разорите храм этот, и я в три дня взбужу новый, живой храм.

20. И иудеи сказали: как же ты сделаешь сейчас новый храм, когда этот строился сорок шесть лет?

Матф. XII, 6. И Иисус сказал им: я говорю вам про то, что важнее

храма.

7. Вы бы не говорили этого, если бы понимали, что значат слова пророка: «я, Бог, не радуюсь вашим я жертвам, но радуюсь вашей любви между собой». Живой храм – это весь мир людей, когда они любят друг друга.

Иоан. II, 23. И тогда в Иерусалиме много людей поверили в то, что он говорил.

24. А сам он не верил ни во что внешнее, потому что знал, что всё в человеке.

25. Ему не нужно было, чтобы кто-нибудь учил его об человеке, потому что он знал, что в человеке – дух.

Иоан. IV, 4. И пришлось раз Иисусу проходить чрез Самарию.

5. Проходил он мимо села самарийского Сихар, подле того места, которое дал Иаков сыну своему Иосифу.

6. Был там колодезь Иаковлев. Иисус утомился от дороги и сел у колодезя.

8. А ученики его пошли в город за хлебом.

7. И приходит от Сихара женщина за водой. Иисус попросил у нее напиться.

9. Она и говорит ему: как же так, ты просишь у меня напиться? Ведь вы, иудеи, с нами, самарянами, не общаетесь.

10. А он и говорит ей: если бы ты знала меня и знала то, чему я учу, ты бы не говорила этого, а подала бы мне пить, а я бы дал тебе воды жизни.

13. Кто твоей воды напьется, тот опять захочет пить.

14. А кто моей воды напьется, навсегда будет доволен, и эта моя вода приведет его в жизнь вечную.

19. Женщина поняла, что он говорит про божественное, и говорит ему: я вижу, что ты пророк, хочешь научить меня.

20. Но как же тебе научить меня божественному, когда ты иудей, а я самарянка. Наши на этой горе молятся Богу, а вы, иудеи, говорите, что только в Иерусалиме дом Бога. Нельзя тебе научить меня божественному, потому что у вас одна вера, а у нас другая.

21. Иисус и говорит ей: поверь мне, женщина, пришло уж время, что не на этой горе и не в Иерусалиме люди будут молиться отцу.

22. Потому что, если молятся Богу, то молятся тому, кого не знают, а если молятся отцу, то молятся тому, кого нельзя не знать.

23. Пришло время, что настоящие почитатели Бога будут почитать не Бога, а отца в духе и делом. Таких отцу нужно почитателей.

24. Бог – это дух, и почитать его надо в духе и делом.

25. Женщина не разобрала, что он сказал ей, и говорит: слыхала я, что посланец Божий придет, тот, кого называют помазанник. Он тогда всё расскажет.

26. Иисус и говорит ей: это я, тот самый, что говорит с тобой. Ничего не жди больше.

Иоан. III, 22. После того пришел Иисус в Иудейскую землю и там жил с учениками и учил.

23. В то время Иоанн учил людей подле Салима и купал в реке Эноне,

24. потому что Иоанн еще не был посажен в темницу.

25. И зашел между учениками Иоанна и учениками Иисуса спор о том, что лучше: очищение ли Иоанново в воде, или учение Иисусово.

26. И пришли к Иоанну и сказали ему: вот ты очищаешь водой, а Иисус только учит; и все идут к нему. Что ты скажешь о нем?

27. Иоанн сказал: человек сам собой не может ничему учить, если Бог не научит его.

28. Кто говорит земное, то земное и есть, а если кто говорит от Бога, то – от Бога.

32, 33 и 34. Доказать ничем нельзя: от Бога ли слова, которые говорят, или не от Бога. Бог – это дух; его нельзя мерить и нельзя доказать. Кто поймет слова духа, тем самым и доказывает, что он от духа.

35. Отец, любя сына, всё передал ему.

36. Кто верит в сына, тот имеет жизнь; а кто не верит в сына, тот не имеет жизни. Бог есть дух в человеке.

Лук. XI, 37. После этого пришел к Иисусу один православный и зазвал к себе завтракать. Он вошел и сел за стол.

38. Православный заметил, что он не умылся перед завтраком, и подивился.

39. Иисус и говорит ему: вы, православные, снаружи всё моете: а внутри–то чисто ли у вас? Будь милостив к людям, и всё чисто будет.

Лук. VII, 37. И пока он сидел в доме у православного, пришла женщина городская, она была неверная. Она узнала, что Иисус в доме у православного, и пришла туда же и принесла склянку с духами.

38. И стала на колени у ног его, заплакала и слезами обливала его ноги, вытирала волосами и поливала духами из склянки.

39. Увидел это православный и подумал себе: едва ли он пророк. Когда бы он точно был пророк, он бы узнал, какая такая женщина оmyвает ему ноги, он бы узнал, что это – неверная, и не позволил бы ей дотрагиваться до себя.

40. Иисус догадался, обернулся к нему и говорит: сказать тебе, что я думаю? – Скажи, – говорит.

41. Иисус и говорит: вот что: два человека считали себя должными одному хозяину: один пятьсот денег, а другой пятьдесят.

42. И не было чем отдать ни тому, ни другому. Хозяин и простил обоим. Ну, как по твоему разуму, какой будет более любить хозяина и ухаживать за ним?

43. Тот и говорит: известно, тот, кто больше был должен.

44. Иисус показал на женщину и говорит: так-то ты и эта женщина. Ты считаешь себя православным и потому малым должником; она считает себя неверною и потому большим должником. Я пришел к тебе в дом, ты не дал мне воды ноги умыть; она слезами умывает и волосами отирает мои ноги.

45. Ты не поцеловал меня, а она целует мои ноги.

46. Ты не дал мне масла голову помазать, а она дорогими духами мажет мне ноги.

47. Тот, кто считает себя православным, тот и не будет делать дел любви. А кто считает себя неверным, тот и будет делать дела любви. А дела любви избавляют от всех заблуждений.

48. И сказал ей: да, ты избавилась от твоих заблуждений. И сказал Иисус: всё дело в вере в то, кто каким считает себя. Кто по вере своей считает себя добрым, тот не будет добр; а кто по вере своей считает себя дурным, тот хорош.

Лук. XVIII, 10. И еще Иисус сказал: пришли раз в храм молиться два человека; один – православный, другой – откупщик неверный.

11. Православный так молился: благодарю тебя, Господи, за то, что я не такой, как другие: не скряга я, не обманщик, не распутник, не такой негодяй, как этот откупщик.

12. Пощусь два раза в неделю и из имения десятину отдаю.

13. А откупщик стал поодаль и не смел на небо глянуть, и только бил себя по груди и приговаривал: Господи! оглянись на меня, негодного.

14. Что же? ведь этот был лучше православного, потому что, кто

возвышается, тот принизится, а кто унижается, тот возвысится.

Лук. V, 33. После этого пришли к Иисусу ученики Иоанна и говорят: отчего мы и православные постимся много, а ученики твои не постятся? А по православному закону Бог велел поститься.

34. И сказал им Иисус: пока жених на свадьбе, никто не печалится.

35. Только когда нет жениха, тогда печалются.

36. Если есть жизнь, то не должно печалиться. Нельзя соединить внешнего богопочитания с делами любви. Нельзя соединить старого учения – внешнего богопочитания – с моим учением – дел любви к ближнему. Соединять мое учение с старым всё равно, что отодрать лоскут от новой одежды ишить по старую. И новую разорвешь и старую не починишь. Надо принять или всё мое, или всё старое. И, приняв мое учение, нельзя удержать старое: очищение, посты, субботы.

37. Как нельзя новое вино вливать в старые мехи, а то разорвутся мехи и вино вытечет.

38. Но вино новое надо вливать в мехи новые, и то и другое цело будет.

Мф. IV, 14, 16. И на Иисусе исполнилось пророчество Исаии: народ был во тьме и вдруг увидал свет. Люди жили во мраке смерти, и для них воссиял свет.

18. И сбылось другое пророчество Исаии: вот оно, дитя мое возлюбленное. Душа моя на него радуется. Потому что в нем дух мой, и он возвестит народам правду.

19. Он не спорит и не кричит, и голоса его не слышать на улицах.

20. Для того, чтобы правда восторжествовала над ложью, он соломинки не перервет и ночника не задует. В его учении надежда людей.

25. И много народа шло за ним.

Мф. VIII, 1. И он ходил по городам и селам, возвещая истинное благо.

Глава III

НАЧАЛО РАЗУМЕНИЯ

ОТ ДУХА ОТЦА ПРОИЗОШЛА ЖИЗНЬ ВСЕХ ЛЮДЕЙ.

(ДА СВЯТИТСЯ ИМЯ ТВОЕ.)

СОДЕРЖАНИЕ III ГЛАВЫ

Ученики Иисуса спрашивают Иисуса о том, в чем состоит то царствие Божие, которое он проповедует. Иисус отвечает: царство Божие, которое я проповедую, есть то же, которое проповедывал Иоанн. Оно состоит в том, что все люди, несмотря ни на какие плотские беды, могут быть блаженны.

И Иисус говорит народу: Иоанн первый проповедывал народу царство Божие не во внешнем мире, а в душе людей: православные ходили слушать его, но не поняли ничего, потому что они понимают только то, что сами выдумывают о внешнем Боге и свои выдумки проповедуют и удивляются, что никто их не слушает. Иоанн же проповедывал истину царства Божия внутри людей и потому он более всех сделал. Он сделал то, что с его времени стали не нужны закон и пророки и всё внешнее богочитание. Со времени его учения открылось, что царство Бога в душе людей и что каждый человек по своей силе может быть в царстве, в воле Бога отца.

На вопрос о том, когда придет царство Бога, Иисус говорит, что царство Бога невидимо и не находится во внешнем, а оно в душах людей. Начало и конец всего – в душе человека.

И разъясняя смысл царства Бога, Иисус говорит: Каждый человек, кроме своей плотской жизни, кроме понятного ему зачатия от плотского отца в утробе плотской матери, сознает в себе дух свободный, разумный и независимый от плоти. Этот-то дух бесконечный и исшедший из бесконечного, есть начало всего и то, что мы называем Богом. Мы знаем его только в себе. Этот дух есть начало нашей жизни, и его надо поставить выше всего, им надо жить. Сделав этот дух основой жизни, мы получаем истинную, бесконечную жизнь. Тот отец дух, который послал этот дух в людей, не мог послать его затем, чтобы обмануть людей, чтобы люди, сознавая в себе бесконечную жизнь, потеряли бы ее. Если есть в человеке этот бесконечный дух, то он должен давать бесконечную жизнь. И потому человек, в этом духе полагающий свою жизнь, и имеет жизнь бесконечную. Человек, не в этом духе полагающий свою жизнь, не имеет жизни. Люди могут сами выбирать жизнь и смерть. Жизнь в духе, смерть в плоти. Жизнь духа есть добро, свет; жизнь плоти – зло, тьма. Верить в дух – значит творить дела добра; не верить – значит творить дела зла. Добро есть жизнь, зло есть смерть. Бога, внешнего творца, начала всех начал, мы не знаем. Всё, что мы можем представить себе о нем, это то, что он посеял в людях дух, и посеял, как сеет севец, везде, не разбирая земли, и семя, попавшее на хорошую землю, растет, а на неудобную – погибает. Только дух дает жизнь людям, и от людей зависит удержать или потерять ее. Зла не существует для духа. Зло – это подобие жизни. Есть только живое и не живое. Зло – не живое. Таково представление о всем мире людей; но для каждого человека есть сознание царства небесного в душе. Каждый может по своему произволу войти или не войти в него. Чтобы войти в него, надо верить в жизнь духа. Верующий в жизнь духа имеет жизнь бесконечную.

Матф. XI, 2, 3. После этого пришли ученики Иоанна спросить Иисуса: тот ли он, про которого говорит Иоанн; открывает ли он царство Божие и обновляет ли он людей духом?

4. Иисус отвечает и говорит: посмотрите, послушайте и расскажите Иоанну, наступило ли царство Бога и обновляются ли люди духом. Расскажите ему, как я проповедую царство Бога.

5. В пророчествах сказано, что когда наступит царство Бога, то все люди будут блаженны. Ну и скажите ему, что мое царство Бога такое, что нищие блаженны.

6. И что всякий, кто понимает меня, делается блажен.

7. И, отпустив учеников Иоанна, Иисус начал говорить народу о том, какое царство Божие возвещал Иоанн. Он сказал: когда вы ходили креститься к Иоанну в пустыню, чего вы ходили смотреть? Законники православные ходили тоже, но не понимали того, что возвещал Иоанн. И они ни во что сочли его.

16. Эта порода, православные законники, то только и считают правдой, что они сами выдумывают и слушают друг от друга, и тот закон, который они сами выдумали.

18. А что Иоанн говорил, что я говорю, они не слышат и не понимают. Из того, что говорил Иоанн, они поняли только то, что он постился в пустыне, и говорят: в нем бес.

19. Из того, что я говорю, они поняли только то, что я не пощусь, и говорят: он ест и пьет с откупщиками и развратниками, друг им.

17. Они, как ребята на улице, друг с дружкой болтают и дивятся, что никто их не слушает.

19. И видна их мудрость по делам их.

8. Если бы вы хотели посмотреть на человека, разодетого в богатую одежду, так ведь эти здесь, во дворцах живут.

9. Так чего же вы не видали в пустыне? Вы думаете, что вы ходили за тем, что Иоанн был такой же пророк, как другие? Не думайте этого. Иоанн был не такой пророк, как другие; он был больше всех пророков. Те предсказывали то, что может быть. Он возвестил людям то, что есть: что царство Божие и было и есть на земле.

11. Верно говорю вам: не рождался человек больше Иоанна. Он объявил царство Божие на земле и потому он выше всех.

Лук. XVI, 16. Закон и пророки – всё это нужно было до Иоанна. А с Иоанна и по сие время возвещается, что царство Божие на земле, и что, кто делает усилие, тот и входит в него.

Лук. XVII, 20. И пришли к Иисусу православные и стали спрашивать его, как же и когда придет царство Божие? И он отвечал им: царство Божие, какое я проповедую, не такое, какое проповедывали прежние пророки. Они говорили, что придет Бог с различными видимыми явлениями, а я говорю про такое царство Божие, которого пришествия нельзя видеть глазами.

23. И если скажут вам: вот оно пришло или придет, или вот оно здесь, вы им не верьте. Царство Божие не во времени или в месте каком-нибудь.

24. Оно, как молния, – и здесь, и там, и везде.

21. И нет ему ни времени, ни места, потому что царство Бога, то, какое я проповедую, – внутри вас.

Иоанн III, 1, 2. После этого один православный из начальников еврейских, Никодим, пришел к Иисусу ночью и говорит: ты не велишь соблюдать суббот, не велишь чистоту соблюдать, не велишь приносить жертвы, поститься; храм уничтожил, про Бога говоришь, что он – дух, и про царство Божие говоришь, что оно внутри нас. Какое же это царство Бога?

3. И Иисус отвечал ему: пойми ты, если человек зачат с неба, то в нем должно быть небесное.

4. Никодим не понял этого и сказал: как же может человек, если он зачат от плоти отца и состарелся, опять влезть в брюхо матери и сначала зачатся?

5. И Иисус отвечал ему: пойми ты, что говорю. Я говорю, что человек, кроме плоти, зачат еще от духа, и потому всякий человек зачат от плоти и духа, и потому в нем может быть царство небесное.

6. От плоти – плоть. От плоти не может родиться дух: только от духа может быть дух.

8. Дух – это то, что живет в тебе, и живет свободно и разумно, и то, чему ты не знаешь ни начала, ни конца, и это чувствует в себе всякий человек.

7. И потому, чему же ты удивился, что я сказал тебе, что мы должны быть зачаты с неба?

9. Никодим сказал: все-таки не верю, чтобы это могло быть так.

10. Тогда Иисус сказал ему: какой же ты учитель, когда не понимаешь этого!

11. Пойми ты, что не мудрости какие-нибудь толкую я; я толкую то, что мы все знаем, уверяю в том, что мы все видим.

12. Как же ты будешь верить в то, что на небе, если ты не веришь в то, что на земле, что в тебе самом.

13. На небе ведь никто не был, а есть только на земле человек, сошедший с неба и сам небесный.

14. Вот этого-то самого небесного сына в человеке и надо возвысить, чтобы всякий верил в него и не погибал, но имел бы жизнь небесную.

16. Ведь не для гибели людей, а для блага людей дал Бог людям сына своего, такого же, как он. Он дал ведь его для того, чтобы всякий верил в него и не погибал, а имел бы жизнь бесконечную.

17. Ведь не затем же он произвел сына своего, – жизнь, в мир людей, чтобы уничтожить мир людей, но он затем произвел сына своего – жизнь, чтобы мир людей был жив им.

18. Кто в нем полагает жизнь, тот не умирает, а кто не полагает в нем жизнь, тот сам себя уничтожает тем, что не положился на то, что есть жизнь.

19. Разделение (смерть) в том и состоит, что жизнь пришла в мир, но люди сами идут прочь от жизни. Жизнь есть свет людей. Свет пришел в мир, но люди предпочли тьму свету и не идут к свету.

20. И потому, кто дурное делает, тот не идет к свету; так что не видны его дела, и тот лишает себя жизни.

21. А кто в истине живет, тот идет к свету, так что дела его в свете, и тот имеет жизнь и соединяется с Богом.

Царство Бога надо понимать не так, как вы думаете, что для всех людей в какое-нибудь время и в каком-нибудь месте придет царство Бога, а так, что во всем мире всегда одни люди, те, которые полагаются на небесного сына человеческого, делаются сынами царства, а другие, которые не полагаются на него, уничтожаются. Отец того духа, который в человеке, есть отец только тех, которые признают себя его сынами. И потому для него существуют только те, которые удержали в себе то, что он дал им.

Матф. XIII, 3. И после этого стал Иисус толковать народу про то, что есть царство Бога, и толковал он это притчами. Он сказал: отец дух сеет в мире жизнь разумения, всё равно как хозяин сеет семена на своем поле.

4. Он сеет по всему полю, не разбирая, какое куда попадет. И вот попадают одни зерна на дорогу, и прилетят птицы и поклюют.

5. А другие на камни, и на камнях хоть и прорастут, да повянут, потому что укорениться негде.

7. А еще иные попадают в полыни, и полыни задавят хлеб, и взойдет колос, да не нальет.

8. А иные попадут на хорошую землю, те всходят и наверстывают за пропащие зерна и выколосневаются и наливают; и какой колос дает сам-

сто, какой сам–шестьдесят, какой сам–тридцать.

Так–то и Бог рассеял дух в людях, в иных он пропадает, а в иных родит сторицею. Эти–то люди и составляют царство Бога.

Марк. IV, 26. Так царство Бога не такое, как вы думаете, что придет Бог царить над вами. Бог только посеял дух, и царство Божие будет в тех, которые хранят его.

27. Бог не правит людьми и, как хозяин, бросит семена в землю и сам не думает о них.

28. Семена сами бухнут, прорастают, выходят в зелень, трубку, колос и наливают зерно.

29. И только когда поспело, хозяин посылает серпы, чтобы сжать ниву. Так и Бог дал миру сына своего – духа, и дух сам растет в мире, и сыны духа составляют царство Бога.

Матф. XIII, 33. Как баба, пустив в дежу закваску, смешает с мукой и уж не ворочает ее, а ждет, чтобы она сама закисло и поднялась.

Пока люди живут, Бог не вступает в их жизнь; он дал в мир дух, и дух сам живет в людях и составляет царство Бога. Для духа нет ни смерти, ни зла. Смерть и зло для плоти, а не для духа.

XIII, 24. Царство Бога вот к чему применить: хозяин посеял хорошие семена на своем поле. Хозяин – это дух отец; поле – это мир; семена хорошие – это сыны царства Бога.

25. Вот лег хозяин спать, и пришел враг и насеял на поле кистерю. Враг – это соблазн, кистерь – это сыны соблазна.

27, 28. Вот пришли к хозяину работники и говорят: или ты плохие семена сеял? У тебя на поле много кистерю вышло. Пошли нас, мы выполем.

29. А хозяин говорит: не надо; а то вы станете полоть кистерь, да и потопчете пшеницу.

30. Пускай растут вместе. Придет жатва, тогда велю жнецам отобрать кистерь и сожгу, а пшеницу убери в сарай.

Жатва – это конец жизни людской, а жнецы – это силы небесные. И сожгут кистерь, а пшеница очистится и соберется. Так и при конце жизни пропадет всё, что было обман времени, и останется одна настоящая жизнь – в духе. Для духа отца зла нет. Дух блюдет то, что нужно ему, а что не от него, того нет для него.

47. Царство Божие – как невод. Невод протянут по морю и захватит всякой рыбы.

48. А потом, когда вытащат, отберут дрянных и кинут в море. Так будет и при конце века: сила небесная отберет хорошее, а дурное

бросится.

10. И как он кончил говорить, стали у него ученики его спрашивать: как понимать эти притчи?

11. И он сказал им: притчи эти надо понимать надвое. Ведь все притчи эти я говорю к тому, что есть одни, как вы, ученики мои, которые одни понимают, в чем царство Божие; понимают, что царство Божие внутри каждого человека, понимают, как войти в него; а другие не понимают этого. Другие глядят и не видят, и слушают и не понимают.

15. Потому что ожирело их сердце. Вот я говорю эти притчи надвое, и тем и другим. Тем я говорю о Боге, о том, что такое для Бога его царство, и они могут понимать это. Вам же я говорю о том, что такое для вас царство Бога, то, которое внутри вас.

18. И вы смотрите – понимайте как следует притчу о сеятеле. Для вас притча вот что значит.

19. Всякий кто понял смысл царства Бога, но не принял его в сердце свое, к тому приходит зло и похищает посеянное; это семя – на дороге.

20. На камне посеянное – это тот, кто тотчас с радостью принимает.

21. Но нет в нем корня, а только временем принимает, а найдет теснота, гонение из-за смысла царства, тотчас и отказывается.

22. В полынях посеянное – это тот, кто понял смысл царства, но заботы мирские и жадность к богатству душит в нем смысл, и он не дает плода.

23. А на хорошей земле – это тот, кто понял смысл царства и принял его в сердце свое. Этот родит плод, который сам-сто, который сам-шестьдесят, который сам-тридцать.

12. Потому кто держит, тому дастся многое, а кто не держит, у того последнее отнимется.

Лук. VIII, 18. И потому смотрите, как понимаете притчи. Понимайте так, чтобы не поддаваться обманам, обидам и заботам, а чтобы принести плод сам-тридцать, сам-шестьдесят и сам-сто.

Матф. XIII, 31. Царство небесное в душе разрастается из ничего, но дает всё. Оно, как семечко березовое, самое маленькое из зерен, когда вырастет, то больше всех деревьев, и птицы небесные вьют на них гнезда.

ЦАРСТВО БОГА

И ПОТОМУ ВОЛЯ ОТЦА ЕСТЬ ЖИЗНЬ И БЛАГО ВСЕХ ЛЮДЕЙ.

(ДА ПРИИДЕТ ЦАРСТВИЕ ТВОЕ.)

СОДЕРЖАНИЕ IV ГЛАВЫ

Иисусу жалко было людей за то, что они не знают истинного блага, и он учил их. Он говорил: блаженны те, у кого нет собственности, нет славы и нет заботы об этом; а несчастны те, которые ищут богатства и славы, потому что нищие и угнетенные – в воле отца, а богатые и славные ищут только награды от людей в этой временной жизни. Чтобы исполнить волю отца, надо не бояться быть нищим и презренным, надо радоваться этому, чтобы показать людям, в чем истинное благо.

Чтобы исполнить волю отца, дающего жизнь и благо всем людям, надо исполнять пять заповедей.

Первая заповедь. Не обижать никого и делать так, чтобы ни в ком не возбудить зла, потому что от зла заводится зло.

Вторая заповедь. Не любезничать с женщинами, не оставлять той жены, с какой сошелся, потому что оставление жен и перемена их производит всё распутство на свете.

Третья заповедь. Ни в чем не клясться, потому что ничего нельзя обещать, так как человек весь во власти отца, и клятвы берутся для злых дел.

Четвертая заповедь. Не противиться злу, терпеть обиду и делать еще больше того, чем то, что требуют люди: не судить и не судиться, потому что человек сам полон ошибок и не может учить других. Мщением человек только учит других тому же.

Пятая заповедь. Не делать различия между своим отечеством и чужим, потому что все люди дети одного отца.

Соблюдать эти пять заповедей должно не для того, чтобы заслужить похвалу от людей, а для себя, для своего блаженства. Ни молиться, ни поститься не нужно. Молиться не нужно потому, что отец знает всё, что людям нужно. И просить его не о чем; надо только стараться быть в воле отца. Воля же отца в том, чтобы ни на кого не иметь злобы. Поститься не нужно: люди постятся только для похвалы от людей; а похвала от людей не может дать блаженства. Заботиться нужно только о том, чтобы быть в воле отца, а остальное всё будет само собою. Если о плотском заботиться, то уже нельзя заботиться о царстве небесном. И без заботы об еде и одежде человек будет жив. Отец дает жизнь. Заботиться надо только о том, чтобы в настоящем часе быть в воле отца. Отец дает детям то, что им нужно. Желать можно только силы духа, которую дает отец. Пять заповедей определяют путь в царство небесное. Один только этот узкий путь ведет в жизнь вечную. Ложные учителя, волки в овечьих шкурах, всегда стараются сбить людей с

этого пути. Надо остерегаться их. Узнать ложных учителей всегда можно, потому что они учат злу во имя добра. Если они учат насилию, казням – они ложные учителя. По тем делам, которым они учат, можно узнать их.

Исполняет волю отца не тот, кто призывает имя Бога, а тот, кто делает дела добра. Так что, кто исполняет эти пять заповедей, тот будет иметь несомненную жизнь, которую никто не отнимет от него, а кто не исполнит, тот будет иметь жизнь такую, которая скоро отнимется у него, так что ничего не останется. Учение Иисуса удивляет и прельщает весь народ тем, что оно признает всех свободными. Учение Иисуса было выполнением пророчества Исаии о том, что избранник Божий принес свет людям и победил зло, и восстановил правду кротостью, смирением и добром, а не насилием.

Матф. IX, 35. И Иисус ходил по городам и селениям и поучал всех блаженству исполнения воли отца.

36. Иисусу жалко было людей за то, что они погибают, не зная, в чем истинная жизнь, и мечутся и мучатся сами не зная зачем, как заброшенные овцы без пастуха.

Мф. V, 1. Раз собралось к Иисусу множество народа, чтобы слушать его учение, и он взошел на гору и сел. Ученики окружили его.

2. И Иисус начал учить народ о том, в чем состоит воля отца.

Лук. VI, 21. Он сказал: блаженны нищие, бездомные, потому что они в воле отца. Если они и поголодают, они насытятся; если и погорюют и поплачут, они утешатся.

22. Если люди презирают их и отстраняют и гонят отовсюду.

23. Пусть они радуются этому, потому что так гоняли всегда людей Божиих. И они получат награду небесную.

24. Но горе богачам, потому что они получили уже всё, чего желали, и больше ничего не получают.

25. Теперь они довольны, но будут и голодны. Теперь они веселы, но будут и печальны.

26. Если все величают их, горе им, потому что все величают только обманщиков. Блаженны нищие, бездомные, но блаженны только тогда, когда они не по виду только нищие, но и по душе, как соль хороша только тогда, когда не по виду только похожа на соль, но когда солонина сама по себе.

Матф. V, 13. Так и вы, нищие, бездомные, учителя мира, вы блаженны, если вы знаете, что истинное счастье в том, чтобы быть бездомным и

нищим. Если же вы нищие только по виду, то вы, как соль несоленая, никуда уже не годитесь.

14. Вы свет миру, и потому не прячьте своего света и показывайте его людям.

15. Ведь, зажегши свет, не ставят его под лавку, а ставят на стол, чтобы он светил всем в горнице.

16. Так и вы, не скрывайте своего света, а делами показывайте его так, чтобы люди видели, что вы знаете истину, и, глядя на ваши добрые дела, понимали бы отца вашего небесного.

17. И не думайте, что я освобождаю вас от закона. Я учу не освобождению от закона, а я учу исполнению вечного закона.

18. Пока есть люди под небом, есть и вечный закон. Закона тогда только не будет, когда люди сами собою всё будут исполнять по вечному закону. И вот я даю вам заповеди вечного закона.

19. И если кто освободит себя хоть от одной из коротких заповедей этих и научит других тому, что можно освободить себя от них, тот последним будет в царстве небесном; а кто исполнит и тем научит других, тот большим будет в царстве небесном.

20. Потому что если ваша добродетель будет не больше добродетели книжников православных, то уж никак не будете в царстве небесном.

Вот эти заповеди:

21. Первая заповедь. Матф. V, 21. В прежнем законе сказано: не убей. А если кто убьет другого, то того нужно судить.

22. А я вам говорю, что стоит суда всякий, кто рассердится на брата своего. И еще больше виноват тот, кто скажет бранное слово брату своему.

Так что если хочешь молиться Богу, то вспомни прежде, нет ли человека, который бы имел что-нибудь против тебя, и если вспомнишь, что хоть один человек считает, что ты обидел его, оставь свою молитву и поди прежде помирись с братом, тогда уж молись. Знайте, что Богу не нужно ни жертвы, ни молитвы, а нужен мир, согласие и любовь между вами. И что нельзя вам ни молиться, ни думать о Боге, если есть у вас хоть один человек, с которым вы не в любви.

Так вот первая заповедь: не сердитесь, не бранитесь, а побранились – помиритесь и делайте так, чтобы ни один человек не имел бы на вас обиды.

Матф. XIX, 7. Вторая заповедь. В прежнем законе сказано: не прелюбодействуй. И если хочешь отпустить жену, то дай ей разводную; а я говорю вам, что если любишься красотой женщины, то ты уже

прелюбодействуешь. Всякое распутство губит душу, и потому лучше тебе отказаться от плотской утехы, чем погубить свою жизнь.

9. И если отпустишь жену свою, то кроме того, что ты распутник, ты еще и ее вгоняешь в распутство и того, кто с ней свяжется. И потому, вот вторая заповедь: Не думай, чтобы любовь к женщине было хорошо. Не любуйся женщинами, а живи с той, с которой ты сошелся, и не оставляй ее.

Третья заповедь. В прежнем законе сказано: не произноси имени Господа Бога твоего напрасно, не призывай Бога твоего во лжи (Лев. XIX, 12). Не бесчести имени Бога твоего. Не клянись мною в неправде так, чтобы осквернить Бога вашего. А я говорю вам.

Матф. V, 34. Что всякая клятва есть осквернение Бога, и потому вовсе не клянись.

36. Человеку нельзя обещать ничего, потому что он весь во власти отца. Он волоса не может одного из седого сделать черным; как же он вперед поклянется, что то-то и то-то сделает, и поклянется Богом. Всякая клятва есть осквернение Бога, потому что если человеку придется исполнять клятву, противную воле Божией, то выйдет, что он обещался поступать против его воли, и потому всякая клятва есть зло.

37. А когда спрашивают тебя о чем-нибудь, говори да, если да; нет, если нет; всё же то, что еще прибавишь, будет зло. И потому третья заповедь: Никогда никому ни в чем не клянись. Говори: да, когда да; нет, когда нет; и знай, что всякая клятва есть зло.

38. Четвертая заповедь. В прежнем законе сказано: (Исх. XXI, 21 и 22): что, кто погубит душу, должен отдать душу за душу, око за око, зуб за зуб, руку за руку, вола за вола, раба за раба и еще многое другое.

39. А я вам говорю: злом не борись со злом и не только не бери судом вола за вола, раба за раба, душу за душу, а вовсе не противься злу.

40. Если кто хочет судом взять у тебя вола, дай ему другого; кто хочет высудить у тебя кафтан, отдай рубаху, кто выбьет у тебя из одной скулы зуб, подставь ему другую скулу.

41. Заставят тебя сработать на себя одну работу, сработай две.

Луки VI, 30. Берут у тебя именье – отдавай. Не отдают тебе денег, не проси, и потому:

37. Не судите, не судитесь, не наказывайте, и вас не будут судить и наказывать. Спускайте всем, и вам спустят, потому что если вы будете судить людей, и они вас будут судить.

Матф. VII, 1. Вам нельзя судить, потому что вы, все люди, слепы и не видите правды.

3. Как же с засоренными глазами будешь разглядывать соринку в глазу

брата? Прежде самому надо глаза прочистить; а у кого глаза чисты?

Луки VI, 39. Разве слепой может водить слепого? Оба упадут в яму. Так и те, кто судят и наказывают, как слепые водят слепых.

40. Те, кто судят и присуждают к насилиям, ранам, увечьям смерти, хотят учить людей. Но что же может выйти из их учения иного, как только то, что ученик выучится и вполне станет как учитель. Что же он будет делать, когда выучится? То самое, что делает учитель: насилие, убийства.

Матф. VII, 6. И не думайте в судах найти справедливость. Любовь к справедливости отдавать на суды человеческие, всё равно что драгоценный жемчуг бросать свиньям: они затопчут его и разорвут вас.

И потому четвертая заповедь: как бы тебя ни обижали, не противься злу, не суди и не судись; не жалуйся и не наказывай.

Пятая заповедь. Матф. V, 43. В прежнем законе сказано: делай добро людям своего народа и делай вред чужим.

44. А я говорю вам: любите не одних земляков, но и людей чужих народов. Пускай чужие ненавидят вас, пускай нападают на вас, обижают вас; хвалите их и делайте им доброе.

Матф. V, 46. Если вы только к землякам хороши, то этак и все хороши к своим землякам; и от этого-то и бывают войны. А вы ко всем народам будьте равны, и вы будете сынами отца. Все люди – его дети, стало быть все вам братья.

И потому вот пятая заповедь: к чужим народам соблюдайте то же, что я сказал вам соблюдать между собою. Для отца всех людей нет ни разных народов, ни разных царств: все братья, все сыны одного отца. Не делайте различия между людьми по народам и царствам.

Так вот: 1) Не сердитесь и будьте в мире со всеми; 2) не забавляйтесь похотью блудной; 3) не клянитесь никому ни в чем; 4) не противьтесь злу, не судите и не судитесь и 5) не делайте различия между разными народами и любите чужих так же, как своих.

Матф. VII, 12. Все эти заповеди в одном: всё то, что желаете, чтобы делали для вас люди, то делайте им.

Матф. VI, 1. Исполняйте эти заповеди не для похвалы людской. Если для людей делаете, то от людей вам и награда. А если не для людей, то награда вам от отца небесного.

2. Так что если делаешь добро людям, то не труби о нем перед людьми. Так делают обманщики, чтобы их хвалили люди. Они и получают чего желают.

3. А если делаешь добро людям, то делай так, чтобы никто не видел, чтобы левая рука не знала, что делает правая.

4. И отец твой увидит это и даст тебе то, что тебе нужно.

5. И если хочешь молиться, то не делай, как обманщики молятся. Обманщики любят молиться в церквах, на виду у людей. Они делают это для людей и от людей и получают за это то, чего желают.

6. А если хочешь молиться, зайди туда, где бы тебя не видал никто, и молись отцу своему духу; и отец увидит то, что в твоей душе, и даст тебе то, чего ты желаешь в душе.

7. Кто молится, тот не болтает языком, как притворщики.

8. Отец твой знает, что тебе нужно, прежде чем ты рот разинешь.

9–13. Молитесь только так: Отец наш безначальный и бесконечный, как небо!

Пусть будет свято только твое существо.

Пусть будет власть только твоя, так, чтобы воля твоя совершалась безначально и бесконечно на земле.

Дай мне пищу жизни в настоящем.

Ошибки мои прежние загладь и сотри так же, как и я заглаживаю и стираю все ошибки братьев моих, чтобы я не попал в соблазн, избавился от зла.

Потому что твоя власть и сила и твое решение.

Марк. XI, 25. Если молитесь, то прежде всего ни на кого не держите зла.

26. А если вы не прощаете людям неправду, то и отец не простит вам вашу неправду.

Матф. VI, 16. Если поститесь, терпите, не выказывайте этого людям; так делают обманщики, чтоб люди видели и хвалили их. И люди хвалят их, и они получают, чего желают.

17, 18. А ты не так делай; ты если терпишь нужду, так ходи с веселым лицом, чтоб люди не видели; а отец твой увидит и даст тебе то, что тебе нужно.

19. Не припасайте себе припасов на земле. На земле и червь точит, и ржавина есть, и воры крадут; а припасайте себе богатство небесное.

20. Небесное богатство ни червь не точит, ни ржавчина не ест, ни воры не крадут.

21. Где будет ваше богатство, там будет и сердце ваше.

22. Телу свет – глаз, а душе свет – сердце.

23. Если глаз твой темен, то всё тело будет во тьме. Если же свет твоего сердца темен, то вся душа твоя будет во тьме.

24. Нельзя служить вместе двум хозяевам. Одному угодишь, другого обидишь. Нельзя служить Богу и плоти. Либо земной жизни будешь работать, либо Богу.

25. Поэтому не заботьтесь о том, что будете есть и пить и чем одеваться. Ведь жизнь мудренее пищи и одежды, а Бог дал вам ее.

26. Посмотрите на тварь Божью, на птиц: они не сеют, не жнут, не собирают, а Бог питает их. Перед Богом человек не хуже птицы. Если Бог дал жизнь человеку, то сумеет и пропитать его.

27. А ведь вы сами знаете, что как вы ни хлопчите, вы ничего не можете для себя сделать. Не можете ни на час увеличить своего века.

28. И об одежде зачем вам заботиться. Цветы полевые не работают, не прядут.

29. А разукрашены так, что и Соломон во всей роскоши своей никогда так не разукрасил себя.

30. Что же, если Бог траву ту, что нынче растёт, а завтра скосят, так разукрасил; то что же он вас не оденет?

31. Не заботьтесь и не хлопчите, не говорите, что надо думать о том, что будем есть и чем оденемся.

32. Это всем людям нужно, и Бог знает эту нужду вашу.

33. Так и не заботьтесь о будущем. Живите настоящим днем. Заботьтесь о том, чтобы быть в воле отца. Желайте того, что одно важно, а остальное всё само придет. Старайтесь только быть в воле отца.

34. Так и не заботьтесь о будущем. Когда придет будущее, тогда будет и забота. Довольно зла и в настоящем.

Луки XI, 9. Просите – и дастся вам. Ищите – и найдете. Стучите – и отворят вам.

Матф. VII, 9, 10. Разве есть такой отец, чтобы он сыну дал камень вместо хлеба или змею вместо рыбы.

11. Так как же мы, злые люди, умеем давать детям нашим то, что им нужно, а отец ваш на небе не дает вам того, что вам истинно нужно, если вы просите у него? Просите, и отец небесный даст жизнь духа тем, которые просят его.

13. Узок путь в жизнь, но входите узким путем. Вход в жизнь один только: он узкий и тесный. А кругом поле велико и широко, но оно ведет в погибель.

14. Узкий путь один ведет в жизнь; и немногие находят его.

Луки XII, 32. Но не робей, малое стадо! Отец предназначил вам царство.

Матф. VII, 15. Только берегитесь лживых пророков, учителей; они приходят к вам в овечьих шкурах, а внутри они волки хищные.

16. По плодам, по тому, что родится от них, вы узнаете их. С репейника не собирают винограда и с осины яблук.

17. А доброе дерево хорошие плоды и растит. А дурное дерево дурные плоды растит. Так вот по плодам их учения узнавайте их.

Луки VI, 45. Человек добрый из доброго сердца своего выводит всё доброе. А злой человек из злого сердца своего выводит злое, потому что от избытка сердца уста говорят. И потому, если учителя учат делать другим людям то, что дурно для вас самих: учат насилиям, казням, войнам, – знайте, что это лжеучители.

Матф. VII, 21. Потому что не тот, кто говорит: Господи, Господи! войдет в царство небесное, а тот, кто исполняет волю отца небесного.

22. Они скажут: Господи! Господи! мы учили по твоему учению и мы по твоему учению изгоняли зло.

23. Но я отрицаюсь от них и говорю им: нет, я никогда не признавал и не признаю вас. Подите от меня прочь: вы делаете беззаконие.

24. Итак, всякий, кто слышал эти мои заповеди: не сердиться, не распутничать, не клясться, не противиться злу, не различать свой народ от чужих, слышит эти заповеди и исполняет их, тот, как разумный человек, строит дом свой на камне.

25. И дом его устоит против всех бурь.

26. А тот, кто слышит эти заповеди мои и не исполняет их, тот, как глупый человек, строит дом на песке.

27. Как придет буря, так и завалит дом, и всё погибнет.

Луки IV, 32. И весь народ удивлялся на это учение, потому что учение Иисуса было совсем другое, чем учение православных законников. Православные законники учили закону, которому надо повиноваться; а Иисус учил, что все люди свободны.

Матф. IV, 14. И на Иисусе Христе исполнилось пророчество Исаии.

16. То, что люди, жившие во тьме, во мраке смерти, увидели свет жизни и что тот, кто принес этот свет правды, не сделает никакого насилия и вреда людям, что он кроток и смирен.

Матф. XII, 19. Что он для того, чтобы внести правду в мир, не спорит, не кричит, что громкого голоса его не слышать.

20. Что он не перервет соломинки и ночника не задует.

21. И что вся надежда людей на учение его.

Глава V

ИСТИННАЯ ЖИЗНЬ

ИСПОЛНЕНИЕ ЛИЧНОЙ ВОЛИ ПРИВОДИТ К СМЕРТИ, ИСПОЛНЕНИЕ ВОЛИ ОТЦА ДАЕТ ЖИЗНЬ ИСТИННУЮ.

(ДА БУДЕТ ВОЛЯ ТВОЯ.)

СОДЕРЖАНИЕ V ГЛАВЫ

Мудрость жизни состоит в том, чтобы признавать свою жизнь сыном духа отца.

Люди задают себе цели жизни плотской и, достигая этих целей, мучают себя и других. Признав учение о жизни духа и покоряясь и смиряясь во плоти, люди найдут полное удовлетворение в жизни духа, той самой, которая одна и предназначена им.

Случилось раз Иисусу попросить у женщины чужой веры напиться. Женщина отказала ему под предлогом, что она с ним другой веры. На это Иисус сказал ей: если бы ты понимала, что у тебя просит пить живой человек, тот, в котором дух отца, то ты бы не отказала, а искала бы того, чтобы, сделав добро, соединиться духом с отцом, и дух отца дал бы тебе воду не такую, от которой опять захочется пить, а такую, которая даст жизнь вечную. Молиться Богу нигде нельзя, а можно только служить тем, в ком есть дух его, служить ему делами любви.

И Иисус сказал ученикам: истинная пища человека в том, чтобы исполнять волю отца духа. Исполнение этой воли всегда возможно. Вся жизнь наша есть собирание плодов жизни, которую посеял в нас отец. Плоды – это добро, которое мы делаем людям. Ожидать ничего не нужно, нужно не переставать жить, делая добро людям.

После этого случилось Иисусу быть в Иерусалиме. В Иерусалиме была купальня, при которой лежал больной, ничего не делая, ожидая исцеления от чуда. Иисус подошел к слабому и сказал ему: не дожидайся исцеления от чуда, а сам живи, сколько в тебе есть силы, и не ошибайся в смысле жизни. Слабый послушался Иисуса, встал и пошел. Увидав это, православные стали упрекать Иисуса за то, что он сказал, и за то, что в субботу поднял расслабленного. Иисус сказал им: я ничего нового не сделал. Я сделал только то, что делает наш общий отец дух. Он живет и живет людей, а я то же сделал. И это есть призвание всякого человека. Всякий человек имеет свободу и может

жить или не жить. Жить – это значит исполнять волю отца, т. е. делать добро другим; не жить – значит исполнять свою волю и не делать добро другим. Во власти каждого делать то или другое и получить жизнь или уничтожить ее.

Жизнь истинная людей подобна вот чему. Хозяин дает рабам своим долю своего драгоценного имени и велит каждому работать над тем, что он дал ему. Одни работают, другие нет и скрывают данное им. Хозяин спрашивает расчет и тем, кто работал, дает еще больше того, что они имели, а у тех, кто не работал, отбирает последнее.

Драгоценная доля имущества хозяина – это дух жизни в человеке, сын отца духа. Тот, кто работает в жизни для жизни духа, тот получает жизнь не кончающуюся; кто не работает, тот лишается той, которая была дана ему.

Жизнь истинная есть только жизнь общая всех, а не жизнь одного. Все должны работать для жизни других.

После этого пошел Иисус в пустынное место, и пошло за ним много народа. К вечеру пришли ученики и сказали: чем накормить весь этот народ? Между народом были такие, у которых ничего не было, а были такие, у которых было взято хлеба и рыбы. Тогда Иисус сказал ученикам: дайте весь хлеб, что у вас есть. Он взял хлебы, отдал ученикам, а те отдали другим, и другие стали то же делать. И все ели из чужого, и все не съели того, что было, и все были довольны. И Иисус сказал: так вот и делайте. Не то нужно, чтобы себе каждому добывать пищу, а нужно то, что велит дух в человеке: отдавать другим что есть. Пища человека настоящая – это дух отца. Люди живы только духом.

Всё то, что есть жизнь, всему тому должно служить, потому что жизнь не в том, чтобы делать свою волю, а волю отца жизни. А воля отца жизни та, чтобы вся та жизнь духа, которая есть в каждом, осталась бы в нем и чтобы все удержали бы в себе жизнь духа до смертного часа. Отец, источник всей жизни, дух. Жизнь только в исполнении воли отца, и потому для исполнения воли духа нужно отдавать свою плоть. Плоть есть пища для жизни духа. Только отдавая свою плоть, дух живет.

После этого Иисус выбрал учеников и послал их повсюду проповедывать свое учение о жизни духа. Посылая их, он сказал: вы проповедуйте жизнь духа и потому отрешитесь вперед от всех похотей плоти – не имейте ничего своего. Будьте готовы на гонения, лишения, страдания. Вас будут ненавидеть те, которые любят жизнь плоти, и будут мучить и убивать вас, но вы не бойтесь. Если вы исполняете волю отца, то вы имеете жизнь духа, и никто не может отнять ее у вас.

Ученики пошли и, когда вернулись, объявили, что везде учение зла побеждено ими.

Тогда православные сказали Иисусу, что учение его если и побеждает зло, то оно само есть зло, так как люди, исполняющие его, должны терпеть страдания. На это Иисус сказал: зло не может побеждать зло.

Если зло побеждается, то оно побеждается только добром. Добро – это есть воля отца духа, общая всем людям. Каждый человек знает, что есть добро для него. Если он делает это для других людей, если он делает то, что есть воля отца духа, то он делает добро. И поэтому исполнение воли отца духа есть добро, хотя бы оно и было сопряжено с страданием и смертью тех, которые исполняют ее.

Матф. XI, 25. И возрадовался Иисус о силе духа и сказал: Признаю дух отца началом всего небесного и земного, потому что то, что скрыто было от умных и мудрецов, то открывается несмысленным только тем, что они признают себя сыновьями отца.

28. Все заботятся о плотском благе, заложились в такой воз, какой им не свезти, и надели на себя ярмо такое, какое не по ним сделано. Поймите мое учение и следуйте ему, и вы узнаете покой и радость в жизни. Я даю вам другое ярмо и другой воз: жизнь духовную.

29. Запрягитесь в нее, и вы научитесь от меня спокойствию и блаженству. Будьте покойны и кротки сердцем и найдете блаженство в жизни вашей.

30. Потому что мое учение – это ярмо по вас сделано, и исполнение моего учения – это воз легкий, и ярмо по вас сделано.

Иоан. IV, 5. Шел раз Иисус в город Самарийский Сихар, близко того поля, которое Иаков дал сыну своему Иосифу.

6. И был там колодезь Иакова. Иисус устал с дороги и сел у колодезя.

7. И пришла женщина из Самарии за водой. И сказал ей Иисус: дай мне напиться.

8. А ученики Иисусовы ушли в город купить пищи.

9. И сказала ему самарянка: как же ты, еврей, просишь у меня пить? Евреи ведь не общаются с самарянами.

10. И сказал ей Иисус: Если бы ты понимала, что дал Бог людям и кто просит у тебя пить, я бы дал тебе воды жизни.

11. И сказала женщина: у тебя и ведра нет, и колодезь глубок, как же ты мне дашь воды жизни?

12. Разве ты больше отца нашего Иакова? Он дал этот колодезь и сам из него пил, и дети его, и скот его.

13. И отвечал Иисус: тот, кто напьется этой воды, тот опять будет жаждать, а кто напьется той воды, которую я дам, тот уже не будет знать жажды никогда.

14. Но вода, которую я дам, родит в нем ключ воды, текущей в жизнь вечную.
15. И сказала женщина: дай мне такой воды, чтобы не нужно было пить и не нужно было ходить за водой.
16. И Иисус сказал: поди призови мужа своего и приходи сюда.
19. И сказала ему женщина: вижу, что ты пророк.
20. Отцы наши здесь, на этой горе молятся Богу, а вы говорите, что в Иерусалиме место Божие, где надо молиться.
21. И сказал ей Иисус: поверь мне, женщина, что и не на этой горе и не в Иерусалиме молятся отцу.
23. Пришло время, когда молятся по-настоящему, отцу в жизни духа и делом. И отцу нужно таких поклонников.
24. Отец – это дух, и ему надо молиться в духе и делом.
25. И сказала женщина: знаю, что придет мессия и, когда придет, всё скажет нам.
26. И сказал Иисус: я всё говорю тебе.
28. И пошла женщина и призвала людей.
31. В то время вернулись ученики с хлебом и спросили Иисуса, хочет ли он есть?
32. И он сказал: у меня есть пища, которой вы не знаете.
33. Они подумали, что кто-нибудь приносил ему есть.
34. Но он сказал: пища моя то, чтобы делать волю того, кто дал мне жизнь, и совершить то, что он поручил мне.
- 35 и 36. Не говорите: еще есть время, как говорит пахарь, дожидаясь жатвы: Тот, кто исполняет волю отца, тот всегда доволен и не знает ни голода, ни жажды. Исполнение воли Бога удовлетворяет человека всегда, несет награду в самом себе. Нельзя говорить: я после исполню волю отца. Пока есть жизнь, всегда возможно и должно исполнение воли отца.
37. Жизнь наша есть то поле, которое засеял Бог; а наше дело собирать его плоды.
38. И если мы собираем плоды, то получаем награду – жизнь невременную. Истинно то, что не мы сами даем себе жизнь, а кто-то другой. И если мы трудимся для собраний жизни, то мы, как жнецы, получаем награду. Я учу вас собирать эту жизнь, которую отец дал вам.

Иоан. V, 1. Пришел раз Иисус в Иерусалим.

2. И была тогда в Иерусалиме купальня.

4. И говорили про эту купальню, что сходит в нее ангел, и от этого вода в купальне начнет играть, и что кто, если первый, после того, как вода взыграется, окунется в купальню, тот, чем бы ни был он болен, выздоровеет.

2. И были наделаны около купальни навесы.

3. И под навесами этими лежали больные и ждали, когда взыграется вода в купальне, чтобы окунуться в нее.

5. И был там человек тридцать восемь лет в слабости. Иисус спросил, что он? Человек и рассказал, что он уже тридцать восемь лет хворает и всё ждет того, чтобы попасть в купальню первому, когда вода взыграется, чтобы вылечиться, но вот уже тридцать восемь лет не может попасть первым, всё прежде его войдут в купальню и выкупаются.

6. И Иисус увидал, что он стар, и сказал ему: хочешь выздороветь?

7. Тот сказал: хочу, да нет у меня человека, чтобы внести меня в воду во-время. Всё прежде кто-нибудь войдет.

8. И сказал ему Иисус: проснись, заberi постель и иди.

9. И слабый взял постель и пошел. А была суббота.

10. И сказали православные: нельзя тебе собирать постель – нынче суббота.

11. Он сказал: кто меня поднял, тот и велел мне собрать постель.

15. Расслабленный пошел и сказал православным, что это Иисус его вылечил.

16. И рассердились православные и гнали Иисуса за то, что он делал такие дела в субботу.

17. И Иисус сказал: то, что отец всегда делает, то и я делаю.

19. Истинно говорю вам: сын сам собою ничего не может делать. Он делает только то, что он понял от отца. Что отец делает, то и он делает.

20. Отец любит сына и этим самым научил его всему, что сыну нужно делать.

21. Отец мертвым дает жизнь, так и сын дает жизнь кому хочет, потому что как дело отца есть жизнь, так и дело сына должно быть жизнь.

22. Отец не присудил людей к смерти, но дал людям власть по их воле – умирать или жить.

23. И они будут жить, если будут почитать сына как отца.
24. Верно говорю вам: что тот, кто понял смысл моего учения и поверил в общего отца всех людей, тот уже имеет жизнь и избавлен от смерти.
25. Те, которые поняли смысл жизни человеческой, те уже ушли от смерти и будут всегда жить.
26. Потому что как отец живет сам собою, так и сыну дал жизнь в самом себе.
27. И дал ему свободу. Этим-то он и сын человеческий.
28. Отныне все смертные разделятся надвое.
29. Одни те, которые делают добро, найдут жизнь; а те, которые делают зло, уничтожатся.
30. И это не я решаю, а это то, что я понял от отца. И решение мое верно, потому что я решаю так не для того, чтобы делать то, что мне хочется, но для того, чтобы все делали то, чего хочет отец всех.
31. Если бы я уверял всех, что мое учение истинно, то это не утвердило бы мое учение.
36. Но есть то, что утверждает мое учение, это те дела, которым я учу. Они показывают, что я не от себя учу, а от отца всех людей.
37. И отец мой, тот, который научил меня, он подтверждает истину моих заповедей в душах всех. Но вы голоса его не хотите понимать и знать.
38. И смысла этого голоса не держитесь. То, что в вас есть дух, сошедший с неба, этому-то не верите.
39. Вникните в смысл ваших писаний. Вы найдете в них то же, что и в моем учении, – заповеди о том, чтобы жить не для себя только, а делать добро людям.
40. Отчего же вы не хотите верить в мои заповеди, в те, которые дают жизнь всем людям?
40. Я учу вас во имя общего отца всем людям, и вы не принимаете мое учение, а если кто вас будет учить во имя свое, вы тому поверите.
44. Нельзя верить тому, что люди говорят друг другу, а можно верить только тому, что в каждом человеке есть сын, такой же как отец.
- Луки XIX, 11, 12. И чтобы не думали люди, что царство небесное есть что-либо видимое, а чтобы понимали, что царство Бога состоит в исполнении воли отца и что исполнение воли отца зависит от усилия каждого человека, чтобы понимали люди, что жизнь дана не для себя

лично, но для исполнения воли отца, и что только исполнение воли отца спасает от смерти и дает жизнь, – Иисус сказал притчу.

Он сказал: Был один богатый человек и надо было ему уехать из дома своего.

13. Перед отъездом призвал он рабов своих и роздал им десять талантов – каждому по одному – и сказал им: пока я буду в отлучке, работайте каждый над тем, что я дал.

14. Но случилось, что когда он уехал, некоторые жители этого города сказали: не хотим более служить ему.

15. Вот как вернулся богатый человек из отлучки, призвал он тех рабов, которым дал деньги, и велел сказывать, что каждый сделал с его деньгами.

16. Пришел первый и говорит: вот, хозяин, на твой один я заработал десять.

17. И сказал ему хозяин: хорошо, добрый слуга, ты в малом был верен, я над большим тебя поставлю, будь заодно со мной во всем моем богатстве.

18. Пришел другой раб и сказал: вот, хозяин, на твой талант я заработал пять.

19. И сказал ему хозяин: хорошо сделал, добрый раб, будь заодно со мной во всем моем имени.

20. Пришел еще один и говорит: вот твой талант, я его спрятал в платок и зарыл.

21. Потому что я боялся тебя. Ты человек строгий: берешь, где не клал, и собираешь, где не сеял.

22; Матф. 25, 26. И хозяин сказал ему: глупый раб! твоими словами буду судить тебя. Ты говоришь, что от страха передо мною спрятал свой талант в землю и не работал над ним. Если ты знал, что я строг и беру там, где не давал, так зачем же ты не сделал того, что я велел тебе сделать?

Луки XIX, 23; Матф. XXV, 26 и 27. Если бы ты работал на мой талант, имения бы прибавилось, и ты исполнил бы то, что я велел тебе. А теперь ты не сделал того, зачем тебе дан был талант, и потому тебе нельзя владеть им.

Луки XIX, 24; Матф. XXV, 28. И велел хозяин взять талант у того, кто не работал над ним, и отдать тому, кто больше работал.

Луки XIX, 25. И тогда слуги сказали ему: господин, у тех и так много.

26. А хозяин сказал: дайте тем, кто много работал, потому что тому,

кто блюдет то, что есть, тому прибавится, а у того, кто не блюдет, и последнее отнимется.

Матф. XXV, 30. Тех, что не хотели быть в моей власти, выгоньте вон, чтобы их не было.

Хозяин – это начало жизни, дух отец. Рабы его – это люди. Таланты – это жизнь духа. Как хозяин не сам работает над своим именем, а велит рабам работать, каждому по себе, так и дух отец вложил дух жизни в людей, дал им веление работать для жизни людей и оставил их одних. Пославшие сказать, что они не признают власти хозяина, – это непризнающие духа жизни. Возвращение хозяина и требование отчета – это уничтожение жизни плотской и решение судьбы людей: имеют ли они еще жизнь кроме той, которая была дана им. Одни, те рабы, которые исполняют волю хозяина, работают над тем, что дано им, и на деньги зарабатывают деньги, это те люди, которые, получив жизнь, понимают, что жизнь есть воля отца и должна служить жизни других. Глупый и злой раб, спрятавший свой талант и не работавший над ним, – это те люди, которые исполняют только свою волю, а не волю отца, и не служат жизни других. Рабы, исполнившие волю и работавшие для увеличения хозяйского имени, становятся участниками всего имени хозяина, а рабы, не исполнившие волю и не работавшие на хозяина, лишаются того, что им дано было. Люди, исполнившие волю отца и служившие жизни, становятся участниками жизни отца и получают жизнь, несмотря на уничтожение жизни плотской. Не исполнившие волю и не служившие жизни лишаются той жизни, которую имели, и уничтожаются. Те, которые не хотели признавать власть хозяина, тех для хозяина не существует; он изгоняет их. Люди, которые не признают в себе жизнь духа, тех нет для отца.

Иоан. VI, 1. После этого пошел Иисус в пустынное место.

2. И пошло за ним много народа.

3. И взошел он на гору и сел там с учениками.

5. И увидал, что много идет народа, и сказал: откуда бы нам достать хлеба, чтобы накормить весь народ этот?

7. Филипп сказал: и двухсот динариев неостанет, если всем хоть понемногу дать.

Мф. XIV, 17; Иоан. VI, 9. У нас только есть немного хлеба и рыбы. И сказал другой ученик: у них есть хлеб, я видел вот у мальчика пять хлебов и две рыбки.

Иоан. VI, 10. И сказал Иисус: велите им всем лечь на траву.

11. И взял Иисус хлебы, что были у него, и отдал ученикам и им велел отдавать другим; и так все стали отдавать друг другу, что было, и все насытились и еще осталось много.

26. На другой день пришел опять народ к Иисусу, и он сказал им: вот вы приходите ко мне не потому, что вы чудеса видели, а потому что

ели хлеб и насытились.

27. И сказал им: работайте не пищу тленную, но пищу вечную, такую, которую дает только дух сына человеческого, запечатленный Богом.

28. Иудеи сказали: что же надо делать, чтобы делать дело божие?

29. И сказал Иисус: дело Божие в том, чтобы верить в ту жизнь, которую он дал вам.

30. Они говорят: дай нам доказательство, чтобы мы тебе поверили, что ты делаешь.

31. Отцы наши ели манну в пустыне. Бог хлеб с неба дал им есть, так и написано.

32. Иисус отвечал им: истинный хлеб небесный – дух сына человеческого, тот, который дает отец.

33. Потому что питание человека – это дух, сошедший с неба. Он-то и дает жизнь миру.

35. Мое учение дает истинное питание людям. Тот, кто последует мне, тот не будет голодать, а тот, кто верит в мое учение, тот не будет никогда знать вражды.

36. Но я уже сказал вам, что вы видели это и не верите.

37. Вся та жизнь, которую отец дал сыну, вся она окажется в моем учении, и всякий верующий в него будет участником в ней.

38. Так как я сошел с неба не затем, чтобы делать то, что мне хочется, а делать волю отца, того, который дал мне жизнь.

39. Воля же отца, пославшего меня, в том, чтобы всю ту жизнь, которую он дал мне, я сохранил бы и не погубил бы из нее ничего.

40. И потому в том и воля отца, пославшего меня, чтобы всякий видящий сына и верующий в него имел бы жизнь вечную. И учение мое даст жизнь в последний день.

41. Евреи смутились тем, что он сказал, что мое учение сошло с неба.

42. Они говорили: ведь это Иисус – сын Иосифа, мы знаем его отца и мать, как же он говорит, что его учение сошло с неба?

43. И сказал им Иисус: не судите о том, кто я и откуда пришел.

44. Мое учение истинно не потому, что я, как Моисей, буду вас уверять, что Бог на Синае говорил со мной, но оно истинно потому, что оно в вас тоже. Всякий, кто верит моим заповедям, верит не потому, что я говорю, а потому, что общий наш отец притягивает его к себе, и учение мое дает ему жизнь до последнего дня.

45. И в пророках написано, что все будут научены Богом. Всякий, кто поймет отца и научится понимать его волю, тот этим самым отдастся моему учению.

46. Того, чтобы кто-нибудь видел или видит Бога, этого никогда не было, а тот, кто от Бога, тот видел и видит отца.

47. Кто верит мне, тот имеет жизнь вечную.

48. Мое учение есть питание жизни.

49. Отцы ваши ели манну, пищу прямо с неба, и то умерли.

50. А истинное питание жизни, сошедшее с неба, таково, что, кто питается им, тот не умрет.

51. Мое учение есть питание жизни, сшедшее с неба. Кто им питается, тот живет вечно. И питание это, которому я учу, это плоть моя, которую я отдаю для жизни всех людей.

52. Евреи совсем не поняли того, что он сказал, и стали спорить о том, как можно отдавать и зачем свою плоть для питания людей.

53. И сказал им Иисус: если не будете отдавать свою плоть для жизни духа, то и не будет в вас жизни.

54. Тот, кто не отдает свою плоть для жизни духа, у того нет жизни настоящей.

55. То во мне, что отдает плоть для духа, то только живет. И потому наша плоть есть истинная пища для жизни настоящей.

56. То только, что во мне поедает мое тело, то, что отдает плотскую жизнь за жизнь истинную, то только я, истинно я, то во мне, и я в нем.

57. И как по воле отца я живу во плоти, так точно и по воле моей будет жить то, что живет во мне.

60. И некоторые ученики, услышав это, сказали: жестокие эти слова, и трудно их понять.

61. И Иисус сказал им: вы так спутаны, что вам кажется трудным то, что я говорю о том, чем был, и есть, и всегда будет человек.

63. Человек есть дух во плоти, и дух только дает жизнь, а плоть не дает жизни. В словах, которые кажутся вам так мудрены, я ведь больше ничего не сказал, как то, что дух есть жизнь.

Лук. X, 1. Потом Иисус выбрал из своих близких семьдесят человек и послал их в те места, где хотел сам побывать.

2. Он сказал им: много людей не знают блага настоящей жизни, всех мне жалко и всех желаю научить. Но как хозяина не хватает на жатву

своего поля, так и я не успею.

3. Идите вы по разным городам и везде разглашайте исполнение воли отца. Говорите, что воля отца в пяти заповедях: 1-е, не сердиться, 2-е, не распутничать, 3-е, не клясться; 4-е, не противиться злу и 5-е, не делать различия между людьми. И потому во всем сами исполняйте эти заповеди.

Матф. X, 16. Я посылаю вас, как овец среди волков. Будьте мудры, как змеи, и чисты, как голуби.

Лук. X, 4. Первее всего ничего не имейте своего, ничего не берите с собою: ни мешка, ни хлеба, ни денег, только платье на теле да обувь.

Потом не делайте различия между людьми, не выбирайте хозяев, куда вам заходить.

Марк. VI, 10. А в какой первый придете дом, в том и оставайтесь. Когда придете в дом, поздоровайтесь с хозяевами.

11. Если примут вас, оставайтесь, не примут – идите в другой дом.

Матф. X, 22. За то, что вы будете говорить, вас возненавидят и будут на вас нападать и гонять.

23. И когда выгонят, вы идите в другую деревню, а из той выгонят, идите еще в другую.

Будут вас гонять, как волки гоняют овец, но вы не робейте, терпите до последнего часа. И будут на суды водить вас и судить, и будут сечь вас, и будут водить вас к начальникам, чтоб вы оправдались перед ними.

19. И когда вас будут водить на суды, не робейте и не придумывайте, что вам сказать: дух отца скажет в вас, что нужно сказать.

23. Не обойдете еще всех городов, как уж поймут люди ваше учение и обратятся к нему.

26. Так и не бойтесь. То, что скрыто в душах людей, то выйдет наружу.

27. То, что вы скажете двоим или троим, то разойдется между тысячами.

28. А главное, не бойтесь тех, которые могут убить ваше тело: душам вашим они ничего не могут сделать. Так и вы не бойтесь их. А бойтесь того, чтобы не уничтожились тела и души, если вы отступите от исполнения воли отца, вот чего бойтесь.

29. За копейку пять воробьев отдадут, а те не помрут без воли отца.

30. И волос с головы не падет без воли отца.

31. Так чего же вам бояться, если вы в воле отца.

34. В мое учение все не поверят. А те, кто не поверят, возненавидят его, потому что оно лишает того, что они любят, и сделается раздор.

Лук. XII, 49. Учение мое, как огонь, запалит мир.

51. И оттого должен сделаться раздор в мире.

52. Сделается раздор в каждом доме.

53. Отец с сыном, мать с дочерью, и семейные сделаются ненавистниками того, кто поймет мое учение, и будут убивать их.

Лук. XIV, 26. Потому что тот, кто поймет мое учение, для того не будет ничего значить: ни отец, ни мать, ни жена, ни дети, ни всё его имущество.

Матф. XII, 15. И тогда ученые православные пришли из Иерусалима и пошли к Иисусу. Иисус был в одной деревне, и множество народа набилось в дом и стояло кругом.

24. Православные стали говорить народу, чтобы они не слушали учения Иисуса, что Иисус бесится, что если жить по его заповедям, то в народе будет еще больше зла, чем теперь. Они говорили, что он злом изгоняет зло.

26. Иисус призвал их и сказал: вы говорите, что я изгоняю зло злом. Но никакая сила не может сама себя уничтожить. Если бы она сама себя уничтожала, то ее бы и не было.

27. Вы изгоняете зло угрозами, казнями, убийствами, и зло все-таки не уничтожается, именно потому, что не может пойти само на себя; но я изгоняю зло не тем, чем вы, — стало быть, не злом.

28. Я изгоняю зло тем, что призываю людей исполнять волю духа отца, дающего жизнь всем. Пять заповедей выражают волю духа, дающего благо и жизнь.

29. И потому они уничтожают зло. И это вам и доказательство, что они истинны. Если бы люди не были сыны одного духа, нельзя бы было победить зло, как нельзя войти в дом сильного и разграбить его. Чтобы разграбить дом сильного, надо прежде связать сильного. И так связаны люди единством духа жизни.

31. И потому говорю вам, что всякая ошибка людская и всякое ложное толкование не взыщется; но ложное толкование о святом духе, дающем жизнь всем, не простится людям.

32. Если кто скажет слово против человека, то это еще ничего, но если кто скажет слово против того, что есть святого в человеке, о духе, то это не может пройти ему даром. Меня браните сколько хотите, но не называйте злом те заповеди жизни, которые я открыл вам. Не может пройти даром человеку то, что он добро будет называть злом.

30. Надо быть заодно с духом жизни или против него. Надо служить духу жизни и добра во всех людях, а не в себе одном.

33. Или вы считаете, что жизнь и благо есть добро для всего мира, тогда любите жизнь и благо для всех, или считайте жизнь и благо злом, и тогда не любите жизни и блага и для себя; или вы считайте дерево хорошим и плод его хорошим, или вы считайте дерево дурным и плод его дурным. Потому что по плоду ценится дерево.

Глава VI

ЛОЖНАЯ ЖИЗНЬ

И ПОТОМУ, ЧТОБЫ ПОЛУЧИТЬ ЖИЗНЬ ИСТИННУЮ, ЧЕЛОВЕК ДОЛЖЕН НА ЗЕМЛЕ ОТРЕЧЬСЯ ОТ ЛОЖНОЙ ЖИЗНИ ПЛОТИ И ЖИТЬ ДУХОМ.

(И НА ЗЕМЛЕ, КАК НА НЕБЕ.)

СОДЕРЖАНИЕ VI ГЛАВЫ

Для жизни духа не может быть различия между семейными и чужими.

Иисус говорит, что мать и братья его ничего не значат для него как мать и братья, ему близки только те, кто исполняет волю общего отца.

Блаженство и жизнь человека зависит не от семейных отношений, а от жизни духа.

Иисус говорит, что блаженны те, кто держат разумение отца. Для человека, живущего духом, нет дома. Животные имеют дома, но человек живет духом и потому не может иметь дома. Иисус говорит, что у него нет места, определенного ему. Для исполнения воли отца не нужно определенного места, оно везде и всегда возможно.

Плотская смерть не может быть страшна для человека, отдавшего воле отца, потому что жизнь духа не зависит от смерти плоти. Иисус говорит, что тот, кто верит в жизнь духа, не может ничего бояться.

Никакие заботы не могут помешать человеку жить духом. На слова человека о том, что он будет исполнять учение Иисуса после, но что прежде ему нужно похоронить отца, Иисус отвечает: мертвые только могут заботиться о похоронах мертвых; живые же живут всегда исполнением воли отца.

Заботы о семейных и домашних делах не могут мешать жизни духа. Тот, кто заботится о том, что выйдет для его плотской жизни из исполнения воли отца, тот делает то же, что пахарь, который пашет и глядит не вперед, а назад.

Заботы о радостях жизни плотской, которые кажутся столь важными людям, суть мечта. Одно настоящее дело жизни есть возвешение воли отца, внимание ей и исполнение ее. На упрек Марфы о том, что она одна заботится об ужине, а сестра ее Мария, не помогая ей, слушает учение, Иисус отвечает: напрасно ты упрекаешь ее. Заботься, если тебе нужно то, что дает забота, но оставь тех, которые не нуждаются в плотских удовольствиях, делать то одно дело, которое нужно для жизни.

Иисус говорит: тот, кто хочет получить истинную жизнь, состоящую в том, чтобы исполнять волю отца, тот прежде всего должен отказаться от своих личных желаний. Тот не только не должен строить жизнь свою так, как ему хочется, но тот должен быть готов на всякий час переносить всякие лишения и страдания.

Тот, кто хочет устроить свою жизнь плотскую, как ему хочется, тот погубит истинную жизнь исполнения воли отца.

И нет выгоды приобретать для плотской жизни, если приобретение это губит жизнь духа.

Более всего губит жизнь духа: корыстолюбие, приобретение богатств. Люди забывают, что сколько бы они ни приобретали богатств и имуществ, они всякий час могут умереть, и имение их не нужно для их жизни. Смерть висит над каждым из нас. Болезнь, убийства от людей, несчастные случаи всякую секунду могут прекратить жизнь. Смерть плотская есть неизбежное условие всякой секунды жизни. Если человек живет, то он должен на каждый час своей жизни смотреть как на отсрочку, которая по милости чьей-то дана ему. И это надо помнить и не говорить, что мы не знаем этого. Мы знаем и предвидим всё, что на земле и на небе случается, а той смерти, которая, мы знаем, ждет нас каждую секунду, это мы забываем. Если же мы не будем забывать этого, то мы не можем отдаваться жизни плоти, не можем рассчитывать на нее. Для того, чтобы следовать моему учению, надо расчесть выгоды служения плотской жизни, своей воле и выгоды исполнения воли отца. Только тот, кто ясно расчел это, только тот может быть моим учеником. А кто разочтет, тот не будет жалеть мнимого блага и мнимой жизни для получения истинного блага и истинной жизни. Жизнь истинная дана людям, и люди знают ее и слышат ее зов, но, постоянно увлекаясь минутными заботами, лишают себя ее. Жизнь истинная подобна пиру, который сделал богач и пригласил на него гостей. Он зовет гостей так же, как голос духа отца зовет к себе всех людей. Но гости одни занялись торговлей, другие – хозяйством, третьи – семейными делами и не пошли на пир; только нищие, не имеющие забот плотских, пошли на пир и получили счастье. Так и люди, отвлекаясь заботами плотской жизни, лишают себя жизни истинной. Тот, кто не откажется совсем от всех забот и страхов жизни плотской, тот не может исполнять волю отца, потому что нельзя служить немного себе и немного отцу. Надо расчесть, выгодно ли служить своей плоти, можно ли устроить свою жизнь, как самому хочется? Надо сделать то же, что делает человек, когда строит дом или собирается воевать. Он разочтет, может ли он докончить, может ли победить. И если видит, что не может, то уж не тратит даром ни трудов, ни войск. А то даром погубит и будет

посмехом людям. Если бы можно было устроить плотскую жизнь, как хочется, тогда бы надо служить плоти. Но так как нельзя, то уж лучше оставить всё плотское и служить духу. А то будет ни то ни сё. Плотской жизни не устроишь и жизнь духа потеряешь. И потому, чтобы исполнять волю отца, надо совсем отрешиться от плотской жизни.

Плотская жизнь – это то порученное нам чужое, мнимое богатство, которое мы должны употребить так, чтобы получить свое истинное богатство.

Если у богатого человека будет жить приказчик и будет знать, что сколько бы он ни служил хозяину, хозяин разочтёт его и оставит ни с чем, то приказчик этот умно поступит, если, пока еще он управляет чужим богатством, сделает добро людям. Тогда, если и отставит его хозяин, те, кому он сделал добро, примут его и будут кормить. То же должны делать люди с своей плотской жизнью. Плотская жизнь есть то чужое богатство, которым они управляют только на время. Если они хорошо употребят это чужое богатство, то получают свое истинное.

Если мы не отдадим ложное имущество наше, то не дастся нам истинное. Нельзя служить ложной жизни плоти и духу; надо служить тому или другому. Нельзя служить богатству и Богу. То, что велико перед людьми, то – мерзость перед Богом. Перед Богом богатство есть зло. Богатый уж тем виноват, что он ест много и роскошно, когда нищие голодают у дверей его. И все знают, что собственность, которую не отдаешь другим, есть неисполнение воли отца.

Подошел раз к Иисусу православный, начальник и богатый, и стал хвастать, что он исполнил все заповеди закона. Иисус напомнил ему о том, что есть заповедь любить всех людей как самого себя, что в этом состоит воля отца. Начальник сказал, что он и это исполнил. Тогда Иисус сказал ему: это неправда: если бы ты хотел исполнять волю отца, ты не имел бы собственности. Нельзя исполнять волю отца, если у тебя есть свое имущество, которое ты не отдаешь другим.

И Иисус сказал ученикам: людям кажется, что без собственности нельзя жить, а я вам говорю, что истинная жизнь состоит в том, чтобы отдавать свое другим.

Один человек, Закхей, услышал учение Иисуса и поверил ему и, пригласив в дом свой Иисуса, сказал ему: отдаю половину имения нищим и вчетверо отдаю всякому, кого я обидел. И Иисус сказал: вот человек, который исполняет волю отца, потому что нет того положения, в котором бы была исполнена воля Божия, но вся жизнь наша есть исполнение ее, а этот человек исполняет волю отца.

Добро нельзя мерить ничем; нельзя сказать, кто сделал больше, кто меньше. Вдова, которая отдает последнюю полушку, отдает больше, чем богатый, дающий тысячи. Нельзя мерить его и тем, что полезно и бесполезно.

Образцом того, как нужно делать добро, пусть будет та женщина, которая пожалела Иисуса и безумно пролила ему на ноги масла дорогого на 300 рублей. Иуда сказал, что она глупо сделала, что на это можно

бы накормить многих. Но Иуда был вор, он солгал и, говоря о пользе плотской, думал не о нищих. Нужна не польза, не количество, а нужно всегда, всякую минуту исполнение воли отца – всегда, всякую минуту любить других и отдавать им свое.

Лук. VIII, 19; Матф. XII, 46. И пришли раз к Иисусу мать и братья его и не могли никак свидеться, потому что много было народа около Иисуса.

Лук. VIII, 20. И один человек увидел их, подошел к Иисусу и говорит: твои семейные, мать и братья, стоят наружу, хотят с тобою повидаться.

21. И Иисус сказал: мать моя и братья мои те, кто понял волю отца и исполняет ее.

Лук. XI, 27. И женщина одна сказала: блаженна та утроба, которая выносила тебя, и те сосцы, которые ты сосал.

28. Иисус сказал на это: блаженны всегда только те, которые поняли разумение отца и хранят его.

Лук. IX, 57. И сказал один человек Иисусу: пойду вслед за тобою, куда бы ты ни пошел.

58. И Иисус сказал ему на это: идти за мной некуда: у меня нет ни дома, ни места, где бы я жил. У зверей только есть логова и норы, а человек везде дома, если он живет духом.

Марк. IV, 35. И случилось раз Иисусу плыть с учениками в лодке. Он сказал: переедем на ту сторону.

37. Поднялась на озере буря и стала заливать их, так что чуть не потопила.

38. А он лежал на корме и спал. Они взбудили его и говорят: учитель! что ж, или тебе всё равно, что мы погибаем?

40. И когда буря затихла, он сказал: что это вы так робки? Нет в вас веры в жизнь духа.

Лук. IX, 59. Одному человеку Иисус сказал: следуй за мной. И человек сказал: у меня старик отец; прикажи мне прежде похоронить его, тогда я пойду за тобой.

60. И сказал ему Иисус: пускай мертвые хоронят мертвых, а ты, если хочешь быть жив, исполняй волю отца и разглашай ее.

61. И еще один человек сказал: я хочу быть твоим учеником и буду исполнять волю отца, как ты велишь, но позволь мне прежде устроить

домашних.

62. И Иисус сказал ему: если пахарь смотрит назад, то нельзя ему пахать. Сколько ни смотри назад, пока смотришь назад, пахать нельзя. Надо обо всем забыть, кроме о той борозде, какую ведешь, тогда только можно пахать. Если ты рассуждаешь о том, что выйдет для жизни плотской, то ты не понял жизнь настоящую и не можешь жить ею.

Лук. X, 38. После этого случилось раз, что зашел Иисус с учениками в одну деревню. И женщина одна, Марфа, пригласила его к себе в дом.

39. И была у Марфы сестра Мария, и села она у ног Иисуса и слушала его учение.

40. А Марфа хлопотала об том, чтобы было хорошее угощение. И подошла Марфа к Иисусу и говорит: тебе и дела нет, что сестра моя одну меня оставила служить. Скажи ей, чтобы и она поработала со мной.

41. И на ответ сказал ей Иисус: Марфа, Марфа, заботишься и хлопочешь обо многих делах, а одно только дело нужно.

42. И Мария выбрала то одно, что нужно и чего никто не отнимет от нее. Для жизни нужно только одна пища духа.

Лук. IX, 23. И сказал Иисус всем: кто хочет идти вслед меня, тот пусть откажется от своей воли и пусть будет готов на всякие лишения и страдания плоти на каждый час; тогда только он может идти вслед меня.

24. Потому что тот, кто хочет заботиться о своей плотской жизни, тот погубит истинную жизнь. А кто если и погубит плотскую жизнь, исполняя волю отца, тот спасет истинную жизнь.

25. Потому что какая же выгода человеку, если он и весь мир заберет, а жизнь свою загубит или повредит.

Лук. XII, 15. И сказал Иисус: берегитесь же богатства, потому что не от того твоя жизнь, что у тебя больше, чем у других.

16. Был богатый человек, и родилось у него много хлеба.

17, 18. И думает он себе: дай перестрою амбары, выстрою большие и соберу туда все мои богатства.

19. И скажу душе моей: вот тебе, душа, всего вволю, отдыхай, ешь, пей и живи в свое удовольствие.

20. И сказал ему Бог: глупый, в нынешнюю ночь возьмут твою душу, и всё, что ты припас, другим останется.

21. Так-то бывает со всяким, кто готовит для плотской жизни, а не живет в Боге.

Лук. XIII, 2. И сказал им Иисус: вот вы рассказываете, что Пилат

убил галилеян. Что же, разве галилеяне эти были чем-нибудь хуже других людей, что это случилось с ними?

3. Нисколько. Все мы такие и все мы так же погибнем, если не найдем спасения от смерти.

4. Или те восемнадцать человек, каких задавила башня, когда завалилась, разве они были особенные, хуже всех других жителей иерусалимских?

5. Нисколько. Если мы не спасемся от смерти, не нынче-завтра точно так же погибнем.

6. Если мы не погибли еще, как те, то нам надо думать про себя вот как: у человека растет в саду яблоня. Приходит хозяин в сад, посмотрел яблоню и видит: нет на ней плода.

7. Хозяин и говорит садовнику: вот три года хожу, и яблоня эта всё холостая. Надо срубить ее, а то что она напрасно место портит.

8. А садовник говорит: погодим еще, хозяин, дай я ее окопаю, обложу навозом и посмотрим на лето. Может даст плод. А и на лето не даст, ну тогда срубим.

Так-то и мы; пока живы плотью и не приносим плода жизни духа, и мы бесплодная яблоня. Только по милости чьей-то мы оставлены еще на лето. А не принесем плода, так же погибнем, как тот, кто амбар построил; как галилеяне, как восемнадцать задавленных башней и как все не приносящие плода погибают, умирая навсегда смертью.

Лук. XII, 54. Чтобы понять это, не нужно никакой мудрости, всякий это сам видит. Ведь не то, что в домашних делах, а и в том, что на всем свете делается, умеем мы рассуждать и вперед угадывать. Если ветер с запада, мы говорим – к дождю, – и так и бывает.

55. А ветер с полдня, мы говорим – к вёдру, – и так и бывает.

56. Что же, мы погоду узнавать умеем, а того вперед угадать не можем, что все мы помрем и погибнем и что одно спасение для нас – жизнь духа, исполнение его воли.

Лук. XIV, 25. И шло с Иисусом много народа, и он еще раз сказал всем:

26. Тот, кто хочет быть моим учеником, тот пусть ни во что считает отца, и мать, и жену, и детей, и братьев, и сестер, и всё свое имущество, и пусть на всякий час будет готов на всё.

27. И только тот, кто делает, что я, только тот следует моему учению и только тот спасается от смерти.

28. Потому что всякий, прежде чем что-нибудь начать, разочтёт: выгодно ли то, что он делает, и если выгодно, то делает, а не выгодно, то бросает. Всякий, кто строит дом, прежде ведь сядет и

сочтет: сколько нужно денег, сколько у него есть и достанет ли докончить.

29. Чтобы не случилось того, что начал строить и не кончил, и люди смеются.

30. Так же и тот, кто хочет жить жизнью плотской, должен прежде рассчитать: может ли он докончить то, чем он занят?

31. И всякий царь, если хочет воевать, то прежде подумает: может ли он с десятью тысячами идти войной против двадцати тысяч.

32. Если разочтет, что не может, то пошлет послов и замирится, а не станет уже воевать. Так и всякий человек, пускай прежде, чем отдаться жизни плотской, подумает: может ли он воевать против смерти? или она сильнее его? и тогда не лучше ли ему вперед замириться.

33. Так-то всякий из вас должен прежде разобраться с тем, что он считает своим: семейство, деньги, имение. И когда он разочтет, какая от этого польза, и поймет, что нет никакой, тогда только он может быть моим учеником.

15. И услышав это, один человек сказал: хорошо, как есть жизнь духа. А то как мы всё отдадим, а жизни этой и нет.

16. На это Иисус сказал: неправда, всякий знает жизнь духа. Вы все знаете, что исполнение воли отца дает жизнь. Вы знаете это, но не делаете этого не потому, что сомневаетесь, но потому что отвлекаетесь от истинной жизни ложными заботами и отговариваетесь от нее. Вы вот что делаете: хозяин приготовил обед и послал звать гостей, но гости стали отказываться.

18. Один сказал: я землю купил, надо пойти поглядеть.

19. Другой сказал: быков купил, надо попытать.

20. Третий сказал: я женился и буду свадьбу играть.

21. И пришли работники и сказали хозяину, что никто не идет. Хозяин тогда послал работников звать нищих. Нищие не отказались и пришли.

22. И когда пришли, то и еще осталось место.

23. И хозяин послал звать еще и говорит: поди уговаривай всех, чтоб пришли ко мне на обед и чтобы у меня было больше народа; а те, кто отказались за недосугом, те не попали на обед.

Лук. XVI, 1. Все знают про то, что исполнение воли отца дает жизнь, но не идут потому, что их отвлекает обман богатства.

Тот, кто отдает ложное, временное богатство для жизни истинной в воле отца, сделает то же, что сделает умный приказчик.

Был один человек приказчиком богатого хозяина, и видит приказчик, что вот-вот хозяин сгонит его и останется приказчик без хлеба и приюта.

3. И подумал себе приказчик: дай вот что сделаю: раздам потихоньку из хозяйского мужикам, сбавлю им долги и тогда, если прогонит меня хозяин, мужики попомнят мое добро и не оставят меня.

5. И так и сделал приказчик: призвал мужиков, должников хозяйских, и переписал им расписки.

6. Кто должен 100 – написал 50; кто 60 – написал 20 и другим то же.

8. И вот узнал про это хозяин и говорит себе: а что же? ведь он умно сделал. А то бы ему по миру идти. Мне убыток сделал, а по расчету умно сделал. Потому что в плотской жизни мы все понимаем, в чем расчет верный, а в жизни духа не хотим понимать.

9. Так-то и нам надо поступать с неправедным и ложным богатством. Отдавать его затем, чтобы получить жизнь духа.

10. И если мы таких пустяков, как богатство, жалеем для жизни духа, так и не дастся она нам.

11. Если мы ложное богатство не отдадим, так и не дастся нам наша собственная жизнь.

13. Нельзя служить за раз двум господам: Богу и богатству; воле отца и своей воле. Либо одному, либо другому.

14. И слышали это православные. А православные любили богатство, и они насмехались над Иисусом.

15. А он сказал им: вы думаете, что потому, что вас за богатство почитают люди, что вы и точно почетны? Нет, Бог не смотрит наружу, а смотрит на сердце. То, что перед людьми высоко, то блевотина перед Богом.

16. Теперь царство небесное на земле, и велики те, кто входят в него. А входят в него не богатые, а те, которые ничего не имеют. И это всегда так было и по вашему закону, и по Моисею, и по пророкам тоже.

17. Слушайте, что по вашей вере – богатые и нищие.

19. Был человек богач. Рядился, гулял, веселился каждый день.

20. И был бродяга Лазарь в коросте.

21. И Лазарь приходил на двор к богачу, думал: не останутся ли объедки от богача; но и объедков Лазарю не доставалось: богачевы собаки всё подъедали, да и еще и Лазарю облизывали струпя.

22. И умерли оба – и Лазарь и богач.

23. И вот в аду увидел богач издаleка–daleка Авраама, и смотрит – и Лазарь коростовой с ним сидит.

24. Богач и говорит: Авраам батюшка, вон с тобой Лазарь коростовой сидит: он у меня валялся под забором. Тебя я беспокоить не смею. Пришли ко мне Лазаря коростового, пускай бы он палец в воде помочил и дал мне глотку освежить. Потому горю в огне.

25. А Авраам говорит: за что же мне к тебе в огонь Лазаря посылать? Ты в том мире, что желал, то и имел, а Лазарь только горе видел, так ему теперь надо радоваться.

26. Да и хотел бы сделать, да нельзя, потому между нами и вами пропасть большая, и перейти ее нельзя. Мы живые, а вы мертвые.

27. Тогда богач говорит: ну, так, батюшка Авраам, пошли Лазаря коростового хоть ко мне в дом.

28. У меня пятеро братьев, жалко мне их. Пусть он всё расскажет им и покажет, как вредно богатство. А то как бы и они не попали в эту муку.

29. А Авраам говорит: они и так знают, что оно вредно. Это им и Моисей и все пророки тоже говорили.

30. А богач говорит: всё бы лучше, если бы кто из мертвых воскрес и к ним пришел, они бы лучше одумались.

30. А Авраам сказал: если же Моисея и пророков не слушают, хоть и мертвый воскреснет, и того не послушают.

Марк. X, 17. Что надо делиться с братом и делать добро людям, это все знают. И весь закон Моисея, и все пророки только это же и говорили. Вы знаете это, но не можете делать, потому что любите богатство.

И подошел к Иисусу богатый начальник из православных и сказал ему: ты учитель благой, что мне сделать, чтобы получить жизнь вечную?

18. Иисус сказал: за что называешь меня благим? Благи только отец. А если хочешь иметь жизнь, то исполняй заповеди.

19. Начальник и говорит: заповедей много – какие? Иисус и говорит: не убивай, не блуди, не крадь, не лги да еще чти отца твоего, исполняй его волю и люби ближнего, как самого себя.

20. А православный начальник и говорит: эти все заповеди я исполняю с детства, а я спрашиваю еще, что нужно сделать по твоему учению?

21. Иисус посмотрел на него, на его богатое платье, улыбнулся и говорит: одного маленького дела ты не доделал, ты не исполнил того, что ты говоришь. Если хочешь исполнять эти заповеди: не убий, не блуди, не крадь и не лги и, главное, заповедь – люби ближнего, как

себя, то сейчас же продай всё именье и отдай нищим, тогда исполнишь волю отца.

22. Услыхал это начальник, нахмурился и отошел, потому что ему жалко было своего именья.

23. И Иисус сказал ученикам: вот видите, что никак нельзя быть богатому и исполнять волю отца.

24. Ученики ужаснулись на эти слова. А Иисус еще раз повторил и говорит: да, дети, нельзя тому, у кого есть свое именье, быть в воле отца.

25. Скорее верблюд в ушко иголки пройдет, чем то, чтобы тот, кто полагается на богатство, исполнил волю отца.

26. И они еще пуще ужаснулись и говорят: как же после этого? И жизнь свою уберечь нельзя.

27. А он говорит: человеку кажется, что нельзя без собственности уберечь свою жизнь, но Бог и без собственности оберегает жизнь человека.

Лук. XIX, 1. Один раз шел Иисус через город Иерихон.

2. И был в этом городе начальник откупщиков, богач, и звали его Закхей.

3. Этот Закхей слышал про учение Иисуса и поверил в него. И когда он узнал, что Иисус в Иерихоне, он захотел увидеть его. Народу около было так много, что нельзя было пропихаться до него, А Закхей был мал ростом.

4. Тогда он забежал вперед и влез на дерево, чтобы повидаться с Иисусом, когда он будет проходить мимо дерева.

5. И точно, проходя мимо, Иисус увидел его и, узнав, что он верит его учению, сказал: слезай с дерева и иди домой, я приду к тебе.

6. Закхей слез, прибежал домой, приготовил встречу Иисусу и с радостью принял его.

7. Народ стал судить и говорить про Иисуса: вот пошел в дом к откупщику, плуту.

8. А тем временем Закхей сказал Иисусу: вот, господин, что я сделаю. Половину имения отдам нищим, а из остального заплачу вчетверо всем тем, кого я обидел.

9. И сказал Иисус: вот и спасся ты: был мертв, а стал жив, пропадал и нашелся, потому что ты делом, как Авраам, когда он хотел заколоть сына своего, показал свою веру.

10. Потому что в том вся жизнь человека, чтобы отыскивать и спасать

в душе своей то, что погибает. Жертву нельзя мерить величиною ее.

Лук. XII, 41. Случилось раз, что Иисус с учениками сидел против кружки. В кружку клали люди свое имение для Бога. И подходили к кружке богатые люди и клали помногу.

42. И подошла одна нищая, вдова, и положила две полушки.

43. И Иисус показал на нее и сказал ученикам: вот видите, что вдова эта, нищая, положила две полушки; а она больше всех положила.

44. Потому что те клали то, что им не нужно для жизни, а эта положила всё, что у нее было, всю жизнь свою положила.

Матф. XXVI, 6. Случилось Иисусу быть в доме Симона шелудивого.

7. И вошла в дом женщина. И был у этой женщины кувшин с дорогим цельным маслом на 300 рублей. Иисус сказал ученикам, что близка смерть его. Услыхала это женщина и пожалела его, и захотела показать ему свою любовь и помазать ему голову маслом. И забыла она всё и что стоит масло, и разбила весь кувшин, и помазала ему голову и ноги, и пролила всё масло.

8. И стали ученики судить между собою о том, что дурно она сделала. И Иуда, тот, что после выдал Иисуса, сказал: вот даром сколько пропало добра!

9. Можно бы продать это масло за триста рублей и сколько нищих оделить! И стали ученики укорять женщину, и она смутилась и не знала, хорошо или дурно она сделала.

10. Тогда Иисус сказал им: напрасно вы смущаете женщину: она истинно добро сделала, и напрасно поминаете об нищих.

11. Если хотите делать добро нищим, делайте – они всегда есть. Зачем же говорить о них? Если жалеете нищих, идите, жалеете их, делайте добро им; а она меня пожалела и добро сделала настоящее, потому что отдала всё, что имела. Кто из вас знать может, что нужно, что не нужно? Почему вы знаете, что не нужно пролить на меня масло? Она облила меня маслом так, хоть чтобы приготовить тело мое к похоронам, и затем это нужно.

13. Она истинно исполнила волю отца, забыла себя и пожалела другого, забыла плотские расчеты и отдала всё, что имела.

Матф. XXI, 28. И Иисус сказал: учение мое есть исполнение воли отца, а исполнять волю отца можно только делом, а не словами.

Если один сын на приказание отца всё говорит: «слушаю, слушаю», а не делает того, что велит отец, то ведь он не исполняет воли отца.

29. А если другой сын хоть и скажет: «не хочу слушаться», а потом пойдет и сделает по приказу отца, то ведь он исполнил волю отца. Так-то и в людях: не тот в воле отца, кто говорит. я в воле отца, –

а тот, кто делает то, что хочет отец.

Глава VII

Я И ОТЕЦ – ОДНО

ИСТИННОЕ ПИТАНИЕ ЖИЗНИ БЕСКОНЕЧНОЙ ЕСТЬ ИСПОЛНЕНИЕ ВОЛИ ОТЦА И СОЕДИНЕНИЕ С НИМ.

(ХЛЕБ НАШ НАСУЩНЫЙ ДАЙ НАМ.)

СОДЕРЖАНИЕ VII ГЛАВЫ

В ответ на требование от иудеев доказательств истинности его учения Иисус говорит: истинность моего учения доказывается тем, что я учу не от себя, но от общего всем отца. Я учу тому, что хорошо для отца всех людей и потому для всех людей.

Делайте то, что я говорю, исполняйте пять заповедей и увидите, что правда то, что я говорю. Исполнение пяти заповедей изгоняет всё зло из мира, и потому верно, что они истинны. Явно, что тот, кто учит тому, что есть не его личная воля, а воля того, кто послал его, явно, что тот учит правде. Закон Моисея учит исполнению воли людей, и потому он полон противоречий; мое же учение учит тому, чтобы исполнять волю отца, и потому оно всё сводится к единству.

Иудеи не поняли его и искали внешних доказательств о том, сам ли он есть Христос, о котором писано в пророчествах. На это он сказал им: не разбирайте того, кто я и обо мне ли писано в ваших пророчествах, а вникните в мое учение, в то, что я говорю об общем нам отце. Мне, как человеку, не надо верить, но надо верить тому, что я говорю во имя общего всем людям отца. Не разбирать надо по внешности то, откуда я, а надо следовать моему учению. Тот, кто последует моему учению, тот получит истинную жизнь. Доказательств моего учения не может быть. Оно есть свет. И как свет нельзя освещать, так нельзя доказывать истинность истины. Учение мое – свет; и кто видит его, тот имеет свет и жизнь и тому доказывать нечего. А кто во тьме, тот должен идти к свету.

Но иудеи опять спрашивали его: кто он по плоти? Он сказал им: я – то, что я говорил вам сначала. Я человек, сын отца жизни. Только тот, кто поймет о себе то же самое и будет исполнять волю общего отца, только тот перестанет быть рабом, а сделается свободным. Потому что только ошибка, принимающая плотскую жизнь за жизнь настоящую, делает нас несвободными. Тот, кто поймет истину в том, что жизнь только в исполнении воли отца, только тот станет свободным и бессмертным. Так же, как раб в доме хозяина остается не всегда, а сын остается всегда, так же и человек, живущий рабом плоти, остается в жизни не всегда; а человек, исполняющий духом волю отца, остается

в жизни всегда.

Чтобы понимать меня, вы должны понимать то, что отец мой не то, что отец ваш, тот, которого вы называете Богом. Ваш отец есть Бог плотский, а мой отец – дух жизни. Ваш отец Бог есть Бог мстительный человекоубийца, тот, который казнит людей; а мой отец дает жизнь. И потому мы разного отца дети. Я ищу истины, а вы хотите убить меня за это, в угоду Богу вашему. Бог ваш – это дьявол, начало зла, и если вы ему служите, то вы служите дьяволу. Мое же учение то, что мы сыны отца жизни, и тот, кто поверит моему учению, тот не увидит смерти. Иудеи сказали: как же может человек не умереть, если все самые угодные Богу люди, Авраам и тот умер? Как же ты можешь говорить, что ты и те, кто поверят твоему учению, не умрут?

На это Иисус отвечал: я ничего от себя не говорю. Я говорю про то самое начало жизни, которое вы называете Богом и которое в людях. Это начало я знаю и не могу не знать, и знаю его волю и исполняю ее, и про это–то начало жизни я говорю, что оно было, и есть, и будет и что для него нет смерти. Требование доказательств истинности моего учения подобно тому, как бы люди стали требовать доказательств у слепого о том, почему и как он увидал свет.

Исцеленный слепой, оставаясь тем же человеком, каким он был прежде, мог бы сказать только то, что он был слеп, а теперь видит. Точно то же и больше ничего не может сказать тот человек, который не понимал прежде смысла своей жизни и понял его. Такой человек сказал бы только то, что он прежде не знал истинного блага жизни, а теперь знает его. И как исцеленный слепой, если ему скажут, что он исцелен неправильно, что человек, который исцелил его, грешник, что ему надо исцелиться иначе, исцеленный ничего не может сказать иного, как то, что я не знаю ничего о правильности исцеления и грешности исцелившего; о другом лучшем исцелении я знаю одно, что был слеп, а теперь вижу.

Точно так же и постигнувший смысл учения об истинном благе, исполнении воли отца, ничего не может сказать о том: правильно ли это учение, грешник ли тот, кто открыл его, и можно ли узнать еще лучшее благо, – он скажет: прежде не видел смысла жизни, а теперь вижу его и больше ничего не знаю.

И Иисус сказал: учение мое есть пробуждение спавшей доколе жизни, кто поверит в мое учение, тот пробуждается к жизни вечной и живет после смерти.

Учение мое ничем не доказывается, но люди отдаются моему учению потому, что оно одно обещает всем людям жизнь. Как овцы идут за пастухом, который дает овцам корм и жизнь, так люди принимают мое учение, потому что оно дает жизнь всем. И как овцы не идут за вором, который перелезает в овчарню, и шарахаются от него, так и люди не могут верить в те учения, которые учат насилиям и казням. Мое учение есть дверь для овец, и все те, кто пойдут за мною, найдут истинную жизнь. Как пастухи, только те хороши, которые сами хозяева и любят овец и отдают свою жизнь за овец, а плохи наемные, те, которые не любят овец, так и учитель тот только истинный, который не жалеет

себя, а плохой тот, который только о себе заботится. Мое учение в том, чтобы не жалеть себя, а отдавать свою плотскую жизнь за жизнь духа, и я учу этому и исполняю это.

Иудеи всё не понимали его и всё искали внешних доказательств о том, что он ли Христос, или нет и потому верить ли им ему, или нет. Они говорили: не мучай нас и скажи прямо: ты ли Христос, или нет? И на это Иисус отвечал им: не словам надо верить, но делам. По тем делам, которым я учу, поймете, истинно ли я учу, или нет. Делайте, что я делаю, а не разбирайте слов. Исполняйте волю отца, и тогда вы все соединитесь со мною и с отцом, потому что я сын человеческий – то же, что и отец. Я не Христос, а больше Христа, я то же, что вы называете Богом и что я называю отцом. Я и отец – одно. И в вашем писании сказано, что Бог сказал людям: вы Боги. Всякий человек по духу сын отца. И если он живет, исполняя волю отца, то он соединяется с отцом. Если я исполняю его волю, то отец во мне и я в отце.

После этого Иисус спросил учеников, как они понимают его учение о сыне человеческом. Симон Петр отвечал ему: твое учение в том, что ты сын Бога жизни, что Бог – это жизнь духа в человеке.

И сказал ему Иисус: не я один, но и все люди; и открыл это людям не я, а общий отец людей. На этом разумении зиждется истинная жизнь людей. Для этой жизни нет. смерти.

Иоан. VII, 1. После этого иудеи старались присудить Иисуса к смерти, и Иисус ушел в Галилею и жил с своими родными.

2. Пришел иудейский праздник обновления сени.

3. И братья Иисуса собрались идти на праздник и стали звать с собой Иисуса.

5. Они не верили в учение и говорили ему: вот ты говоришь, что иудейское служение Богу неправильно, а что ты знаешь настоящее служение Богу делом. Если точно ты думаешь, что никто кроме тебя не знает истинного служения Богу, так вот пойдем с нами на праздник; там народу будет много, – вот там при всем народе и объяви, что учение Моисея ложно. Если все тебе поверят, тогда и ученикам твоим будет видно, что ты прав.

4. А то что же скрывать. Ты говоришь, что наше служение Богу ложно, что ты знаешь истинное служение Богу. Ну и покажи его всем.

6. И Иисус сказал им: для вас есть особенное время и место для служения Богу, а для меня нет особенного времени для служения Богу. Я всегда и везде работаю Богу.

7. Я это самое и показываю людям, показываю им, что их служение Богу

ложное, и за это–то они и ненавидят меня.

8. Вы идите на праздник, а я пойду, когда вздумаю.

9. И братья ушли, а он остался и пришел уже после, в середине праздника.

11. И иудеи смущались тем, что он не почитает их праздника и не пришел.

12. И много спорили об его учении. Одни говорили, что он правду говорит, а другие говорили, что он только смущает народ.

14. В половину праздника Иисус вошел в храм и стал учить народ о том, что их служение Богу ложное, что Богу надо служить не в храме и жертвами, а в духе и делом, исполнением пяти заповедей.

15. Все слушали его и дивились, что он, не учившись, знает всю мудрость.

16. И Иисус, услышав то, что они удивлялись его мудрости, сказал им: мое учение – не мое, но того, кто меня послал.

17. Если кто захочет исполнять волю того духа, который послал нас в жизнь, тот узнает, что это не я выдумал, а что это учение от Бога.

18. Потому что тот, кто от себя выдумал, тот ищет того, что ему кажется, а тот, кто ищет того, что кажется тому, кто его послал, тот справедлив и нет в нем неправды.

19. Ваш закон Моисея не закон отца, и оттого те, кто следует ему, не исполняют закона отца и делают зло и ложь.

21. Я учу вас исполнению одной воли отца, и в моем учении не может быть противоречия.

22, 23. А ваш писанный закон Моисея весь исполнен противоречий.

24. Не судите по внешности, а судите по духу.

25. И многие сказали: однако вот говорили, что он ложный пророк, а вот он закон осуждает, и никто ничего не говорит ему.

26. Может быть, и в самом деле он настоящий, может быть, и начальники признали его.

27. Только по одному нельзя верить ему, что сказано, когда придет посланник от Бога, то никто не будет знать, откуда он, а мы знаем, откуда он родом и всю его родню. Народ всё не понимал его учения и всё искал доказательств.

28. Тогда сказал им Иисус: знаете меня и откуда я по–плотскому, но не знаете откуда я по духу. Вот того–то, от кого я по духу, того вы не знаете, а того только надо знать.

29. Если бы я сказал, что я Христос, вы поверили бы мне, человеку, а не поверили бы отцу, который во мне и в вас. А надо верить одному отцу.

33. Я здесь между вами не на долгое время моей жизни, указываю вам путь к тому источнику жизни, из которого я исшел.

34. А вы спрашивали у меня доказательств и хотите засудить меня. Если вы не знаете этого пути, то, когда меня не будет, вы уже никак не найдете его. Не обсуживать меня надо, а надо идти за мной. Кто будет делать то, что я говорю, тот узнает, правда ли то, что я говорю вам.

38. Тот, для кого жизнь плотская не стала пищей духа, тот не ищет истины, как жаждущий – воды, тот не может понять меня. Тот же, кто жаждет истины, тот иди ко мне и пей. И тот, кто поверит в мое учение, тот получит жизнь истинную.

39. Тот получит жизнь духа.

40. И многие поверили в его учение и говорили: то, что он говорит, истина и от Бога.

42. Другие не понимали его и всё искали по пророчествам доказательств того, что он послан от Бога.

43. И многие спорили с ним, но никто не мог оспорить его.

44. Ученые православные послали своих помощников состязаться с ним.

45. Но помощники их вернулись к православным архиереям и сказали: ничего не можем с ним сделать. И архиереи сказали: что же вы не уличили его?

46. И те отвечали: никогда ни один человек не говорил так, как он.

47. Тогда сказали православные: это ничего не значит, что его нельзя оспорить и что народ верит в его учение.

48. Мы не верим, и никто из начальников не верит.

49. А народ проклятый, он был всегда глуп и неучен, всякому верит.

50. И сказал архиереям Никодим, тот, кому Иисус растолковал свое учение:

51. Нельзя осудить человека, не выслушав его и не поняв, к чему он ведет.

52. А они сказали ему: нечего судить и слушать. Мы знаем, что пророк не может быть из Галилеи.

Иоан. VIII, 12. В другой раз Иисус говорил с православными и сказал

им: доказательств истинности моего учения не может быть, как не может быть освещения света. Учение мое есть свет настоящий, при котором люди видят, что хорошо и что дурно, и потому доказать учение мое нельзя; оно доказывает всё остальное. Кто пойдет за мной, тот не будет во тьме, а у того будет жизнь. Жизнь и свет одно и то же.

13. Но православные сказали: ты один это говоришь.

14. И он отвечал им: если я и один говорю это, то все-таки моя правда, потому что я знаю, откуда я пришел и куда иду. По моему учению есть смысл жизни, по вашему же его нет.

18. Кроме того, я не один учу, а тому же самому учит отец мой, дух.

19. Они сказали: где твой отец? Он сказал: вы не понимаете моего учения и потому не знаете моего отца.

21. Не знаете, откуда вы и куда идете. Я веду вас, а вы, вместо того чтобы идти за мной, разбираете, кто я, и потому не можете прийти к спасению и жизни, к которой я веду вас.

24. И вы погибнете, если останетесь в этом заблуждении и не пойдете за мной.

25. И иудеи спросили: кто ты? Он сказал: с самого начала говорю вам:

26. Я сын человеческий, признающий отцом своим дух; и то, что понял от отца, то и говорю миру.

28. И когда возвеличите в себе сына человеческого, тогда узнаете, что такое я, потому что я делаю и говорю не от себя, как человек, но то, чему научил меня отец, то говорю, тому учу.

29. И тот, кто послал меня, тот всегда со мною, и отец не оставит меня, потому что делаю его волю.

31. Тот, кто будет держаться разумения моего, кто будет исполнять волю отца, тот будет истинно научен мною. Для познания истины нужно делать добро людям. Тот, кто делает зло людям, тот любит тьму и идет к ней; кто творит добро людям, тот идет к свету. И потому, чтобы понять учение мое, надо творить дела добра.

32. Тот, кто будет делать добро, тот познает истину, тот будет свободен от зла и смерти.

34. Потому что всякий, кто заблуждается, тот делается рабом своего заблуждения.

35. А как раб в доме хозяина не живет всегда, а сын хозяина всегда в доме, так и человек, если заблудился в жизни и делается рабом своих заблуждений, не живет всегда, а умирает. Только тот, кто в истине, только тот остается жив всегда. Истина же в том, чтобы быть не рабом, а сыном. Так что если будете заблуждаться, то будете рабами и умрете.

36. А будете в истине, то будете сынами свободными и будете живы.
37. Вы про себя говорите, что вы сыны Авраама, что вы знаете истину. А вы вот хотите убить меня, потому что не понимаете моего учения.
38. И выходит, что я говорю то, что понял от своего отца, а вы хотите делать то, что вы поняли от вашего отца.
39. Они сказали: наш отец Авраам. Сказал им Иисус: если бы вы были сыны Авраама, вы бы его дела и делали.
40. А вы вот хотите убить меня за то, что я сказал вам то, что понял от Бога. Авраам так не делал. Стало быть, вы не Богу служите, а служите своему отцу – другому.
41. Они сказали ему: мы не выблядки, а мы все одного отца дети, все Боговы.
42. И сказал им Иисус: если бы ваш отец был один со мною, то вы любили бы меня, потому что я от отца исшел. Я ведь не сам от себя родился.
43. Вы не одного со мной отца дети, вы оттого моих слов и не понимаете и не вмещаете в вас мое разумение. Если я от отца и вы от того же отца, то не можете желать убить меня. Если же вы желаете убить меня, то мы не от одного отца.
44. Я от отца добра, Бога, а вы от дьявола, от отца зла. Вы хотите похоти вашего отца дьявола делать; он всегда и был убийца и лгун, и нет в нем истины. Если он что говорит, дьявол, то он говорит свое личное, а не общее всем, и он отец лжи. Поэтому вы слуги дьявола и сыны его.
46. Вот видите, как легко обличить вас в заблуждении. Если же я заблуждаюсь, то обличите меня. Если же нет заблуждения во мне, то отчего мне не верите?
48. И стали иудеи ругать его и говорили, что он бешеный.
49. Он сказал: я не бешеный, но я почитаю отца, а вы хотите убить меня, стало быть, вы не братья мне, а другого отца дети.
50. Не я утверждаю то, что я прав, но истина говорит за меня.
51. И потому повторяю вам: тот, кто учение мое постигнет и совершит, тот не увидит смерти.
52. И иудеи сказали: ну разве неправду мы говорим, что ты бешеный Самарянин? Ты сам себя обличаешь. Пророки умерли, Авраам умер, а ты говоришь, что кто совершит твое учение, то не увидит смерти.
53. Авраам умер, а ты не умрешь? Или ты больше Авраама?

54. Иудеи всё рассуждали о том, что он Иисус из Галилеи, важный или не важный пророк, и забывали всё то, что он говорил им, что он ничего не говорит о себе, как человеку, но говорит о духе, который был в нем. И Иисус сказал: я ничем себя не делаю. Если бы я говорил о себе, о том, что мне кажется, то всё, что я говорил бы, ничего бы не значило, но есть то начало всего, которое вы называете Богом, вот про него—то я говорю.

55. А вы не знали и не знаете настоящего Бога, а я знаю его. И не могу сказать, что не знаю его. Я был бы лгун, такой же, как вы, если бы сказал, что не знаю его. Я знаю его и знаю его волю и исполняю ее.

56. Авраам, ваш отец, видел и радовался на мое разумение.

57. Иудеи сказали: тебе пятьдесят лет, как же ты мог жить при Аврааме?

58. Он сказал: прежде чем был Авраам, было разумение добра, то, про что я говорю вам.

59. Иудеи схватили камни, чтобы побить его, но он ушел от них.

Иоан. IX, 1. И по дороге увидел Иисус человека темного от рождения.

2. И спросили ученики: кто виноват в том, что человек этот от рождения темный? он или родители его, за то, что не научили его?

3. И отвечал Иисус: не виноваты ни родители его, ни он сам, но в том дело Божие, чтоб был свет там, где была тьма.

5. Если есть мое учение, то оно свет миру.

6, 7. И Иисус открыл темному учение о том, что он сын Бога духа, и, познав это учение, темный познал свет.

8, 9. И те, которые прежде знали человека этого, не узнали его. Он был похож на прежнего, но стал другим человеком.

11. Он же сказал: я тот же, но Иисус открыл, что я сын Бога, и мне открылся свет, и я увидел то, что не видал прежде.

13. Призвали этого человека к православным учителям.

14. А была суббота.

15. И спрашивали его православные, как он стал понимать всё, когда прежде был темный. Он сказал: не знаю как, но знаю, что теперь всё понимаю.

16. Они сказали: ты это не по-Божьи понимаешь, потому что это сделал Иисус в субботу; да и не может человек мирской просвещать людей. И стали они спорить.

17. И потом спросили у просвещенного: что ты об нем думаешь? Он сказал: думаю, что он пророк.
18. Иудеи не поверили тому, что он прежде был темный, а теперь просветился, пока не позвали его родителей и не спросили их.
19. Это ли ваш сын, тот, который от рождения был темный. Как же он теперь просветился?
20. Родители сказали: мы знаем, что это наш сын и темный был от рождения.
21. А как теперь просветился, мы не знаем. Он уже большой, спросите его самого.
24. Позвали православные в другой раз того человека и сказали: молись настоящему нашему Богу, а тот человек, что тебя просветил, тот человек мирской и не от Бога, мы верно знаем.
25. И просвещенный сказал: о том, что от Бога ли тот человек, или нет, этого я не знаю. Одно знаю, что прежде не видел света, а теперь вижу.
26. И православные опять спросили: что он с тобой сделал, как просветил тебя?
27. Он сказал: я уже говорил вам, но вы не верите. Если хотите быть его учениками, то я расскажу вам опять.
28. И они стали ругать его и сказали: ты его ученик, а мы ученики Моисея.
29. С Моисеем говорил сам Бог. А про этого и не знаем, откуда он.
30. И отвечал человек и сказал: это-то и удивительно, что он просветил меня, а вы не знаете, откуда он.
31. Бог не слушает грешников, а тех, кто чтит Бога и исполняет его волю.
33. Не может быть никогда, чтобы человек тот, который не от Бога, мог бы просветить темного человека. Если бы он не был от Бога, он бы ничего не мог сделать.
34. И рассердились православные и сказали: ты весь погряз в заблуждениях и хочешь нас учить. И выгнали его вон.
- Иоан. XI, 25. И сказал Иисус: учение мое есть пробуждение жизни. Кто верит в мое учение, тот, несмотря на то, что умирает плотски, остается жив, и всякий кто живет и верит в меня, тот не умрет.
- X, 1. И еще в третий раз Иисус учил народ. Он говорил: люди отдаются моему учению не потому, что я сам доказываю его. Нельзя доказывать истину. Истина доказывает всё остальное. Но люди отдаются моему

учению потому, что оно единое и знакомое людям и обещает жизнь.

2, 3. Мое учение для людей, как знакомый голос пастуха для овец, когда он входит к ним дверью и собирает их, чтобы вести на пастбище.

5. Вашему же учению никто не верит потому, что оно чуждо людям, и люди видят в нем ваши похоти. Оно для людей то же, что для овец вид человека не входящего в дверь, но перелезающего через ограду. Овцы не знают его, а чувствуют, что он разбойник.

7. Мое учение единое истинное, как единая дверь для овец.

8. Все ваши учения закона Моисеева, все ложь, все как воров и разбойников для овец.

9. Кто отдается моему учению, тот найдет жизнь истинную, так же овцы выйдут и найдут корм, если пойдут за пастухом.

10. Потому что вор только затем приходит, чтобы красть, грабить и губить, а пастух затем, чтобы дать жизнь. И одно мое учение обещает и дает жизнь истинную.

11. Пастухи бывают такие, для которых овцы составляют их жизнь и которые отдают жизнь свою за овец, — это пастухи настоящие.

12. А бывают наемники, такие, которые не заботятся об овцах, потому что они наемники и овцы не ихние, такие, что если идет волк, то бросают и бегут от них, а волк губит овец.

13. Это не настоящие; так и учителя бывают не настоящие, такие, которым нет дела до жизни людей, и настоящие — такие, которые душу свою отдают за жизнь людей.

14. Я — такой учитель.

17. Учение мое в том, чтобы жизнь свою отдавать за людей.

18. Никто не отнимет ее от меня, но я сам свободно отдаю ее за людей, чтобы получить жизнь истинную. Эту заповедь я получил от отца моего.

15. И как знает меня отец, так и я знаю отца, и потому жизнь свою кладу за людей.

17. За то и любит меня отец, что я исполняю его заповеди.

16. И все люди, не только здесь и теперь, но все поймут мой голос и все сойдутся в одно и будут едины все люди и едино их учение.

24. И иудеи окружили его и сказали: всё, что ты говоришь, трудно понять и не сходится с нашим писанием. Не мучай нас, а просто и прямо скажи нам: ты ли тот мессия, который по нашему писанию должен прийти в мир?

25. И отвечал им Иисус: я уже говорил вам, кто я, но вы не верите. Если не верите моим словам, то верьте моим делам, по ним поймете; кто я и для чего я пришел.

26. Но вы не верите, потому что не идете за мной.

27. Кто идет по мне и делает то, что я говорю, тот понимает меня.

28. И кто понимает мое учение и исполняет его, тот получает жизнь настоящую.

29. Отец мой соединил их со мной, и никто не может разъединить нас.

30. Я и отец – одно.

31. И иудеи оскорбились этим и взялись за камни, чтобы добить его.

32. Но он сказал им: я много добрых дел показал вам, открыл учением об отце моем; за какое же из этих добрых дел хотите побить меня?

33. Они сказали: не за добро хотим побить тебя, но за то, что ты, человек, делаешь себя Богом.

34. И отвечал им Иисус: да ведь это самое сказано в вашем писании. Сказано, что сам Бог сказал дурным правителям: вы Боги.

35. Если он уже порочных людей назвал Богами, то почему вы считаете кошунством то, чтобы называть сыном Бога то, что Бог любя послал в мир.

[36–38.] Всякий человек по духу есть сын Бога. Если я не живу по-божески, то не верьте, что я сын Бога, если же живу по-божески, то по моей жизни верьте, что я в отце, и тогда поймете, что отец во мне и я в нем.

Иоан. XI, 25. И сказал Иисус: учение мое есть пробуждение жизни. Кто верит в мое учение, тот, несмотря на то, что умирает плотски, остается жив, и всякий, кто живет и верит в меня, тот не умрет.

X, 20. И стали спорить иудеи. Одни говорили, что он беснуется.

21. Другие говорили: не может бешеный просвещать людей.

39. И иудеи не знали, что с ним делать, и не могли присудить его.

40. И пошел он опять за Иордан и оставался там.

41. И многие поверили в его учение и говорили, что оно истинно так же, как учение Иоанна.

42. И так многие верили в его учение.

Мф. XVI, 13. И спросил раз Иисус учеников своих: скажите, как люди понимают мое учение о сыне Бога и сыне человеческом?

14. Они сказали: одни понимают так, как учение Иоанна, другие так же, как пророчество Исаии, еще другие говорят, что похоже на учение Иеремии, понимают, что ты пророк.

15. Он сказал: а вы как понимаете о моем учении?

16. И сказал ему Симон Петр: по-моему, твое учение в том, что ты избранный сын Бога жизни. Ты учишь тому, что Бог есть жизнь в человеке.

17. И сказал ему Иисус: счастлив ты, Симон, что понял это. Человек не мог открыть тебе этого, но понял ты это потому, что Бог в тебе открыл тебе это. Не плотское рассуждение и не я своими словами открыл тебе это, а Бог отец мой прямо открыл тебе это.

18. И на этом основывается то собрание избранных людей, для которых нет смерти.

Глава VIII

ЖИЗНЬ НЕ ВО ВРЕМЕНИ

И ПОТОМУ ИСТИННАЯ ЖИЗНЬ ЕСТЬ ТОЛЬКО ЖИЗНЬ В НАСТОЯЩЕМ

(ДАЙ НАМ В НАСТОЯЩЕМ.)

СОДЕРЖАНИЕ VIII ГЛАВЫ

На сомнения учеников о том, какая будет им награда за то, что они отрекутся от плотской жизни, Иисус отвечает: для человека, понявшего смысл учения, не может быть награды, во-первых, потому, что человек, отрекаясь от своих родных, близких, от своего имущества во имя того же учения, приобретает во сто раз больше близких и больше имущества, а во-вторых, потому, что человек, ищущий награды, ищет того, чтобы у него было больше, чем у другого, а это самое противное учение исполнения воли отца. Для царства небесного нет большего и меньшего: все равны. Те, которые ищут награды за добро, подобны работникам, которые бы требовали себе большую плату, чем ту, за которую уговорился с ними хозяин, только за то, что они по своему суждению достойнее других. Наград и наказаний, униженья и превознесенья нет для того, кто понимает ученье. Ни выше, ни важнее один другого никто не может быть по учению Иисуса. Всякий может исполнять волю отца, но от этого ни один не делается старше или важнее, или лучше другого. Так считаются только цари и те, кто им служат. По моему учению, говорит Иисус, не может быть старших, потому что тот, кто хочет быть лучше, должен быть всем слуга, потому что в том учение, что человеку дана жизнь не затем, чтобы ему служили, но чтобы он всю свою жизнь отдавал для служения другим людям. И тот, кто не последует этому и

не возвысит себя, тот упадет ниже того, где он был.

Для того, чтобы не думать о наградах и возвышении себя, надо понимать то, в чем состоит смысл жизни. Смысл жизни в исполнении воли отца; воля же отца в том, чтобы то, что он дал, вернулось к нему. Как пастух бросает всё стадо и идет искать пропавшую овцу и как женщина перероет всё, чтобы найти потерянную копейку, так и деятельность отца является нам в том, что он притягивает к себе то, что было его.

Надо понимать, в чем жизнь истинная. Жизнь истинная всегда проявляется в том, что потерянное возвращается к своему, что спавшее просыпается. Люди, имеющие жизнь истинную, вернувшись к своему началу, если они имеют истинную жизнь, не могут по-человечески считаться о том, кто лучше и кто хуже, а, будучи участниками жизни отца, могут только радоваться возвращению потерянного к отцу. Если бы сын, сбившись с пути и уйдя от отца, раскаялся бы и вернулся к отцу, то неужели другие сыновья отца могли бы завидовать радости отца и не радоваться возвращению брата?

Для того, чтобы верить учению, чтобы переменить свою жизнь и исполнять учение, нужны не доказательства внешние, не обещание наград, но нужно ясное понимание того, что есть истинная жизнь. Если люди думают, что они полновластные хозяева жизни, что жизнь им дана для плотской утехи, то, очевидно, всякое дело жертвы для другого будет им казаться поступком, достойным награды, и без награды они не уступят ничего. Если бы у оброчников, которые забыли то, что им дан сад с условием отдавать плоды хозяину, потребовали бы без награды оброка, они бы прогнали сборщика оброка, и если бы еще и еще напоминали им об оброке, они бы убили его. Так смотрят и те люди, которые признают себя хозяевами жизни и не понимают, что жизнь есть дар разума, которое требует исполнения своей воли. Для того, чтобы верить и делать, нужно понимать, что человек не может ничего сделать сам, что если он отдает свою плотскую жизнь для добра, то он ничего не делает такого, за что бы следовало благодарить и награждать его. Нужно понимать, что, делая добро, человек делает только то, что обязан, чего не может не исполнять. Только понимая так свою жизнь, человек может верить так, чтобы делать истинные дела добра.

В этом понимании жизни и состоит царство небесное, которое я проповедую. Это царство небесное – невидимое, не такое, которое является где-нибудь так, чтобы было можно указать его. Царство небесное в разума людей. Мир весь жил и живет по-старому: едят, пьют, торгуют, женятся, умирают и рядом с этим в душах людей живет царство небесное. Царство небесное – это есть разумение жизни, как дерево весной, растущее само из себя.

Истинная жизнь исполнения воли отца не та, что прошла, не та, что будет, а жизнь теперь. И потому для жизни надо никогда не ослабевать. Люди поставлены беречь жизнь не прошлую, не будущую, а ту, в какой они живут, и в ней исполнять волю отца всех. Если они упускают эту жизнь, не исполняя волю отца, то не вернут, как караульщик, поставленный затем, чтобы караулить всю ночь, не

исполнит своего дела, если он заснет, хоть на минуту, потому что в эту минуту может прийти вор. И потому всю силу свою человек должен перенести в этот час, в нем только исполнение воли отца. Воля же отца есть жизнь и благо всех людей, и потому исполнение воли есть добро всех людей. Только те живут, которые делают добро. Добро людям есть жизнь, соединяющая с общим отцом.

Мф. X, 38. Иисус сказал: кто не готов на все плотские страдания и лишения, тот не понял меня.

39. Кто приобретет всё лучшее для жизни плотской, тот погубит истинную жизнь. А кто погубит свою плотскую жизнь, исполняя мое учение, тот получит жизнь истинную.

XIX, 27. И на эти слова сказал ему Петр: вот мы послушали тебя, отбросили все заботы, всё имущество и пошли за тобой. Какая нам будет за это награда?

Марк. X, 29, 30. Иисус сказал ему: всякий, кто отказался от дома, сестер, братьев, отца, матери, жены, детей, от полей для моего учения, получает во сто раз больше и сестер, и братьев, и полей, и всего, что нужно, и, кроме того, еще в этой жизни получает жизнь вне времени.

31. Наград в царстве небесном нет. Царство небесное есть цель и награда. В царстве небесном все равны: нет ни первых, ни последних.

Мф. XX, 1. Потому что царство небесное вот на что похоже. Хозяин дома пошел с утра нанимать рабочих в сад.

2. Нанял рабочих по гривне в день и пришел в сад, заставил работать.

3. И опять пошел, в обед и еще нанял и послал в сад работать, и ввечеру еще нанял и послал работать. И со всеми уговорился по гривне.

8. Пришло время к расчету, хозяин и велел всех рассчитать поровну. Прежде тем, которые пришли последними, а после первым.

9. Вот увидели первые, что последним дают по гривне.

10. И подумали, что им больше дадут; но первым дали тоже гривну.

11. Они взяли и говорят:

12. Что же, те только одну упряжку работали, а мы все четыре, как же нам поровну? это несправедливо.

13. А хозяин подошел и говорит: что вы ворчите, разве я обидел вас? За что нанял, то и отдаю. Ведь у нас за гривну уговор был?

14. Возьмите свое и идите. А если я последнему хочу дать то же, что и вам, разве я не властен в своем?

15. Или оттого, что видите, что я добр, так вам завидно стало?

Мф. XX, 16. В царстве небесном нет ни первых, ни последних – всем одно.

20 и Марк. X, 35. Подошли раз к Иисусу два ученика его: Иаков и Иоанн, и говорят: учитель! обещай нам, что ты сделаешь нам то, о чем мы попросим тебя.

21. Он говорит: чего вы хотите? Они говорят: чтобы мы были равны с тобою.

22. Иисус сказал им: вы сами не знаете, чего просите. Жить вы можете так же, как я, очиститься от плотской жизни можете так же, как я, но сделать вас такими же, как я, – не в моей власти.

23. Каждый человек может своим усилием войти в волю отца.

24. Услышав это, другие ученики рассердились на двух братьев за то, что они хотели быть такими же, как учитель, и старшими из учеников.

25. Иисус же подозвал их и сказал: если вы, братья Иоанн и Иаков, просили меня сделать вас такими же, как я, для того, чтобы быть старшими учениками, то вы ошибались, если же и вы, другие ученики, сердитесь на них за то, что эти двое хотят быть старше вас, то и вы ошибаетесь. Только в мире считаются цари и начальники кто старше, чтобы им управлять народами.

26. А между вами не может быть ни старших, ни младших. Между вами, для того чтобы быть большим другого, надо быть, всем слугою.

27. Между вами кто хочет быть первым, тот считай себя последним.

Марк. X, 45. Потому что в том воля отца о сыне человеческом, что он не затем живет, чтобы ему служили, но чтобы самому служить всем и отдавать свою плотскую жизнь как выкуп за жизнь духа.

Мф. XVIII, 11, 12. И сказал Иисус народу: отец ищет спасения то[го], что гибнет. Он радуется ему так же, как радуется пастух, когда найдет одну пропадавшую овцу. Когда пропадет одна, он оставляет девяносто девять и идет спасать пропащую.

Лук. XV, 8. И если пропадет копейка у бабы, то ведь всю избу выметет и ищет, пока найдет.

10. Отец любит сына и зовет его к себе.

XIV, 8. И сказал им еще притчу о том, что нельзя возвыситься тем, кто живет в воле Божьей. Он сказал: если тебя позовут на обед, то не садись в передний угол; а то залезешь в передний угол, а придет кто

почетнее тебя, хозяин и скажет:

9. Выдь оттуда и пусти того, кто получше тебя. Тогда хуже постыдишься.

10. А ты лучше сядь на самое последнее место. Тогда хозяин найдет тебя и позовет на почетное; тогда тебе честь будет.

11. Так и в царстве Бога нет места гордости. Кто себя возвышает, тот этим самым себя роняет; а кто себя принижает, тот этим самым себя поднимает в царстве Бога.

XV, 11. Было у одного человека два сына.

12. Меньшой и говорит отцу: батюшка! отдели меня. И отец отделил его.

13. Взял меньшой свою часть и пошел на чужую сторону и промотал всё имение и стал бедствовать.

15. И попал он на чужой стороне в свинопасы.

16. И так голодал, что с свиньями жолуди ел.

17. И раздумался он раз о своем житье и говорит: зачем я отделился и ушел от отца. У отца всего было много. У отца и работники сыто едят. А я вот с свиньями один корм ем.

18. Дай-ка пойду к отцу, паду ему в ноги и скажу: виноват, батюшка, перед тобой и не стою тебе сыном быть. Возьми меня хоть в батраки.

20. Подумал и пошел к отцу. И как он только подходить стал, тотчас издали узнал его отец и сам навстречу побежал к нему, обнял его и стал целовать.

21. Сын и говорит: батюшка, виноват перед тобою, не стою тебе сыном быть.

22. А отец и слушать не стал и говорит работникам: несите скорее одежду самую лучшую и сапоги самые хорошие, оденьте и обуйте его.

23. И бегите, ловите теленка поеного и убейте, будем веселиться о том:

24. Что сын мой этот был мертвый, а теперь живой стал, пропадал, а теперь нашелся.

25. Пришел большой брат с поля, и как стал подходить, слышит: дома песни и играют.

26. Он подозвал мальчика и говорит: что это у нас веселье идет?

27. А мальчик говорит: разве ты не слышал, брат твой вернулся. И отец твой радуется и велел теленка поеного убить на радости, что сын

вернулся.

28. Большой брат обиделся и не пошел в дом. А отец вышел к нему и зовет его.

29. А он сказал отцу: вот, батюшка, я сколько лет на тебя работаю и приказа твоего не слушаюсь, а ты для меня никогда телянка поеного не резал.

30. А меньшой брат ушел из дому, да всё имение прогулял с пьяницами, а ты ему теперь телянка зарезал.

31. Отец и говорит: ведь ты всегда со мной, и всё мое – твое.

32. И тебе надо не обижаться, а радоваться, что брат твой в мертвых был и живой стал, пропадал и нашелся.

Марк. XII, 1. Хозяин насадил сад, обделал, устроил его, всё сделал для того, чтобы сад давал как можно больше плодов.

2. И послал в этот сад работников, чтобы работали, собирали плоды и по уговору платили ему за сад.

Хозяин – это отец, сад – это мир, работники – это люди. Отец только затем и послал в мир сына своего, сына человеческого, чтобы люди отдавали отцу разумение жизни, которое он вложил в них.

Пришел срок, хозяин послал работника за оброком. Отец не переставая говорил людям о том, что они должны исполнять его волю.

3. Работники отогнали посланца хозяина ни с чем и продолжали жить, воображая, что сад их собственный, что они сами по своей милости сидят в нем. Люди отогнали от себя напоминание о воле отца и продолжали жить каждый для себя, воображая, что они живут для радостей плотской жизни.

4, 5 и 6. Тогда хозяин послал еще и еще послал любимцев своих, сына своего, чтобы напомнить работникам их долг.

7. Но работники совсем одурели и вообразили себе, что если они убьют хозяйского сына, который напоминает им о том, что сад не ихний, то их совсем оставят в покое.

3. Они и убили его.

Люди не любят и напоминания о том духе, который живет в них и показывает им на то, что он вечен, а они не вечны; и они убили, насколько могли, сознание духа, завернули в платочек и зарыли гривну, данную им.

Мф. XXI, 40. Что же делать хозяину?

41. Больше ничего, как изгнать тех работников и прислать других. Что же делать отцу? Сеять, пока будет плод. Он то и делает.

42. Люди не понимали и не понимают, что то сознание духа, которое есть в них и которое они прячут, потому что оно мешает им, что это разумение есть их жизнь. Они выбрасывают тот камень, на котором всё держится.

43. И те, кто не возьмут за основу жизнь духа, те не входят в царство небесное и не получают жизни. Чтобы иметь веру и получить жизнь, надо понимать свое положение, а не ждать наград.

Лук. XVII, 5. Тогда ученики сказали Иисусу: умножь в нас веру; скажи нам такое, чтобы мы сильнее верили в жизнь духа и не жалели бы жизни плотской? Вот сколько надо отдать и всё надо отдавать для жизни духа. А награды, ты сам говоришь, нет.

6. И на это Иисус сказал им: если бы у вас была вера такая же, как вера в то, что из зерна березового вырастает большое дерево, если бы так же верили в то, что в вас есть единственный зародыш духа, из которого вырастает жизнь истинная, вы бы не просили меня умножить в вас веру. Вера не в том, чтобы поверить во что-нибудь удивительное, а вера в том, чтобы понимать свое положение и то, в чем спасение. Если ты понимаешь свое положение, то ты не будешь ждать награды, а будешь верить в то, что поручено тебе.

7. Когда хозяин с работником возвращается с поля, то ведь он не сажает работника за стол.

8. А велит убрать скотину, да приготовить себе поужинать, а уже потом говорит работнику: садись ты, пей и ешь.

Лук. XVII, 9. Хозяин не станет благодарить работника, что он сделал то, что должно. И работник, если он понимает, что он работник, не обижается, а работает, веря в то, что он получит то, что ему следует.

10. Так-то и вы, исполняйте волю отца и думайте, что мы негодные работники, только что должно было, то сделали, и не ожидайте награды, а довольствуйтесь тем, что получаете то, что вам следует.

Не об этом надо заботиться, чтобы верить в то, что будет награда и будет жизнь; это не может быть иначе, но надо заботиться о том, чтобы не погубить эту жизнь, не забыть то, что она дана нам для того, чтобы мы принесли плоды ее, и исполнять волю отца.

XII, 35 и 36. И потому будьте всегда готовы, как слуги, ожидающие хозяина, чтобы тотчас же, когда он придет, отворить ему.

37 и 38. Слуги не знают, когда он вернется: рано или поздно, и всегда должны быть готовы. И если они встретят хозяина, то исполнили волю его, и им хорошо. То же самое и в жизни. Всегда, всякую минуту настоящего надо жить жизнью духа, не думая о прошедшем и будущем и не говоря себе: тогда или там-то я сделаю то-то.

39. Если бы хозяин знал, когда придет вор, то он не спал бы, так и

вы не спите никогда, потому что для жизни сына человеческого нет времени, и он живет только в настоящем и не знает, когда начало и конец его жизни.

Мф. XXIV, 45 и 46. Жизнь наша то же, что жизнь раба, которого хозяин оставил старшим в своем доме. И хорошо рабу тому, если он делает волю хозяина всегда.

48. Но если он скажет: хозяин не скоро придет, и забудет дело хозяина,

50. то хозяин вернется врасплох.

51. И прогонит его.

Марк. XIII, 33. Итак, не унывайте, а всегда в настоящем живите духом. Для жизни духа нет времени.

Лук. XXI, 34. Смотрите за собой, чтобы не отягчать себя и не отуманивать пьянством, объядением, заботами, чтобы не пропустить время спасения. Время спасения, как сеть, накинута на всех; оно всегда. И потому прежде всего живите жизнью сына человеческого.

Мф. XXV, 1. Царство небесное вот на что похоже: Пошли десять девиц с плошками встречать жениха.

2. Пять было умных, а пять глупых.

3. Глупые взяли плошки, да не взяли масла.

4. А умные взяли плошки и на запас масла.

5. Пока ждали жениха, они задремали.

6. Когда пришел жених,

7. Глупые увидели, что у них мало масла.

10. И пошли искать купить, а пока они ходили жених пришел. И умные девицы, у которых было масло, вошли с ним и двери затворились.

Только на то нужно было ходить девицам, чтобы встретить жениха с плошками, а они забыли про то, что не то дорого, чтобы горели плошки, но чтобы они горели во-время. А для того, чтобы они горели, надо было им гореть не переставая. Жизнь только затем, чтобы возвысить сына человеческого, а сын человеческий всегда. Он не во времени, и потому, служа ему, надо жить вне времени, в одном настоящем.

Лук. XIII, 24. И потому делайте усилия в настоящем, чтобы войти в жизнь духа, если не будете делать усилия, не войдете.

25. Будете говорить: мы то-то говорили, но не будет добрых дел, и не будет всей жизни.

Мф. XVI, 27. Потому что сын человеческий, как дух единый, окажется для каждого тем, что он сделал для него.

XXV, 32. Люди все разделятся тем, как они служат сыну человеческому. И своими делами они разделятся на–двое, как делят в стаде овец и козлов. Одни будут живы, другие погибнут.

34. Те, которые служили сыну человеческому, те и получают то, что принадлежало им от начала мира, жизнь ту, которую они сохранили. Сохранили же они жизнь тем, что служили сыну человеческому.

35. Голодного кормили, голого одевали, странника принимали, заключенного посещали.

Они жили сыном человеческим, чувствовали, что он один во всех людях, и потому любили его.

Те же, которые не жили сыном человеческим, те не служили ему, не понимали, что он один во всех, и потому не соединились с ним и потеряли жизнь в нем, и погибли.

Глава IX

СОБЛАЗНЫ

ОБМАНЫ ВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ СКРЫВАЮТ ОТ ЛЮДЕЙ ИСТИННУЮ ЖИЗНЬ В НАСТОЯЩЕМ.

(И ОСТАВИ НАМ ДОЛГИ НАША, ЯКО ЖЕ И МЫ ОСТАВЛЯЕМ ДОЛЖНИКОМ НАШИМ.)

СОДЕРЖАНИЕ IX ГЛАВЫ

Человек рождается с знанием истинной жизни исполнения воли отца. Дети живут ею, на детях видно, в чем воля отца. Чтобы понять учение Иисуса, надо понять жизнь детей и быть такими же, как они. Дети живут всегда в воле отца, не нарушая пяти заповедей. Они бы никогда и не нарушали их, если бы старшие не вводили их в соблазны. Вводя детей в соблазн нарушения заповедей, люди губят детей. Соблазняя детей, люди делают с ними то же, что сделал бы человек, навязав другому жернов на шею и бросив его в реку. Если бы не было соблазнов, мир был бы счастлив. Мир несчастлив только от соблазнов. Соблазны – это зло, которое делают люди для мнимого блага временной жизни. Соблазны губят людей, и потому надо жертвовать всем для того, чтобы не впасть в соблазн. Соблазн против первой заповеди состоит в том, что люди считают себя чистыми перед людьми, а других в долгу перед собой. Чтобы не впасть в этот соблазн, люди должны помнить, что все люди всегда в бесконечном долгу перед отцом и что очиститься от этого долга они могут, только прощая своим братьям. И потому люди должны прощать людям обиды, не смущаясь тем, что обидчик еще и еще

раз обидит.

Сколько бы раз человек ни был обижен, он должен прощать и прощать, не поминая зла, потому что царство небесное возможно только при прощении. Если мы не прощаем, то мы делаем то же, что сделал должник. Должник в большом долгу пришел к хозяину и стал просить милости. Хозяин простил ему всё. Должник пошел и стал душить своего должника, того, который ему немного был должен. Ведь мы, чтобы иметь жизнь, должны исполнять волю отца; от отца же мы просим прощения за то, что не вполне исполнили его волю, и надеемся получить это прощение. Так что же мы делаем, если не прощаем? Мы делаем то, чего боимся для себя. Воля отца – это благо, а зло – это то, что отделяет нас от отца, так как же нам не постараться потушить зло как можно скорее, потому что зло губит нас и лишает жизни. Зло завязывает нас в плотской гибели. Насколько мы развяжем это зло, настолько мы приобретаем жизнь. Если зло не разделяет нас и мы соединены любовью, то мы имеем всё, чего можем желать.

Соблазн против второй заповеди в том, что мы думаем, что женщина сотворена для плотской утехы и что, оставив одну жену и взяв другую, мы получаем больше утехы. Чтобы не впасть в этот соблазн, надо помнить то, что воля отца не в том, чтобы человек утешался прелестью женскою, а в том, чтобы каждый, избрав жену, соединился с нею в одно тело. Воля отца в том, чтобы у каждого мужа была жена, а у каждой жены был муж. Если один муж будет держаться одной жены, то у всех будут жены и у всех мужья. А потому кто переменяет жену, тот лишает жену мужа и вызывает другого мужа оставить свою и взять оставленную. Можно не иметь жены, но иметь больше одной жены нельзя, потому что, имея другую жену, нарушаешь волю отца, состоящую в соединении одного мужа с одной женой.

Соблазн против третьей заповеди состоит в том, что люди для блага временной жизни учредили власти и требуют от людей клятвы в исполнении дел власти. Чтобы не впасть в этот соблазн, люди должны помнить, что они не обязаны ни перед кем, кроме как перед Богом, за свою жизнь. На требования властей люди должны смотреть, как на насилия и, по заповеди непротивления злу, отдавать и исполнять то, чего требуют от них власти: имущество и труд, но не могут обещаниями и клятвами связывать свои поступки в будущем. Клятвы, которые вымогают от людей, делают их дурными. Человек, признавший жизнь в воле отца, не может обещаться за свои поступки, потому что для такого человека нет ничего святее его жизни.

Соблазн против четвертой заповеди в том, что люди, предаваясь злобе и мести, думают, что они этим исправляют людей. Если человек обидит другого, то люди думают, что надо наказать его, и думают, что правда состоит в том, что присуждают люди. Чтобы не впасть в этот соблазн, надо помнить то, что люди призваны не судить, а спасать друг друга. И что судить, о неправде других они не могут, потому что сами исполнены неправды. Одно, что они могут делать, – это учить других примером чистоты, прощения и любви.

Соблазн против пятой заповеди в том, что люди думают, что есть различие между людьми своего и чужих народов и что потому необходимо

защищаться от чужих народов и вредить им. Чтобы не впасть в этот соблазн, надо знать, что все заповеди сходятся в одной; исполнять волю отца, давшего жизнь и благо всем людям, и потому делать добро всем людям без всякого различия. Другие люди и делают еще различие между народами, воюют; человек, исполняющий волю отца, делает добро всякому человеку, из какого бы народа он ни был.

Чтобы не впасть ни в один из обманов людских, человек должен думать не о плотском, а о духовном. Если человек понял, что жизнь его только в том, чтобы быть теперь в воле отца, то ни лишения, ни страдания, ни смерть не могут быть страшными для него. Только тот получает истинную жизнь, кто на всякий час готов отдать свою плотскую жизнь для исполнения воли отца. И для того, чтобы все поняли, что есть истинная жизнь, та, для которой нет смерти, Иисус сказал: жизнь вечную не надо понимать так, что это будет жизнь, подобная теперешней, где-нибудь и когда-нибудь. Для жизни истинной в воле отца нет ни места, ни времени. Нельзя себе представить жизнь истинную во времени и в лицах. Те, которые пробудились к жизни истинной, живут в воле отца, а для воли отца нет ни времени, ни места. Они живы для отца. Если они и умерли для нас, то они живы для Бога. И потому одна заповедь заключает в себе всё: любить всеми силами начало жизни и потому всякого человека, носящего в себе это начало.

И Иисус сказал: это начало жизни и есть тот Христос, которого вы ждете. Разумение того начала жизни, для которого нет разных лиц, нет времени и места, и есть тот сын человеческий, которому я учу.

Всё, что скрывает от людей это начало жизни, есть соблазн. Есть соблазн книжников, старообрядцев – не поддавайтесь им; есть соблазны царской власти – не поддавайтесь им; и есть еще самый лютейший соблазн – учителей веры, называющих себя православными. Берегитесь этого соблазна более всех других, потому что они-то, эти самозванные учителя, придумав ложное богопочитание, отманывают вас от истинного Бога. Они, вместо служения отцу жизни делом, поставили слова и учат словам, а сами ничего не делают, и потому вам нечему научиться у них, кроме слов. А отцу нужны не слова, а дела. Им и нечему учить, потому что они сами ничего не знают, но им нужно для выгоды своей выставлять себя учителями. А вы знаете, что никто не может быть учителем других. Всем учитель один – владыка жизни, разумение. А эти самозванные учителя, думая учить других, сами лишают себя истинной жизни и другим мешают познать ее. Они учат угождать своему Богу внешними обрядами и думают, что клятвой могут привести к вере. Они заняты одной внешностью. Им бы только было бы похоже на веру, а то, что в сердцах людей, о том они не думают. И потому они, как гробы нарядные: снаружи красно, а внутри мерзость. Они на словах почитают святых и мучеников, а они те самые люди, которые и прежде убивали и мучили и теперь убивают и мучают святых. От них все соблазны в мире, потому что они под видом добра выставляют зло. Их соблазн – корень всех соблазнов, потому что они надругались над тем, что есть святого в мире. Долго еще они не обратятся, и будут продолжать свои обманы, и будут увеличивать зло в мире; но придет время, и разрушатся все храмы, всё внешнее богопочитание, и люди поймут и соединятся любовью в служении одному отцу жизни исполнением его воли.

Мф. XIX, 13. Привели раз к Иисусу детей, но ученики стали отгонять детей.

14. Иисус увидел, что ученики гонят детей, огорчился, и сказал: напрасно вы детей отгоняете. Они самые лучшие люди, потому что дети все живут в воле отца. Они-то уже наверно в царстве небесном.

Лук. XVIII, 17. Вам не гонять их надо, а учиться у них, потому что для того, чтобы жить в воле отца, надо жить так, как живут дети. Дети всегда исполняют пять заповедей, которые я дал вам: дети не ругаются, не держат зла на людей, дети не блудят, дети не клянутся ни в чем, дети не противятся злу, ни с кем не судятся, дети не знают различия между своим народом и чужим, и потому они лучше больших и в царстве небесном.

Мф. XVIII, 3. Если не откажетесь от всех соблазнов плоти и не сделаетесь такими же, как дети, не будете в царстве небесном.

5. Только тот, кто понимает, что дети лучше нас, потому что не нарушают воли отца, только тот понимает мое учение.

Лук. IX, 48. А кто понимает мое учение, тот только понимает волю отца.

Мф. XVIII, 10. Нам нельзя презирать детей, потому что они лучше нас и души их чисты перед отцом и всегда с ним.

14. И ни один ребенок не погибает по воле отца. Все погибают только от людей, потому что люди отманывают их от истины.

16. И потому надо беречь их и не отманывать их от их отца и жизни истинной. И дурно делает тот человек, который отманывает их от их чистоты. Отманывать ребенка от добра, соблазнить его гневом, блудом, клятвой, судом, войной так же дурно, как повесить такому ребенку жернов на шею и бросить в воду. Трудно, чтобы выплыл, а скорее потонет. Так же трудно ребенку выбраться из соблазна, в который введет его взрослый.

7. Мир людей несчастен только от соблазнов. Соблазны везде в мире, всегда были и будут, и человек погибает от соблазнов.

8. И потому всё отдай, всем пожертвуй, только бы не попасть в соблазн. Лисица попадет в капкан, то отвертит лапу и уйдет, и лапа заживет, и она останется жива. Так и ты делай. Всё отдай, только бы не завязнуть в соблазне.

Лук. XVII, 3. Берегитесь же соблазна против первой заповеди: не иметь зла на людей, в том, что люди обижают нас и мы хотим мстить им.

Мф. XVIII, 15. Если тебя обидит человек, помни, что он сын одного отца и брат тебе. Если он обидел тебя, поди усовестить его с глаза на глаз. Если послушает тебя, то тебе выгода: у тебя новый брат будет.

16. Если не послушает, то позови с собой двух или трех, чтобы они уговорили его.

Лук. XVII, 3 и 4. И если покается, прости ему. И если семь раз обидит тебя и семь раз скажет: прости, – прости его.

Мф. XVIII, 17. Если же не послушает, то скажи собранию людей, верующих в мое учение. Если и собрания не послушает, то прости его и не имей с ним дела.

23. Потому что царство Бога вот к чему применить. Стал царь считаться с своими оброчниками.

24. И привели ему оброчника такого, что должен был миллион рублей.

25. И нечем было ему отдать. И надо бы царю за это продать всё его имение, жену, детей и его самого.

26. Но стал оброчник просить милости у царя.

27. И царь помиловал его и простил весь долг.

28. И вот этот-то оброчник пошел домой и увидел мужика. Должен ему был этот мужик пятьдесят копеек. Схватил его царский оброчник, стал душить и говорит: давай, что ты мне должен.

29. И пал мужик ему в ноги и говорит: потерпи на мне, всё отдам тебе.

30. Но оброчник не помиловал, а посадил мужика в замок, чтобы сидел, пока не отдаст всего.

31. Увидели это другие мужики и пошли к царю и сказали, что сделал оброчник.

32. Тогда призвал царь оброчника и говорит ему: я тебе, злая собака, весь оброк простил, потому что ты умолил меня.

33. И тебе надо миловать должника своего за то, что я тебя помиловал.

34. И прогневался царь и отдал оброчника на пытку, пока не отдаст всего оброка своего.

35. Так-то и отец сделает с вами, если не простите от всего сердца всем тем, кто виноват перед вами.

Мф. V, 25. Ведь ты знаешь, что если затеется ссора с человеком, так лучше с ним помириться, не доходя до суда. Ты знаешь и делаешь так

потому, что знаешь – дойдешь до суда, то больше потеряешь. Ну, то же самое и со всякой злобой. Если ты знаешь, что злоба худое дело и удаляет тебя от отца, так поскорее развязывайся с злобой и мирись.

XVIII, 18. Ведь сами знаете, что, как завяжетесь на земле, таковы и будете перед отцом. А как развяжетесь на земле, будете развязаны и перед отцом.

19. Вы поймите, что если двое или трое соединены на земле учением моим, то всё, чего они ни желают, они всё то уже имеют от отца своего.

20. Потому что где двое или трое соединены во имя духа в человеке, то дух человека и живет в них.

Мф. XIX, 3; Марк. X, 2. Берегитесь соблазна против второй заповеди, в том, что люди переменяют жен.

Подошли раз к Иисусу православные учителя и, пытая его, сказали: можно ли человеку оставлять свою жену?

Мф. XIX, 4. Он сказал им: с самого начала человек сотворен самцом и самкой, это воля отца.

5. И оттого человек оставляет отца и мать и прилепляется к жене. И сливаются муж и жена во одно тело. Так что жена для человека то же, что плоть его.

6. Потому человек не должен нарушать естественный Божий закон и разделять то, что соединено.

8. По вашему, Моисееву, закону сказано, что можно бросить жену и брать другую, но это неправда. По воле отца это не так.

9. И я говорю вам, что, кто бросает жену, тот вгоняет в распутство ее и того, кто с ней свяжется. И, бросая жену свою, разводит на свете распутство.

10. И сказали Иисусу ученики: слишком трудно навек оставаться с одной женой. Если так надо, то лучше уж вовсе не жениться.

11. Он сказал им: можно и не жениться, но только надо понимать, что это значит.

12. Если кто хочет жить без жены, тот будь совсем чистый и не касайся женщин. Бывают и такие люди, что совсем не касаются женщин, а кто любит женщин, тот сойдись с одной женой, не бросай ее и на других не приглядывайся.

Берегитесь же. Соблазн против третьей заповеди в том, что люди заставляют исполнять обязательства и клясться.

Мф. XVII, 24. Подошли раз сборщики податей к Петру и спросили его: что же учитель ваш, или не платит подати?

25. Петр сказал: нет, не платит, и пошел рассказал Иисусу, что его остановили и сказали ему, что все обязаны платить подати.

Тогда Иисус сказал ему: царь ведь не берет с своих сыновей подати, и, кроме царя, они никому не обязаны платить. Так? Так вот так же и мы. Если мы сыновья Бога, то мы никому, кроме Бога, ничем не обязаны и свободны от всяких обязательств.

27. А если требуют с тебя подати, то отдай, но не потому, что ты обязан, но потому, что нельзя противиться злу. А то сопротивление злу произведет худшее зло.

XXII, 16. В другой раз православные сошлись с царскими чиновниками и пошли к Иисусу, чтобы уловить его в словах. Они сказали ему: ты вот учишь всему по правде.

17. Скажи нам, что обязаны мы платить подати царю или нет?

18. Иисус понял, что они хотят осудить его в том, что он не признает обязательства к царю.

19. Он сказал им: покажите то, чем платите подати царю. Они подали ему монету.

20. Он посмотрел на монету и говорит: это что же тут, чье обличье и чья надпись?

21. Они говорят: цареву. Он и говорит: так вот и отдавайте царю то, что цареву, а то, что Божье, душу свою, никому не отдавайте, кроме как Богу. Деньги, имущество, труд свой, всё отдавайте тому, кто будет просить его у вас, но душу свою никому не отдавайте, кроме Бога.

Мф. XXIII, 15. Православные же учителя ваши повсюду разъезжают и заставляют людей клясться и обещаться в том, что они будут исполнять закон. Но этим только совращают людей и делают их хуже, чем какими они были прежде.

16, 22. Нельзя обещаться телом за свою душу. В душе вашей Бог, и потому обещаться за Бога не могут люди перед людьми.

Берегитесь же. Соблазн против четвертой заповеди в том, что люди судят и казнят людей и призывают других к участию в этих судах и казнях.

Лук. IX, 52. Зашли раз ученики Иисусовы в деревню и просились ночевать.

53. Их не пустили.

54. Тогда ученики пришли к Иисусу жаловаться на это и говорят: чтобы громом их убило за это.

55. Иисус говорит: всё вы не понимаете, какого вы духа.

56. Я учу не тому, как губить, а тому, как спасать людей.

XII, 13. Раз к Иисусу пришел человек и говорит: вели брату моему отдать мне наследство.

14. Иисус сказал ему: меня никто не ставил судьей над вами, и я никого не сужу.

15. И вы никого судить не можете.

Иоан. VIII, 3. Привели раз православные к Иисусу женщину и говорят:

4. Вот эта женщина поймана в блуде.

5. А по закону ее следует побить камнями. Ты что скажешь?

6. Иисус ничего не отвечал и ждал, что они одумаются.

7. Но они пристали к нему и спрашивали, что он присудит этой женщине? Тогда он сказал: кто из вас без ошибки, тот пусть первый швырнет в нее камнем.

8. И более ничего не сказал.

9. Тогда православные оглянулись на себя, и совесть укорила их, и стали передние прятаться за задних, и все отошли прочь. И остался Иисус один с женщиной.

10. Он оглянулся и видит – никого нет. Что же, говорит женщине, или никто тебя не обвинил?

11. Она говорит: никто. Он говорит: и я не могу тебя обвинить. Поди, да вперед не греш.

Берегитесь же! Соблазн против пятой заповеди в том, что люди считают себя обязанными делать добро только своим землякам, а чужие народы считают врагами.

Лук. X, 25. Один законник хотел соблазнить Иисуса и сказал: что мне делать, чтобы получить жизнь истинную?

27. Иисус сказал: ты знаешь. Любить своего отца Бога и брата своего по отцу Богу, чей бы он земляк ни был, так же.

29. И законник сказал: это хорошо бы было, если бы не было разных народов, а то как же мне любить врагов моего народа?

30. И Иисус сказал: был один иудей. Он попал в беду: его избили, ограбили и бросили на дороге.

31. Проходил иудей–священник, посмотрел на избитого и прошел мимо.

32. Проходил иудей–левит, посмотрел на избитого и прошел мимо.

33. Прошел человек из чужого, вражеского народа, самарянин. Этот самарянин увидел иудея и не подумал о том, что иудеи ни во что считают самарян, а пожалел избитого иудея.

34. Обмыл, перевязал его раны, свез на своем осле в гостиницу.

35. Заплатил деньги за него гостинику и обещал еще заехать заплатить за него.

Так вот так поступайте с чужими народами, с теми, которые ни во что считают, разоряют вас, и тогда получите жизнь истинную.

Мф. XVI, 21. Иисус сказал: мир любит своих, а Божьих ненавидит, и потому люди мира: священники, начетчики, начальники будут мучить тех, которые будут исполнять волю отца. И я вот иду в Иерусалим и меня будут мучить и убьют, но дух мой не может быть убит, а будет жив.

Марк. VIII, 32. Услышав про то, что Иисус будет замучен и убит в Иерусалиме, Петр огорчился, взял за руки Иисуса и сказал ему: если так, то не ходи лучше в Иерусалим.

33. Тогда Иисус сказал Петру: не говори этого. То, что ты говоришь, это – соблазн. Если ты боишься за меня мучений и смерти, то это значит, что ты не думаешь о божеском, о духе, а думаешь о человеческом.

34. И, подозвав народ с учениками, Иисус сказал: тот, кто хочет жить по моему учению, тот пусть откажется от своей плотской жизни, тот пусть будет готов на все плотские страдания, потому что, кто боится за свою плотскую жизнь, тот погубит истинную жизнь, а кто пренебрегает плотской жизнью, тот спасет истинную.

Мф. XXII, 23. И они не понимали этого. И вот подошли старообрядцы, и он объяснил всем, что значит истинная жизнь и пробуждение от смерти. Старообрядцы говорили, что после смерти плотской уже нет никакой жизни.

24. Они сказали: как же могут все воскреснуть из мертвых? Если бы все воскресли, то тем, кто воскреснет, никак нельзя жить вместе.

25. Вот было у нас семь братьев. Первый женился и умер. Жена вышла за второго брата, и тот помер, она вышла за третьего, и тот помер, и так до седьмого.

28. Ну как же эти семь братьев будут жить с одной женой, если все воскреснут?

Лук. XX, 34. Иисус сказал им: вы или нарочно путаете, или не понимаете, в чем пробуждение жизни. Люди в этой жизни женятся и выходят замуж.

Те же, которые заслужат жизнь вечную и пробуждение от смерти, не женятся и не выходят замуж.

36. Потому что и умирать уже не могут. Они соединяются с отцом.

Мф. XXII, 31. В писании вашем сказано, что Бог сказал: я Бог Авраама, Иакова. И это Бог сказал тогда, когда Авраам и Иаков уже умерли для людей. Стало быть, те, кто умерли для людей, живы для Бога. Если есть Бог и Бог не умирает, то те, кто с Богом, те всегда живы. Пробуждение от смерти есть жизнь в воле отца. Для отца нет времени, и потому, исполняя волю отца, соединяясь с ним, человек уходит от времени и смерти.

34. Услышав это, православные уже не знали, что придумать, чтобы заставить его замолчать, и соединились с старообрядцами и вместе стали пытать Иисуса.

35. И один из православных сказал:

36. Учитель! Какая же, по-твоему, главная заповедь во всем законе? Православные думали, что Иисус запутается в ответе по закону.

37. Но Иисус сказал: главная – то, чтобы любить всей душой господя, того, во власти которого мы находимся, и другая выходит из нее:

39. Любить ближнего своего, так как в нем тот же господь.

40. В этом всё, что написано во всех ваших книгах.

42. И Иисус сказал еще: по-вашему, что такое Христос? Что он сын чей-нибудь? Они сказали: по-ихнему Христос – сын Давидов.

43. Тогда он сказал им: как же Давид называет Христа своим господом! Христос не сын Давида и не чей сын, а Христос – это тот же самый господь, владыка наш, которого мы знаем в себе, как жизнь нашу. Христос – это то разумение, которое есть в нас.

Лук. XII, 1. И Иисус сказал: смотрите, берегитесь закваски православных учителей. Берегитесь и закваски старообрядцев и закваски правительственной.

5. Но больше всего берегитесь закваски самозванных православных, потому что в них-то весь обман.

XX, 45. И когда понял народ, про что он говорил, он сказал:

46. Пуще всего берегитесь учения книжников – самозванных православных.

47. Берегитесь их потому, что они заняли место пророка, объявляющего народу волю Бога. Они самовольно взяли на себя власть проповедывать народу волю Бога. Они проповедают слова, а ничего не делают.

Мф. XXIII, 3. И вышло то, что они только говорят: делайте то-то и

то-то, а делать нечего, потому что они ничего доброго не делают, а только говорят.

4. И говорят-то они то, чего нельзя делать. И сами ничего не делают.

5. А только стараются удержать за собою учительство и для этого стараются выказываться: наряжаются, величаются.

8. И потому знайте, что никто не должен называться учителем-пастырем.

13. А самозванные православные называются учителями и этим самым метают вам войти в царство небесное и сами не входят в него.

15. Эти православные думают, что можно привести к Богу внешними обрядами, клятвами.

16. И, как слепые, не видят, что внешнее ничего не значит, что всё в душе человека.

23. Они самое легкое, наружное делают, а что нужно и трудно: любовь, милость, правду – оставляют.

28. Им бы только наружно быть в законе и других наружно привести к закону.

27. И от этого они, как гробы крашенные, – снаружи чисто кажется, а внутри мерзость.

30. Они наружно и святых мучеников чтут.

31. А на самом деле они те самые, которые мучают и убивают святых. Они и прежде и теперь враги всего доброго. От них всё зло в мире, потому что они скрывают добро и вместо добра выставляют зло. И надо больше всего бояться самозванных пастырей.

Марк. III, 28. Потому что вы сами знаете, что всякую ошибку можно поправить.

29. Но если люди ошибаются в том, что есть добро, то уж этой ошибки нельзя поправить. А это-то и делают самозванные пастыри.

Мф. XXIII, 37. И Иисус сказал: я хотел здесь в Иерусалиме соединить всех людей в одно разумение истинного блага, но здешние люди только умеют казнить учителей добра.

38. И потому они останутся такими же безбожниками, какими были, и не узнают истинного Бога, пока не примут любя разумение Бога.

XXIV, 1. И Иисус пошел прочь от храма. Тогда ученики его сказали ему: ну, а как же этот храм Божий со всеми украшениями, которые люди для Бога приносили в него?

2. И Иисус сказал: верно говорю вам, что весь этот храм со всеми

украшениями его разрушится и ничего от него не останется.

3. Есть один храм Божий – это сердце людей, когда они любят друг друга. И спросили они у него: когда будет такой храм?

4. И Иисус сказал им: это будет не скоро. Долго еще людей будут обманывать моим учением, и будут за это войны и возмущения.

12. И будет большое беззаконие, и будет мало любви.

14. Но когда истинное учение распространится во всех людях, тогда будет конец зла и соблазнов.

Глава X

БОРЬБА С СОБЛАЗНАМИ

И ПОТОМУ, ЧТОБЫ НЕ ВПАСТЬ В СОБЛАЗНЫ, ДОЛЖНО В КАЖДЫЙ ЧАС СВОЕЙ ЖИЗНИ БЫТЬ В ЕДИНСТВЕ С ОТЦОМ.

(И НЕ ВВЕДИ НАС ВО ИСКУШЕНИЕ.)

СОДЕРЖАНИЕ X ГЛАВЫ

Иудеи видели, что учение Иисуса разрушает государство, веру и народность, и вместе с тем видели, что опровергнуть его учение они не могут, и потому решились убить его. Невинность и справедливость останавливали их, но первосвященник Каиафа придумал такой довод, по которому Иисуса должно было убить, хотя бы он был и ни в чем не виноват. Каиафа сказал: нам не нужно рассуждать о том, справедлив или не справедлив этот человек; нам надо рассуждать о том: хотим ли мы, или нет, чтобы народ наш оставался отдельным иудейским народом, или хотим, чтобы он погиб и рассеялся.

Народ погибнет и рассеется, если мы оставим этого человека, а не убьем его. Довод этот решил дело, и православные приговорили Иисуса к смерти и повестили народу о том, чтобы его схватить, как скоро он появится в Иерусалиме.

Иисус, хотя и знал об этом, к празднику пасхи пошел в Иерусалим. Ученики уговаривали его не ходить, но Иисус сказал: то, что хотят сделать со мной православные, и всё то, что могут сделать другие люди, не может изменить для меня истину.

Если я вижу свет, я знаю, где я и куда иду. Только тот, кто не знает истины, может бояться чего-нибудь и сомневаться в чем бы то ни было. Только тот, кто не видит, только тот спотыкается. И он пошел к Иерусалиму. По пути он остановился в Вифании. В Вифании Мария вылила на него кувшин дорогого масла. Зная то, что ему предстоит скорая

плотская смерть, Иисус сказал ученикам на упреки их Марии, зачем она пролила на него столько дорогого масла, что то миро, которое она вылила, есть приготовление его тела к смерти.

Когда Иисус вышел из Вифании и пошел в Иерусалим, толпы народа встретили его и шли за ним, и это еще больше убедило православных в необходимости убить его. Они только ждали случая схватить его. И Иисус знал это. Он знал и то, что малейшее неосторожное слово его теперь против закона будет поводом к казни, но, несмотря на это, он вошел в храм и опять объявил, что прежнее богочитание иудеев жертвами и возлияниями – ложное, и проповедывал свое учение. Но учение его, основанное на пророках, было таково, что православные всё не могли найти явного нарушения закона, такого, за которое бы можно было его предать смерти, тем более, что большая часть черного народа была за Иисуса. Но тут на празднике были язычники и, услышав про учение Иисуса, хотели поговорить с Иисусом о его учении. Ученики, услышав про это, испугались. Они боялись, чтобы в разговоре с язычниками Иисус не выдал себя и не озлобил бы народ. Они сначала не хотели сводить Иисуса с язычниками, но потом решились сказать ему о том, что язычники хотят говорить с ним.

Услышав это, Иисус смутился. Он понял, что проповедь его перед язычниками явно покажет его отвержение всего иудейского закона, отвлечет от него грубую толпу и даст повод православным обвинить его в общении с ненавистными язычниками. Иисус смутился, зная это, но вместе с тем он знал, что его призвание в том, чтобы объяснить людям, сынам одного отца, их единство, без различия вер. Он знал, что этот шаг погубит его плотскую жизнь, но что гибель эта даст людям истинное разумение жизни, и потому он сказал: как зерно пшеничное должно погибнуть для того, чтобы родить плод, так и человек должен отдать свою плотскую жизнь для того, чтобы родить духовный плод. Кто бережет свою плотскую жизнь, тот лишается истинной, а кто не бережет плотской, тот получает истинную. Я смущен тем, что предстоит мне, но ведь я жил до сих пор только для того, чтобы дожить до этого часа, так как же мне в этот час не сделать того, что я должен сделать? Поэтому в этот-то час пусть проявится во мне воля отца.

И обратившись к народу – к язычникам и иудеям – Иисус сказал прямо то, что он только тайно говорил Никодиму. Он сказал: жизнь людская с их разными верами и разными властями должна быть вся изменена. Все власти людские должны уничтожиться. Нужно понять только значение человека как сына отца жизни, и это разумение уничтожает все деления людские и власти и соединяет всех людей воедино. Иудеи сказали: ты разрушаешь всю нашу веру. По нашему закону, есть Христос, а ты говоришь, что есть только сын человеческий и что его надо возвысить. Что это значит? Он отвечал им: возвысить сына человеческого значит жить тем светом разумения, которое есть в людях, чтобы, пока есть свет, жить этим светом. Я не учу никакой новой вере, а только тому, что каждый знает в себе. Каждый знает в себе жизнь. И каждый знает, что жизнь дана ему и всем людям отцом жизни. Учение мое только в том, чтобы любить жизнь, данную от отца всем людям.

Многие из нечиновных людей поверили Иисусу; важные же и чиновные не

поверили, потому что они не хотели судить о вечном смысле его речи, а судили только о временном значении его учения. Они видели, что он отвращает от них народ, и хотели убить его, но боялись взять явно и потому хотели взять его не в Иерусалиме и днем, а где-нибудь тайно. И к ним пришел один из двенадцати учеников, Иуда Искариотский, и они подкупили его, чтобы он навел на него их служителей, когда Иисус будет не в народе. Иуда обещался им и пошел опять к Иисусу, выжидая времени, когда лучше выдать его.

В первый праздник Иисус с учениками справлял пасху, и Иуда, думая, что Иисус не знает про его измену, был с ними. Но Иисус знал, что Иуда продал его, и, когда все они сидели за столом, Иисус взял хлеб, разломил на двенадцать частей и подал по куску каждому ученику, и Иуде так же, как и другим, и, не называя никого, сказал: возьмите, ешьте мое тело. И потом взял чашу с вином, передал им, чтобы они все, и Иуда пил из нее, и сказал: один из вас прольет мою кровь. Пейте мою кровь. Потом Иисус встал и стал всем ученикам мыть ноги, и Иуде, и когда кончил, то сказал: я знаю, что один из вас предаст меня на смерть и прольет мою кровь, но я накормил и напоил его и вымыл ему ноги. Я сделал это затем, чтобы научить вас, как надо поступать с теми, которые делают вам зло. Если будете поступать так, то будете блаженны. Ученики же всё спрашивали, кто из них предатель. Но Иисус не назвал его, чтобы они не наказали его. Когда же стало темно, Иисус указал на Иуду и в то же время велел ему уходить. Иуда встал из-за стола и убежал, и никто не остановил его. Тогда Иисус сказал: вот что значит возвысить сына человеческого. Возвысить сына человеческого значит быть таким же благим, как отец, не к одним любящим нас, но ко всем, и к тем, которые делают нам зло. И потому не рассуждайте об учении моем, не разбирайте его, как это делали православные, а делайте то, что я делал и теперь сделал перед вами. Одну заповедь даю вам: любите людей. Всё учение мое в том, чтобы всегда и до конца любить людей. После этого на Иисуса напал страх, и он с учениками ночью пошел в сад, чтобы укрыться. И дорогой сказал им: вы все не тверды и все робки: если меня станут брать, вы все разбежитесь. На это Петр сказал ему: нет, я не оставлю тебя и буду защищать, хотя бы до смерти. И все ученики то же сказали. И тогда Иисус сказал: если так, то приготовьтесь к защите, заберите запасы, потому что придется скрываться, и заберите оружие, чтобы защищаться. Ученики сказали, что у них есть два ножа. И когда Иисус услышал это слово о ножах, на него нашла тоска. И, зайдя в пустынное место, стал молиться и к тому же побуждал учеников; но ученики не понимали его. Иисус сказал: отец мой, дух! прекрати во мне борьбу искушения. Утверди меня в исполнении твоей воли, не хочу своей воли, чтобы защищать свою плотскую жизнь, а хочу твоей воли, чтобы не противиться злу. Ученики всё не понимали его. И он сказал им: не думайте о плотском, а старайтесь подняться духом: сила в духе, плоть бессильна. И в другой раз сказал: отец мой! если неизбежны страдания, пусть они будут; но и в страданиях желаю одного, чтобы свершилась во мне не моя, но твоя воля. Ученики не понимали. И он опять боролся с искушением и, наконец, победив его и подойдя к ученикам, сказал: теперь решено, можете быть спокойны, я не буду бороться и отдамся в руки людей мира этого.

Лук. XI, 53. После этого стали православные архиереи всеми силами подыскиваться под Иисуса, чтобы как-нибудь погубить его.

Иоан. XI, 47. Они собрались в совет и стали судить. Они говорили: надо как-нибудь прекратить этого человека.

48. Он так доказывает свое учение, что если оставим его, все поверят в него и бросят нашу веру. Уж и теперь половина народа поверили в него. А если иудеи поверят в его учение о том, что все люди сыны одного отца и братья, что нет в нашем народе еврейском ничего особенного от других народов, то римляне совсем заберут нас, и не будет больше еврейского царства.

Лук. XIX, 47. И долго советовались православные архиереи и ученые и не могли придумать, что с ним делать.

48. Они не могли решиться убить его.

Иоан. XI, 49. И тогда один из них, Каиафа (он был первосвященником в этот год), придумал вот что: он сказал им:

50. Надо вот что помнить: одного человека полезно убить для того, чтобы не погиб весь народ. Если мы оставим этого человека, то народ погибнет, это я предсказываю вам, и потому лучше убить Иисуса.

52. Если даже и не погибнет народ, то все-таки он разбредется и отойдет от единой веры, если мы не убьем Иисуса. И потому лучше убить его.

53. И когда Каиафа сказал это, тогда все решили, что нечего думать и надо непременно убить Иисуса.

54. Они бы и сейчас взяли Иисуса и убили бы его, но он скрывался от них в пустыне.

55. Но в это время подходил праздник пасхи, и много народа всегда сходилось в Иерусалим к празднику.

56. И православные архиереи рассчитывали на то, что Иисус с народом придет к празднику.

57. Вот они и повестили в народе, что если кто увидит Иисуса, то привел бы его к ним.

Иоан. XII, 1, 2. И случилось так, что за шесть дней до пасхи Иисус сказал ученикам: пойдите к Иерусалиму. И пошел с ними.

Иоан. XI, 8. И сказали ему ученики: не ходи в Иерусалим; архиереи решили теперь побить тебя камнями. Если придешь, они убьют тебя.

9. И Иисус сказал им: я ничего не могу бояться, потому что я живу в

свете разумения. И, как всякий человек, чтобы не спотыкаться, может ходить днем, а не ночью, так всякий человек, чтоб ни в чем не сомневаться и ничего не бояться, может жить разумением.

10. Только тот сомневается и боится, кто живет плотью; а кто живет разумением, для того ничего нет ни сомнительного, ни страшного.

Иоан. XII, 2. И Иисус пришел в деревню Вифанию подле Иерусалима к Марфе и Марии. И сестры сделали ему там ужин. И когда он сидел за ужином, Марфа служила ему.

3. А Мария взяла фунт дорогого, цельного, пахучего масла, пролила его на ноги Иисусу и вытирала их своими волосами. И когда по всей горнице разошелся дух от масла,

4. Иуда Искариотский сказал:

5. напрасно Мария потратила масло дорогое. Лучше бы это масло продать на триста гривен и отдать нищим.

8. А Иисус сказал: нищие еще будут у вас, а меня уж скоро не будет.

7. Она это хорошо сделала, она приготовила мое тело к погребению.

12. Поутру Иисус пошел в Иерусалим. Народу было много к празднику.

13. И когда узнали Иисуса, то окружили его, стали срывать ветки с дерев и кидали ему одежду свою на дорогу и все кричали: вот он, наш истинный царь, тот, который научил нас истинному Богу.

14. Иисус сел на осленка и ехал на нем, а народ бежал перед ним и кричал.

Мф. XXI, 10. И так въехал Иисус в Иерусалим. И когда он въехал так в город, взволновался весь народ и спрашивал: кто это такой?

11. И те, кто знали его, отвечали: это Иисус, пророк из Назарета Галилейского.

15. И вошел Иисус в храм и опять повыгнал оттуда всех продавцов и покупателей.

Иоан. XII, 19. И видели всё это православные архиереи и говорили друг другу: смотрите, что делает этот человек. Весь народ за ним идет.

Марк. XI, 18. Но не смели они прямо взять его из народа, потому что видели, что народ пристал к нему, и придумывали, как бы им хитростью взять его.

Иоан. XII, 20. Между тем Иисус был в храме и учил народ. В народе, кроме иудеев, были греки язычники. Греки слышали про учение Иисуса и понимали его учение так, что он учит истине не одних евреев, но всех людей.

21. И потому они хотели быть тоже его учениками и сказали об этом Филиппу.

22. А Филипп сказал Андрею. Ученики боялись сводить Иисуса с греками. Они боялись, чтобы народ не озлобился на Иисуса за то, что он не признает разницы между евреями и другими народами, и не решались долго сказать это Иисусу, но потом оба вместе сказали ему. Услышав то, что греки желают быть его учениками, Иисус смутился. Он знал, что народ возненавидит его за то, что он не делает разницы между иудеями и язычниками, за то, что сам признает себя таким же, как язычники.

23. Он сказал: пришел час объяснить то, что я понимаю под сыном человеческим. И пускай я погибну за то, что я без различия между иудеями и язычниками объясняю значение сына человеческого, но я буду говорить истину.

24. Пшеничное зерно только тогда принесет плод, когда само погибнет.

25. Тот, кто любит свою плотскую жизнь, тот теряет жизнь истинную, а кто небрежет жизнью, плотской, тот сохраняет ее в жизнь вечную.

26. Кто хочет служить моему учению, тот пусть делает то же, что и я. А кто делает то же, что и я, тот будет награжден отцом моим.

27. Душа моя борется теперь: отдамся ли я расчетам временной жизни, или исполню волю отца теперь, в этот час. И что же, неужели теперь, когда наступил тот час, в котором я живу, я скажу: отец, избавь меня от того, что я должен делать. Не могу я сказать этого, потому что я живу теперь.

28. И потому говорю: отец! прояви себя во мне.

31. И сказал Иисус: отныне приговорен к гибели мир людей. Отныне то, что владеет этим миром, будет уничтожено.

32. И когда будет возвеличен сын человеческий над земною жизнью, то он всех соединит в одно.

34. И тогда иудеи сказали ему: мы понимаем по закону, что есть вечный Христос; как же ты говоришь, что должен возвеличиться сын человеческий? Что же такое значит возвеличить сына человеческого?

35. На это Иисус отвечал им: возвеличить сына человеческого значит жить тем светом разумения, которое есть в вас.

36. Возвеличить сына человеческого над земным значит верить в свет, пока есть свет, чтобы быть сыном разумения.

44. Тот, кто верит в мое учение, верит не мне, но тому духу, который дал жизнь миру.

45. И тот, кто понимает мое учение, понимает тот дух, который дал

жизнь миру.

46. Учение мое – это свет жизни, который вывел людей из тьмы.

47. Если же кто слышит мои слова и не исполняет, то я не виню его, так как я пришел не обвинять, но спасать.

48. Тот, кто не принимает моих слов, того обвиняет не мое учение, но разумение, которое есть в нем. Оно-то и обвиняет его.

49. Потому что я не свое говорил, но говорил то, что внушал мне мой отец, дух, живущий во мне.

50. То, что я говорю, – это то, что сказал мне дух разумения. И то, чему я учу, – это жизнь истинная.

Иоан. XII. 36. И, сказав это, Иисус ушел и опять скрылся от архиереев.

42. И из тех, которые слышали эти слова Иисуса, многие из сильных и богатых людей поверили в учение Иисуса, но боялись признаться перед архиереями, потому что из архиереев ни один не признавался, что верит.

43. Потому что они привыкли судить по-человечески, а не по-божески.

Мф. XXVI, 3. После того, как Иисус скрылся, архиереи и старшины опять сошлись во двор Каиафы.

4. И стали придумывать, как бы им тайно от народа взять Иисуса и убить.

5. Явно же они боялись схватить его.

14. И к ним на совещание пришел один из первых двенадцати учеников Иисуса, Иуда Искариотский.

15. И сказал: если хотите взять Иисуса тайно, так, чтобы народ не видал, то я найду время, когда с ним будет немного народу, и покажу, где он, и тогда возьмете его. Что же дадите за это мне? Они обещали ему за это тридцать рублей.

16. Он согласился и с тех пор стал выбирать время, когда навести на Иисуса архиереев, чтобы взять его.

17. Между тем Иисус скрывался от народа, и были с ним только ученики. Когда подошел первый праздник «опресноков», ученики говорят Иисусу: где же мы будем справлять пасху?

18. Иисус и говорит: подите куда-нибудь в деревню и к кому-нибудь зайдите и скажите, что у нас нет времени готовить пасху, просите его пустить нас справить пасху.

19. Ученики так и сделали: попросились в деревне к одному человеку,

и он пустил их.

20. Вот они пришли и сели за стол: Иисус и двенадцать учеников и Иуда с ними.

Иоан. XIII. 1. Иисус знал, что Иуда Искариотский уже обещал выдать его на смерть, но он не обличал и не мстил за это Иуде, а как всю жизнь учил учеников любви, так и теперь любовью только укорил Иуду.

Мф. XXVI, 21; Марк. XIX, 18. Когда они все двенадцать сидели за столом, он посмотрел на них и сказал: между вами сидит тот, кто предал меня.

Мф. XXVI, 23. Да, тот, кто со мной пьет и ест, тот и погубит меня.

26. И больше он ничего не сказал. Так что они и не узнали, про кого он говорил, и стали ужинать. Когда они стали есть, Иисус взял хлеб, разломил его на двенадцать частей, дал каждому из двенадцати учеников по куску и сказал: берите, ешьте – это мое тело.

27. И потом налил в чашу вина, подал ученикам и сказал: пейте из этой чаши все. И когда они все выпили, он сказал:

28. Это моя кровь. Я проливаю ее, чтобы люди знали мое завещание прощать другим их грехи.

Лук. XXII, 18. Потому что я скоро умру и больше уже не буду с вами в этом мире, а соединюсь с вами только в царстве небесном.

Иоан. XIII, 4. И после этого Иисус встал из-за стола, опоясался полотенцем, взял кувшин воды.

5. И стал всем ученикам мыть ноги.

6. И подошел к Петру, а Петр говорит: как же это ты будешь мне мыть ноги?

7. Иисус оказал ему: Тебе странно, что я тебе мою ноги, но ты сейчас узнаешь, зачем я это делаю.

10. Я делаю это затем, что хотя вы и чисты, но не все, а между вами есть предатель мой, которому я дал из своих рук хлеба и вина и которому хочу умыть ноги.

12. И когда Иисус перемыл им всем ноги, он опять сел и говорит: поняли ли вы, зачем я это сделал?

14. Я сделал это затем, чтобы вы то же самое всегда делали друг другу. Я, учитель ваш, делаю это, чтобы вы знали, как надо поступать с теми, которые делают вам зло.

17. Если вы это поняли и будете делать, то будете блаженны.

18. Когда я сказал, что один из вас предаст меня, я не обо всех вас

говорил, потому что один только из вас, тех, кому я умыл ноги и который ел хлеб со мной, один из вас погубит меня.

21. И, сказав это, Иисус возмущился духом и еще раз сказал: да, да, один из вас предаст меня.

22. И опять стали ученики оглядывать друг друга и не знали, про кого он говорит.

23. Один ученик сидел близко к Иисусу.

24. Симон–Петр кивнул ему, чтобы он спросил его, кто предатель.

25. Тот спросил.

26. Иисус сказал: я обмакну кусок и подам, и кому подам, тот предатель. И он подал Иуде Искаротскому.

27. И сказал ему: что хочешь делать, делай скорей.

30. И Иуда понял, что надо уходить, и, как только взял кусок, сейчас же ушел. И гнаться за ним уже нельзя было.

31. И когда ушел Иуда, Иисус сказал: теперь вам ясно, что такое сын человеческий, теперь ясно вам, что в нем Бог, что он может быть так же благ, как и сам Бог.

33. Дети! Еще не долго мне быть с вами. Не мудрствуйте об моем учении, как я говорил православным, а делайте то, что я делаю.

34. Даю вам новую заповедь одну: как я всегда и до конца любил вас всех, так и вы всегда и до конца любите друг друга.

35. По тому только вы будете отличаться. Только этим отличайтесь от других людей: любите друг друга.

Мф. XXVI, 30. И после этого они пошли на гору Масличную.

31. И дорогой сказал им Иисус: вот приходит время, что случится то, что сказано в писании: что убьют пастуха и овцы все разбегутся. И в эту ночь это будет. Меня возьмут, и вы все оставите меня и разбежитесь.

33. И на ответ сказал ему Петр: если и все испугаются и разбегутся, я не отрекусь от тебя. С тобой готов и в тюрьму и на смерть.

34. Иисус и говорит ему: а я скажу тебе, что нынче ночью до петухов, когда возьмут меня, ты не раз, а три раза откажешься от меня.

35. Но Петр сказал, что не откажется: то же и ученики сказали.

Лук. XXII, 35. И тогда Иисус сказал ученикам: прежде ничего не нужно было ни мне, ни вам. Вы ходили без мешка и без обуви запасной; и я так и велел вам.

36. А теперь, если меня сочли беззаконником, нам нельзя уже так быть, а надо запастись всем и запастись ножами, чтобы нас напрасно не погубили.

38. И ученики сказали: вот у нас два ножа есть. Иисус сказал: хорошо!

Иоан. XVIII, 1; Мф. XXVI, 36. И, сказав это, пошел Иисус с учениками в сад Гефсиманский. И, придя в сад, Иисус сказал: побудемте здесь, я хочу помолиться.

Мф. XXVI, 37. И, подойдя к Петру и двум братьям Зеведеевым, начал томиться и тосковать.

38. И сказал им: уж очень тяжело мне, тоскую я перед смертью. Побудьте здесь и не унывайте так, как я.

39. И отошел немного, лег на землю ничком и стал молиться и сказал: Отец мой, дух! пусть будет не так, как я хочу, чтоб мне не умирать, а так, как ты хочешь. Пускай я умру, по тебе, как духу, всё возможно; сделай так, чтобы я не боялся смерти, чтобы для меня не было искушения плоти.

40. И потом встал, подошел к ученикам и видит, что они приуныли. И он сказал им: как это вы осилите на один час подняться духом так же, как я?

41. Поднимитесь духом, чтобы не впасть в искушение плоти. Дух силен, плоть слаба.

42. И опять Иисус отошел от них и опять стал молиться и сказал: отец! если нельзя мне не страдать и должно умереть, то пускай я умру, пускай будет твоя воля!

43. И, сказав это, опять подошел к ученикам и видит: они еще больше приуныли и готовы плакать.

44. И он опять отошел от них и в третий раз сказал: отец! пусть будет воля твоя.

45. Тогда вернулся к ученикам и сказал им: теперь успокойтесь и будьте тихи, потому что теперь уже решено, что я предамся в руки мирских людей.

Глава XI

ПРОЩАЛЬНАЯ БЕСЕДА

ЛИЧНАЯ ЖИЗНЬ ЕСТЬ ОБМАН ПЛОТИ, ЗЛО. ИСТИННАЯ ЖИЗНЬ ЕСТЬ ЖИЗНЬ ОБЩАЯ ВСЕМ ЛЮДЯМ.

(НО ИЗБАВИ НАС ОТ ЛУКАВОГО.)

СОДЕРЖАНИЕ XI ГЛАВЫ

Иисус, чувствуя себя готовым к смерти, пошел, чтобы выдать себя. Петр остановил его и спросил: куда он идет? Иисус отвечал: я иду туда, куда не можешь идти. Я готов на смерть, а ты еще не готов к ней. Петр сказал: нет, я и теперь готов отдать жизнь свою за тебя. Иисус отвечал: человек ни в чем не может обещаться. И сказал всем ученикам: я знаю, что мне предстоит смерть, но я верю в жизнь отца и потому не боюсь ее. Не волнуйтесь и вы моей смертью, а верьте в истинного Бога и в отца жизни, и тогда вам смерть моя не будет казаться страшной. Если я соединен с отцом жизни, то я не могу лишиться жизни. Правда, что я не говорю вам, какая, и где, и когда будет моя жизнь после смерти, но я указываю вам путь к жизни истинной. Учение мое не говорит о том, какая будет жизнь, но оно открывает единый истинный путь жизни. Оно в том, чтобы соединиться с отцом. Отец же есть начало жизни. Учение мое в том, чтобы жить в воле отца и исполнять его волю для жизни и блага всех людей. Наставником вашим после меня будет ваше знание истины. Исполняя мое учение, вы будете всегда чувствовать, что вы в истине, что отец в вас и вы в отце. И, зная в себе отца жизни, вы будете испытывать то спокойствие, которое ничто не отнимет от вас. И потому, если вы знаете истину и живете в ней, ни моя смерть, ни ваша собственная не может тревожить вас.

Люди представляют себя отдельными существами, каждого с своей особенной волею жизни; но это только обман. Одна истинная жизнь есть та, которая признает началом жизни волю отца. Мое учение открывает это единство жизни и представляет жизнь не как отдельные побеги, а как единое дерево, на котором растут все побеги. Только тот, кто живет в воле отца, как побег на дереве, только тот живет, а кто хочет жить своей волей, как оторвавшийся побег, тот умирает. Если вы будете жить в воле отца, то будете иметь всё, чего желаете, потому что жизнь дана людям для блага.

Отец дал мне жизнь для блага, и я научил вас жить для блага. Если будете исполнять мои заповеди, будете блаженны. Заповедь, выражающая всё мое учение, только та, что все люди должны любить друг друга. А любовь состоит в том, чтобы жертвовать своей плотской жизнью для другого. Другого определения любви нет. И, исполняя мою заповедь любви, вы не будете исполнять ее, как рабы, которые, не понимая, исполняют повеление господина, но будете жить, как свободные люди, такие же, как и я, потому что я объяснил вам смысл жизни, вытекающий из знания отца жизни. Вы приняли мое учение не потому, что случайно вы избрали его, но потому, что оно единое истинное, такое, при котором люди свободны.

Учение мира состоит в том, чтобы делать зло людям; учение же мое в том, чтобы любить друг друга; и потому мир возненавидит вас так же, как и меня возненавидел. Мир не понимает моего учения, и потому он

будет преследовать вас и делать вам зло, полагая, что он этим служит Богу. Так и не удивляйтесь этому и понимайте, что это так должно быть. Миру, не понимающему истинного Бога, должно гнать вас, а вам должно утверждать истину.

Вы огорчаетесь тем, что меня убьют, но меня убьют за то, что я утверждаю истину. И потому смерть моя нужна для утверждения истины. Смерть моя, при которой я не отступаю от истины, утвердит вас, и вы поймете, в чем ложь, в чем истина и что выходит из знания лжи и истины. Вы поймете, что ложь в том, что люди верят плотской жизни, а не верят в жизнь духа; что истина в соединении с отцом и что из этого выходит победа духа над плотью. Когда меня и не будет в плотской жизни, дух мой будет с вами. Но вы, как и все люди, не всегда будете чувствовать в себе силу духа. Иногда вы будете ослабевать и терять силу духа, будете впадать в искушение, иногда снова будете пробуждаться к жизни истинной. Будут находить на вас часы порабощения плоти, но это будет только временем; пострадаете и возродитесь опять духом, как женщина страдает в муках родов, а потом чувствует радость в том, что родила человека в мир; то же и вы будете испытывать, когда вы, после порабощения плоти подниметесь духом. Вы будете чувствовать тогда блаженство такое, что вам нечего будет желать. Знайте это вперед и, несмотря на гонения, на внутреннюю борьбу и упадок духа, знайте, что дух жив в вас и что один истинный Бог есть разумение воли отца, открытое мною.

И, обращаясь к отцу духу, Иисус сказал: я сделал то, что ты велел мне, я открыл людям то, что ты есть начало всего. И они поняли меня. Я научил их тому, что они все изошли от одного начала бесконечной жизни и что потому они все одно, что как отец во мне и я в отце, так и они одно со мною и с отцом. Я открыл им и то, что, так как ты любя послал их в мир, так и они любовью должны жить в мире.

Иоан. XIII, 36. И Петр сказал Иисусу: куда ты идешь? Иисус отвечал: ты не будешь в силах идти туда, куда я. иду теперь. Только после ты пойдешь туда же.

37. И сказал Петр: отчего ты думаешь, что я теперь не в силах идти туда же, куда и ты? Я жизнь свою за тебя отдам.

38. И сказал Иисус: говоришь, что жизнь свою за меня отдашь, а как бы до петухов еще ты бы не отрекся от меня три раза.

XIV, 1. И Иисус сказал ученикам: не волнуйтесь и не робейте, а верьте в истинного Бога жизни и в мое учение.

2. Жизнь отца не та только, которая есть на земле, но есть и другая жизнь.

3. Если бы была только такая жизнь, как здесь, то я бы сказал вам, что когда я умру, я приду в лоно Авраама и приготовлю там для вас

место. И приду и возьму вас, и мы будем вместе блаженствовать в лоне Авраама.

4. Но я указываю вам только путь к жизни.

5. Фома сказал: но мы не знаем, куда идешь, и потому не можем знать путь. Нам надо знать, что будет там после смерти?

6. Иисус сказал: я не могу показать вам, что будет там; учение мое есть путь, истина и жизнь. И нельзя соединиться с отцом жизни иначе, как только чрез мое учение.

7. Если вы будете исполнять мое учение, то вы познаете отца.

8. Филипп сказал: но кто такой отец?

9. И сказал Иисус: отец – это то, что дает жизнь. Я исполнил волю отца, и потому по жизни моей ты можешь понять, в чем воля отца.

10. Я живу отцом, и отец живет во мне. И всё, что я говорю и делаю, всё это я делаю по воле отца.

11. Мое учение в том, что я в отце и отец во мне. Если вы не понимаете самого учения, то вы видите меня и мои дела, и потому можете понять, что есть отец.

12. И вы знаете, что тот, кто будет следовать моему учению, тот может сделать то же, что и я, и еще больше того, потому что я умру, а он еще будет жить.

13. Тот, кто будет жить по моему учению, тот будет иметь всё, что он желает, потому что тогда сын будет то же, что отец.

14. Чего бы вы ни желали по моему учению, всё это будет вам.

15. Но для этого надо любить мое учение.

16. Учение мое даст вам вместо меня заступника и утешителя.

17. Утешитель этот будет сознание истины, которой люди мирские не понимают, но вы будете знать его в себе.

18. Вы никогда не будете одни, если дух моего учения будет с вами.

19. Я умру, и мирские люди не будут меня видеть, но вы будете видеть меня; потому что мое учение живет, и вы будете жить им.

20. И тогда, если мое учение будет в вас, вы поймете, что я в отце и отец во мне.

21. Тот, кто будет исполнять мое учение, тот почувствует в себе отца и в том будет жить дух мой.

22. И сказал ему Иуда, не Искаротский, а другой: но почему же не

все могут жить духом истины?

23. И на ответ сказал Иисус: только тот, кто исполняет мое учение, только того любит отец и только в том может вселиться дух мой.

24. Кто не исполняет моего учения, того не может любить мой отец, потому что учение это не мое, а отца.

25. Вот всё, что я могу сказать вам теперь.

26. Но дух мой, дух истины, который вселится в вас после меня, он откроет вам всё, и вы вспомните и поймете многое из того, что я говорил вам.

27. Так что вы всегда можете быть спокойны духом, а не тем мирским спокойствием, которого ищут люди мирские, но спокойствием духа таким, при котором вы уже ничего не будете бояться.

28. От этого, если вы исполняете мое учение, то вам нечего огорчаться моей смертью. Я, как дух истины, приду к вам и вместе с сознанием отца вселюсь в ваше сердце. Если вы исполняете мое учение, то вам надо радоваться, потому что, вместо меня, с вами будет отец в вашем сердце, а это лучше для вас.

Иоан. XV, 1. Мое учение есть дерево жизни. Отец – это тот, кто обрабатывает дерево.

2. Он очищает и холит те ветки, на которых есть плод, чтобы на них больше родилось.

4. Держитесь моего учения жизни, и жизнь будет в вас. И как побег живет не сам собой, а деревом, так и вы живите моим учением.

5. Мое учение – дерево; вы – побеги. Тот, кто живет моим учением жизни, тот приносит плода много, так что помимо моего учения жизни нет.

6. Кто не живет моим учением, тот засыхает и гибнет, а сухие ветки отрезают и жгут.

7. Если вы будете жить моим учением и исполнять его, то вы будете иметь всё, чего желаете.

8. Потому что воля отца в том, чтобы вы жили истинной жизнью и имели то, чего желаете.

9. Как отец дал благо мне, так и я даю благо вам. Держитесь этого блага.

10. Я жив потому, что отец любит меня и я люблю отца; и вы живите тою же любовью.

11. Если будете этим жить, то будете блаженны.

12. Заповедь моя в том, чтобы вы любили друг друга так же, как я любил вас.
 13. Больше нет любви той, как жизнь свою пожертвовать для любви к своим, как я сделал это.
 14. Вы равны мне, если делаете то, чему я вас научил.
 15. Я не почитаю вас рабами, которым приказывают, но равными, потому что я разъяснил вам всё, что я понял об отце.
 16. Вы не по своей воле выбираете мое учение, но потому, что я указал вам это единое истинное, такое, при котором вы будете жить и будете иметь всё, чего желаете.
 17. Учение всё в том, чтобы любить друг друга.
 18. Если мир вас будет ненавидеть, то не удивляйтесь этому: он ненавидит мое учение.
 19. Если бы вы были заодно с миром, то он бы любил вас. Но я вас отделил от мира, и за то он будет ненавидеть вас.
 20. Если меня гнали, и вас будут гнать.
 21. Они будут делать это всё потому, что не знают истинного Бога.
 22. Я объяснил им, но они не хотели и слушать меня.
 23. Они не поняли моего учения, потому что не поняли отца.
 24. Они видели мою жизнь, и жизнь моя показала им их ошибку.
 25. И за это еще больше они возненавидели меня.
 26. Дух истины, который придет к вам, подтвердит то же.
 27. И вы подтвердите это.
- Иоан. XVI, 1. Я говорю вам это вперед, чтобы вы не обманулись, когда на вас будут гонения.
2. Вас сделают отверженниками. Все будут думать, что, убивая вас, делают угодное Богу.
 3. Всё это они не могут не делать, потому что не понимают ни моего учения, ни истинного Бога.
 4. Всё это вперед говорю вам, чтобы вы не дивились, когда всё это случится.
 5. Так вот, я теперь отхожу к тому духу, который послал меня, и теперь вы понимаете, что нельзя спрашивать меня, куда иду.

6. Прежде же вы огорчились, что я вам не сказал, куда именно, в какое место я отхожу.
7. Но верно говорю вам, что это хорошо для вас, что я отхожу. Если я не умру, то не явится к вам дух истины, а если умру, то он вселится в вас.
8. Он вселится в вас, и вам будет ясно, в чем ложь, в чем истина, в чем решение.
9. Ложь в том, что люди не верят в жизнь духа.
10. Истина в том, что я одно с отцом.
11. Решение в том, что власть плотской жизни уничтожена.
12. Еще многое сказал бы вам, но вам трудно понять.
13. Когда же вселится в вас дух истины, он укажет вам всю правду, потому что он будет говорить вам не новое, свое, а то, что от Бога, и он во всех случаях жизни укажет вам путь.
15. Он тоже будет от отца, как я от отца, потому он и будет говорить то же самое, что и я.
16. Но и когда я, дух истины, буду в вас, вы не всегда будете видеть меня. Иногда будете, а иногда не будете слышать меня.
17. И сказали ученики друг другу: что это значит; он сказал: иногда будете видеть меня, иногда не будете видеть.
18. Что значит: иногда будете, иногда не будете, что он говорит?
19. Иисус сказал им: не понимаете, что это значит: иногда будете, иногда не будете видеть меня.
20. Вы знаете, как всегда бывает на свете, что одни печалются и скорбят, а другие радуются. И будете печалиться, и печаль ваша будет переходить в радость.
21. Женщина, когда родит, скорбит в муках, когда же кончится, то не помнит мук от радости, что родился человек в мир.
22. Так и вы будете печалиться и вдруг увидите меня, дух истины войдет в вас, и печаль ваша обратится в радость.
23. И тогда вы уже не будете ничего просить у меня, потому что тогда вы будете иметь всё, чего желаете. Тогда всё, что кто желает в духе, всё то он будет иметь от отца своего.
24. Вы прежде ничего не просили для духа, но тогда просите, чего хотите для духа, и всё будет вам, так что блаженство ваше будет полное.

25. Теперь я, как человек, словами не могу этого ясно сказать вам, но тогда, когда я, как дух истины, буду жить в вас, то я ясно возвещу вам всё об отце.

26. Тогда всё, что вы будете просить, во имя духа у отца, не я дам вам.

27. Но ваш отец даст вам, потому что он любит вас за то, что вы приняли мое учение.

28. Поняли, что разумение от отца приходит в мир и возвращается из мира к отцу.

29. Тогда ученики сказали Иисусу: теперь мы всё поняли, и нам нечего больше спрашивать.

30. Мы верим, что ты от Бога.

31, 33. И сказал Иисус: всё это я сказал вам, чтобы вы имели уверенность и спокойствие в моем учении. Какие бы беды ни были с вами в мире, не бойтесь ничего; мое учение победит мир.

Иоан. XVII, 1. После этого Иисус поднял глаза свои к небу и сказал: отец мой! ты дал своему сыну свободу жизни, с тем чтобы он получил жизнь истинную.

3. Жизнь есть знание истинного Бога – разумения, открытого мною.

6. Я открыл тебя людям на земле. Я сделал то дело, которое ты приказал мне.

4. Я явил твою сущность людям на земле. Они были твои и прежде; но по твоей воле я открыл им истину. И они познали тебя.

7. Они поняли, что всё, что они имеют, что их жизнь только от тебя.

8. И что я учил их не от себя, но что я и они от тебя изошли.

9. Прошу же тебя о тех, которые признают тебя.

10. Они поняли, что всё мое – твое и твое – мое.

11. Я уже не в мире, а возвращаюсь к тебе; но они в мире, и потому прошу тебя, отец, соблюди в них разумение твое,

15. Не о том прошу, чтобы ты взял их из мира, но о том, чтобы ты избавил их от зла.

17. Утвердил бы их в истине твоей. Разумение твое есть истина.

18. Отец мой! желаю, чтобы они были такие же, как я, чтобы они понимали так же, как я, что жизнь истинная началась до начала мира.

21. Чтобы они все были одно, как ты отец во мне и я в тебе, так,

чтобы и они в нас были одно.

23. Я в них, а ты во мне, чтобы все соединились в одно и чтобы поняли люди, что они не сами родились, но ты любя послал их в мир так же, как и меня.

25. Отче праведный! мир тебя не познал, но я познал тебя, и они познали чрез меня.

26. И я объяснил им, что ты такое. Ты то, чтобы любовь, которую ты полюбил меня, была бы в них. Ты дал им жизнь, стало быть полюбил их. Я научил их познать это и любить тебя так, чтобы любовь твоя к ним от них возвращалась к тебе.

Глава XII

ПОБЕДА ДУХА НАД ПЛОТЬЮ

И ПОТОМУ ДЛЯ ЧЕЛОВЕКА, ЖИВУЩЕГО НЕ ЛИЧНОЙ, А ОБЩЕЙ ЖИЗНЬЮ В ВОЛЕ ОТЦА, НЕТ ЗЛА. СМЕРТЬ ПЛОТСКАЯ ЕСТЬ СОЕДИНЕНИЕ С ОТЦОМ.

(ЯКО ТВОЕ ЕСТЬ ЦАРСТВО, СИЛА И СЛАВА.)

СОДЕРЖАНИЕ XII ГЛАВЫ

Когда Иисус окончил речь свою ученикам, он встал и, вместо того чтобы бежать или защищаться, пошел навстречу Иуде, который привел солдат, чтобы взять. Иисус подошел к нему и спросил его, зачем он здесь. Но Иуда не отвечал, и толпа солдат окружила Иисуса. Петр бросился защищать своего учителя, и, выхватив нож, стал драться; но Иисус остановил Петра и сказал ему, что тот, кто дерется ножом, тот сам должен погибнуть от ножа, и велел отдать нож. И потом Иисус сказал тем, которые пришли брать его: я и прежде один ходил среди вас и не боялся и теперь не боюсь вас и отдаюсь вам. Вы можете делать, что хотите. И когда все ученики разбежались, Иисус остался один. Начальник солдат велел связать Иисуса и вести его к Анану. Анан был прежде архиереем и жил на одном дворе с Каиафой. А Каиафа был в то время архиереем. Он-то и придумал тот довод, по которому решили убить Иисуса, что если его не убьют, то погибнет весь народ. Иисус, чувствуя себя в воле отца, был готов на смерть и не противился, когда его брали, и не боялся, когда его вели; но тот самый Петр, который только что обещал Иисусу, что не откажется от него и умрет за него, тот самый, который хотел защищать Иисуса, теперь, когда увидел, что Иисуса ведут на казнь, испугался того, что и его казнят, и на вопросы дворников о том, не был ли и он с Иисусом, отрекся и ушел от него, и только после, когда запел петух, Петр понял всё то, что говорил ему Иисус. Он понял, что есть два соблазна плоти: страх и насилие и что с ними боролся Иисус, когда молился в саду и приглашал молиться учеников. И вот теперь он впал в

оба соблазна плоти, от которых предостерегал его Иисус: он хотел насильем защитить истину, хотел биться и делать зло и теперь не выдержал страха страданий плотских и отрекся от учителя. Иисус не поддался соблазну насилия, ни когда ученики приготовили два ножа, чтобы защищать его, ни соблазну страха перед людьми в Иерусалиме, перед язычниками и теперь перед солдатами, когда его связали и повели на суд.

Иисуса привели к Каиафе. Каиафа стал допрашивать его, в чем его учение. Но Иисус, зная, что Каиафа спрашивает его не для того, чтобы узнать, в чем учение, а только для того, чтобы обвинить его, не отвечал, а сказал: я ничего не скрывал и не скрываю, если хочешь знать, в чем мое учение, спроси у тех, которые слышали и поняли его. За это сторож архиерейский ударил в щеку Иисуса, и Иисус спросил его, за что он бьет его. Но тот не отвечал ему, и архиерей продолжал судить. Они привели свидетелей, и свидетели показывали, что Иисус хвалился тем, что он уничтожил иудейскую веру. И архиереи допрашивали Иисуса, но он, видя, что его не спрашивали для того, чтобы узнать что-нибудь, а только для того, чтобы сделать вид справедливого суда, ничего не отвечал.

Тогда архиерей спросил у него: скажи мне, ты ли Христос, сын Бога? Иисус сказал: да, я человек – сын Бога, и теперь, мучая меня, вы увидите, что человек может быть равен Богу. И архиерей обрадовался этим словам и сказал другим судьям: достаточно этих слов, чтобы присудить его? И судьи сказали: достаточно, и мы присуждаем его к смерти. И когда они сказали это, то весь народ набросился на Иисуса и стал бить его, плевать ему в лицо и ругаться над ним. Он молчал.

У иудеев не было права казнить людей смертью; им нужно было разрешение от римского начальника, и потому они, осудив его по-своему и надругавшись над ним, повели его к римскому начальнику Пилату, чтобы он казнил Иисуса. Пилат спросил их, за что они хотят убить его. Они сказали: за то, что злой человек. Пилат говорит: если он злой человек, по вашему закону и судите его. Они сказали: мы хотим, чтоб ты казнил его, потому что он виноват перед римским кесарем: он бунтовщик, мутит народ, запрещает платить подати кесарю и называет себя царем иудейским. Пилат позвал к себе Иисуса и сказал: что же это значит, что ты царь иудейский? Иисус сказал: ты точно хочешь знать, что значит мое царство? Или ты хочешь для виду спрашивать меня? Пилат сказал: я не иудей, и мне всё равно, называешь ли ты себя царем иудейским, или нет; но я спрашиваю, что ты за человек и отчего они говорят, что ты царь? Иисус сказал: они говорят правду, что я называю себя царем. Я точно царь, но царство мое не земное, а небесное. Цари земные бьются и сражаются и у них войска, а видишь: меня связали и избили, и я не противился им. Я царь небесный, я всемогущ духом.

Пилат сказал: так, стало быть, правда, что ты считаешь себя царем? Иисус сказал: ты сам это знаешь. Всякий тот, кто живет истиной, тот свободен и потому царь. Я только тем и живу и тому только учу, чтобы открыть людям ту истину, что они свободны духом. Пилат сказал: ты учишь истине, но никто не знает, что такое истина, и у каждого своя истина, и, сказав это, повернулся и ушел от Иисуса опять к иудеям.

Выйдя к иудеям, Пилат сказал: я ничего не нашел преступного в этом человеке. За что же казнить его? Архиереи сказали: казнить его надо за то, что он бунтует народ. Тогда Пилат при архиереях стал допрашивать Иисуса; но Иисус, видя, что это допрос только для формы, ничего не отвечал. Тогда Пилат сказал: я один не могу осудить его; сведите его к Ироду.

На суде у Ирода Иисус тоже ничего не отвечал на обвинения архиереев, и Ирод, сочтя Иисуса за пустого человека, велел на смех нарядить его в красную одежду и отослал назад к Пилату. Пилату жалко было Иисуса; он стал уговаривать архиереев, чтобы они простили Иисуса хоть для праздника, но архиереи не отступались от своего, и все, и народ за ними кричал, чтобы распять Иисуса на кресте. Пилат в другой раз стал уговаривать их отпустить Иисуса, но архиереи и народ кричали, что нельзя не казнить его. Они сказали: он виноват тем, что называет себя сыном Бога. Пилат позвал опять Иисуса и спросил его: что значит, что ты называешь себя сыном Бога? Кто ты? Иисус ничего не отвечал. Тогда Пилат сказал: как же ты не отвечаешь мне, когда я имею власть казнить или отпустить тебя? Иисус отвечал: ты не имеешь надо мной власти. Власть только свыше. И Пилат в третий раз стал уговаривать иудеев отпустить Иисуса, но они сказали ему: если ты не казнишь того человека, на которого мы показали как на бунтовщика против кесаря, то ты сам не друг, а враг кесарю. И, услышав эти слова, Пилат покорился и велел казнить Иисуса. Но прежде раздел Иисуса и высек его и потом опять одел в шутовское платье; и били его, и смеялись, и ругались над ним. И потом дали ему нести крест и повели на лобное место, и там распяли его на кресте.

И когда Иисус висел на кресте, весь народ ругался над ним. И на эти ругательства он ответил: отец! не взыщи с них: они не знают, что делают. И потом, когда уже он близок был к смерти, он сказал: отец мой! в твою власть отдаю дух мой. И, склонив голову, испустил дух.

Мф. XXVI, 46. И после этого Иисус сказал: теперь встаньте и пойдите, уже идет тот, кто предаст меня.

47. И только что он сказал это, вдруг показался Иуда, один из двенадцати учеников, и с ним большая толпа народа с дубьем и ножами.

48. Иуда сказал им: я приведу вас туда, где он с учениками; а чтобы вам его узнать изо всех, то смотрите: кого я первого поцелую, то это он самый.

49. И тотчас же подошел к Иисусу и сказал: здравствуй, учитель! и поцеловал его.

50. И Иисус сказал ему: товарищ! ты зачем здесь? Тогда стража окружила Иисуса и хотела взять его.

51. И тут Петр выхватил нож у архиерейского слуги и рассек ему ухо.

52. Иисус сказал: не надо противиться злу. Оставьте это. И сказал Петру: отдай назад меч тому, у кого взял. Кто возьмется за меч, тот мечом и погибнет.

55. И после этого обратился Иисус ко всей толпе и сказал: зачем вы, как на разбойника, пришли на меня с оружием? Я ведь каждый день был среди вас в храме и учил вас, и вы не брали меня.

Лук. XXII, 53. Теперь же ваш час и власть тьмы.

Мф. XXVI, 56. Тогда, увидав, что он взят, все ученики разбежались.

Иоан. XVIII, 12. Тогда начальник велел солдатам взять Иисуса и связать его. Солдаты связали его и

13. повели сперва к Анану, это был тесть Каиафы, а Каиафа был первосвященником в этот год и жил на одном дворе с Ананом. Это был тот самый Каиафа, который придумал, как погубить Иисуса. Это он придумал, что полезно для народа погубить Иисуса, потому что если не погубить Иисуса, то будет хуже всему народу.

Марк. XIV, 53. И Иисуса привели во двор того дома, где жил первосвященник.

Мф. XXVI, 58. Когда Иисуса вели туда, то один из учеников Иисуса, Петр, шел издали за ним и смотрел, куда его поведут. Когда Иисуса ввели во двор первосвященника, и Петр вошел туда же, чтобы видеть, чем всё кончится.

69. И одна девочка на дворе увидала Петра и говорит ему: ты тоже с Иисусом Галилейским.

70. Петр испугался, чтобы и его не обвинили, и при всем народе громко сказал: не знаю, что ты говоришь.

71. Потом, когда Иисуса повели в дом, и Петр вошел с народом в сени. В сенях женщина одна грелась у огня, и Петр подошел. Женщина поглядела на Петра и говорит народу: смотрите, этот человек, похоже, что был тоже с Иисусом Назарянином.

72. Петр испугался еще больше и поклялся, что никогда не был с Иисусом и не знает, что это за человек Иисус.

73. Немного погодя подошли к Петру люди и говорят: однако по всему видно, что ты тоже из этих бунтовщиков. Поговору тебя можно узнать, что ты из Галилеи.

74. Тогда Петр начал клясться и божиться, что никогда не знал и не видал Иисуса. И, только что он сказал это, запел петух.

75. И вспомнил Петр слова, которые говорил ему Иисус тогда, когда Петр клялся, что если все отрекутся, то он не отречется от него: до петухов нынче ночью три раза отречешься от меня. И пошел Петр со

двора и заплакал горько. Он плакал о том, что не мог подняться духом так, чтобы не впасть в соблазн. Он впал в один соблазн борьбы, когда начал защищать Иисуса, и в другой соблазн страха перед смертью, когда отрекся от Иисуса.

Марк. XIV, 53. И сошлись к первосвященнику православные архиереи, начетчики и начальники. И когда все собрались,

Иоан. XVIII, 19. привели Иисуса, и первосвященник спросил его, в чем его учение и кто его ученики.

20. И отвечал Иисус: я всегда при всех всё говорил миру и говорю и ни от кого ничего не скрывал и не скрываю.

21. Об чем же ты меня спрашиваешь? Спроси тех, кто слышал и понял мое учение. Они скажут тебе.

22. Когда Иисус сказал это, один из слуг архиерейских ударил в лицо Иисуса и сказал: ты с кем говоришь? Разве так отвечают архиерею?

23. Иисус сказал: если я дурно сказал, скажи, что я дурно сказал. А если я дурного не сказал, так не за что меня бить.

Мф. XXVI, 59. Православные архиереи старались обвинить Иисуса и сначала не находили улики против него таких, за что бы его можно было приговорить.

60. Потом нашли двух доказчиков.

61. Эти доказчики сказали про Иисуса: мы сами слышали, как этот человек говорил: я, говорит, уничтожу этот ваш рукоделанный храм и в три дня сострою другой храм Богу – нерукоделанный.

Марк. XIV, 59. Но и этой улики было мало, чтобы обвинить.

Мф. XXVI, 62. И потому архиерей стал вызывать Иисуса и сказал: что же ты не отвечаешь на их показания?

63. Иисус молчал и ничего не сказал. Тогда архиерей сказал ему: так скажи же, ты ли Христос, сын Бога?

64. Иисус отвечал ему и сказал: да, я Христос, сын Бога. И вы сами теперь увидите, что сын человеческий равен Богу.

65. Тогда архиерей закричал: ты хулишь Бога. И теперь–то нам не нужно никаких улик. Мы все слышим теперь, что ты богохульник.

66. И архиерей обратился к собранию и сказал: теперь вы сами слышали, что он хулит Бога. К чему вы за это присуждаете его? И все сказали: присуждаем его к смерти.

67. И тогда уже весь народ и стражи все напустились на Иисуса и стали плевать ему в лицо и бить по щекам и царапать. Они зажимали ему глаза, били по лицу и спрашивали: ну–ка, ты, пророк, угадай: кто

ударил тебя? И Иисус молчал.

Мф. XXVII, 2. Надругавшись над ним, связанного повели его к Понтию Пилату.

Иоан. XVIII, 28. И привели в правление.

29. Пилат, правитель, вышел к ним и спросил: в чем вы обвиняете этого человека?

30. Они сказали: человек этот делает зло, за то мы и привели его к тебе.

31. Пилат и говорит им: а если он делает зло вам, так сами и судите по вашему закону. А они сказали: мы привели его к тебе затем, чтобы ты казнил его, а нам не позволено убивать никого.

32. И так сбылось то, чего ждал Иисус. Он говорил, что надо быть готовым умереть на кресте от римлян, а не своей смертью и не от иудеев.

Лук. XXIII, 2. И когда Пилат спросил их, в чем они обвиняют его, они сказали, что он виноват в том, что бунтует народ, запрещает платить подати кесарю и сам себя ставит Христом и царем.

Иоан. XVIII, 33. Пилат выслушал их и велел привести к себе в правление Иисуса. Когда Иисус вошел к нему, Пилат сказал ему: так царь иудейский это ты?

34. Иисус сказал ему: ты точно полагаешь, что я царь, или ты повторяешь только то, что другие сказали тебе?

35. Пилат сказал: я не иудей, стало быть ты не можешь быть моим царем, а твои привели тебя ко мне. Что ты за человек?

36. Иисус отвечал: я царь, но царство мое не земное. Если бы я был царем земным, то мои подданные бились бы за меня и не дались бы архиереям. А вот ты видишь, что царство мое не земное.

37. Пилат сказал на это: но все-таки ты считаешь себя царем? Иисус сказал: не только я, но и ты не можешь не считать меня царем. Я только тому и учу, чтобы открыть всем истину царства небесного. И всякий, кто живет истиной, тот царь.

38. Пилат сказал: ты говоришь: истина. Что такое истина? И, сказав это, повернулся и пошел опять к архиереям. Он вышел к ним и сказал им: по-моему, человек этот ничего дурного не сделал.

Марк. XV, 3. Но архиереи стояли на своем и говорили, что он много зла делает и бунтует народ и взбунтовал всю Иудею от самой Галилеи.

4. Тогда Пилат при архиереях стал допрашивать Иисуса, но Иисус не отвечал. Пилат сказал ему: видишь ли, как тебя уличают, что же ты не оправдываешься?

5. Но Иисус всё молчал и не сказал больше ни одного слова, так что Пилат удивлялся ему.

Лук. XXIII, 6. Пилат вспомнил, что Галилея во власти царя Ирода, и спросил: что он из Галилеи? Ему сказали: да.

7. Тогда он сказал: если он из Галилеи, то он под властью Ирода. Я его к нему пошлю. Ирод был тогда в Иерусалиме; и Пилат, чтобы отделаться от них, послал Иисуса к Ироду.

8. Когда привели Иисуса к Ироду, то Ирод был очень рад увидеть Иисуса. Он много слышал про него и хотел узнать, что это за человек.

9. Ирод позвал его к себе и стал расспрашивать его обо всем, что ему хотелось знать; но Иисус ничего не отвечал ему.

10. А архиереи и учителя так же, как и у Пилата, и перед Иродом обвиняли крепко Иисуса и говорили, что он бунтовщик

11. И Ирод счел Иисуса за пустого человека и, чтобы насмеяться над ним, велел одеть его в красное платье и послал его назад к Пилату.

12. Ирод был доволен тем, что Пилат уважил его, послав на его суд Иисуса, и из-за этого они помирились, а то прежде были в ссоре.

13. Вот, когда привели опять Иисуса к Пилату, Пилат позвал опять архиереев и начальников иудейских.

14. И сказал им: приводили вы ко мне этого человека за то, что он бунтует народ, и я допрашивал его при всех вас и не вижу, чтобы он был бунтовщик.

15. Посылал я его с вами к Ироду, и вот, видите, и там ничего не нашлось в нем вредного. И, по-моему, не за что его казнить смертью, а не лучше ли наказать его и отпустить.

Мф. XXVI, 20. И когда услышали это архиереи, все закричали: нет, казни, казни его по-римски, на кресте растяни его.

21. Пилат выслушал и сказал архиереям: ну, хорошо, только у вас в обычае для праздника пасхи прощать одного злодея. Вот у меня сидит в тюрьме Варавва, убийца и бунтовщик. Так одного из двух надо отпустить: Иисуса или Варавву? Пилату хотелось выручить Иисуса, но архиереи настроили так народ, что все закричали: Варавву! Варавву!

22. Пилат и говорит: а с Иисусом что сделать? Они опять закричали: по-римски на крест, на крест его!

23. И стал Пилат уговаривать их. Он сказал: за что вы так налегаете на него? Ничего он не сделал такого, чтобы казнить его смертью, и вам никакого зла не сделал.

Иоан. XIX, 4. Я отпущу его, потому что не нахожу в нем вины.

6. Архиереи и слуги их закричали: распять, распять его! И Пилат сказал им: если так, то берите его и сами распинайте, а я не вижу в нем вины.

7. Отвечали архиереи: мы требуем того, что следует по закону. По закону его следует казнить за то, что он сделал себя сыном Бога.

8. Когда Пилат услышал это слово, он смутился, потому что не знал, что такое значило это слово сын Бога.

9. И, вернувшись в правление, Пилат опять позвал Иисуса и спросил его: кто ты и откуда ты? Но Иисус не отвечал ему.

10. Тогда Пилат сказал: что же ты не отвечаешь мне? разве ты не видишь, что ты в моей власти и что я могу распять или отпустить тебя.

11. Иисус отвечал ему: не имеешь никакой власти. Есть власть только свыше.

12. Пилат все-таки желал отпустить Иисуса.

15. И сказал: как же вы хотите распять царя вашего?

12. Но иудеи сказали ему: если ты отпустишь Иисуса, то ты этим покажешь, что ты неверный слуга кесарю, потому что тот, кто делает себя царем, тот враг кесарю.

Иоан. XIX, 15. Наш царь кесарь! распни его.

13. И когда Пилат услышал это слово, он понял, что ему уже нельзя не казнить Иисуса.

Мф. XXVII, 24. Тогда Пилат вышел к иудеям, взял воды, вымыл себе руки и сказал: не я виноват в крови этого праведного человека.

25. И весь народ закричал: пусть будет кровь его на нас и на детях наших.

Лук. XXIII, 23. Так что архиереи пересилили.

Иоан. XIX, 13. Тогда Пилат сел на свое судилищное место.

Мф. XXVII, 26, 27. И велел прежде высечь Иисуса.

28 и 29. Когда его высекли, солдаты, те, которые секли его, надели ему на голову венок и дали в руки палку и на спину накиннули ему красный плащ и стали издеваться над ним: они кланялись ему на смех в ноги и говорили: радуйся, царь иудейский! а то били по щекам и по голове и плевали ему в лицо.

Иоан. XIX, 16. Архиереи же кричали: распни его! Наш царь кесарь. Распни его. Тогда Пилат приказал распять его.

Мф. XXVII, 31. С Иисуса тогда сняли красную одежду, надели на него его платье и велели ему нести крест на место Голгофу, чтобы там распять его. И он нес крест свой и так пришел на место Голгофу.

Иоан. XIX, 18. И там растянули (распяли) Иисуса на кресте, и еще двух других человек; те два были по бокам, а Иисус посередине.

Лук. XXIII, 34. Когда распинали Иисуса, он сказал: отец! отпусти им: они не знают, что делают.

35. И когда Иисус уже висел на кресте, народ обступил его и ругался над ним.

Марк. XV, 22. Они подходили, кивали ему головами и говорили; ну-ка, ты храм Иерусалимский хотел разрушить и в три дня опять построить.

30. Ну-ка, сам выручи себя: сойди-ка со креста.

31. И архиереи, пастыри, стояли тут же и подсмеивались над ним и говорили: других спасал, а себя не может спасти.

32. Вот покажи, что ты Христос, сойди с креста, и тогда мы поверим тебе. Он говорил, что он сын Божий, и говорил, что Бог не оставит его. Что же теперь-то? Бог оставил его. И народ, и архиереи, и солдаты ругались над ним, и даже из распятых разбойников с ним один, и тот ругался над ним.

Лук. XXIII, 39. Один из разбойников, ругаясь, ему говорил: если ты Христос, спаси себя и нас.

40. Но другой разбойник услышал это и сказал: не боишься ты Бога: сам на кресте и то ругаешься над невинным.

41. Мы с тобой за дело казнены, а этот человек ничего дурного не сделал.

42. И, обратившись к Иисусу, сказал ему этот разбойник: господи! вспомни обо мне в царстве твоём.

43. И сказал ему Иисус: и сейчас же ты со мной блажен.

Мф. XXVII, 46. В девятом же часу Иисус, измучившись, громко проговорил: ели, ели, лама сабах. Это значит: Бог мой, Бог мой, на что ты меня оставил?

47. И когда услышали это в народе, то стали говорить и смеяться. Илью пророка зовет: посмотрим, как Илья придет.

48. Потом проговорил Иисус: пить. И один человек взял губку, обмочил ее в уксус (тут стояла кадушка) и на камышине подал Иисусу. Иисус пососал губку и сказал громким голосом: кончено! отец, в руки твои отдаю дух мой. И, склонив голову, испустил дух.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

ПЕРВОЕ ПОСЛАНИЕ ИОАННА БОГОСЛОВА

Гл. I, 1, 2, 3. Возвешение о благе Иисуса Христа есть возвешение о разумении жизни, при котором люди имеют общение с отцом жизни и потому жизнь вечную.

4. Это есть возвешение об истинном благе.

5. Разумение жизни состоит в том, что Бог есть жизнь и благо и что в жизни и благе нет смерти и зла.

6. Если бы мы сказали, что мы соединились с Богом, а живем в зле и смерти, то мы или обольщаем себя, или нагло лжем.

7. Только если мы живем той же жизнью, какую жил Иисус, тогда только мы соединены с ним.

Гл. II, 1. За пример истинной жизни мы должны считать жизнь Иисуса Христа.

2. Он избавил нас и весь мир от неправды. Только тот христианин, кто признает учение Христа и исполняет его заповеди.

4. Тот, кто говорит, что признает учение Иисуса Христа, а не исполняет его заповедей, тот наглый обманщик, и в том нет истины.

5. Тот же, кто исполняет его заповеди, тот имеет любовь к ближнему. Только через эту любовь мы соединяемся с Богом.

6. Тот, кто говорит, что соединился с Иисусом Христом, тот должен и жить так же, как жил Иисус.

9. Тот, кто говорит про себя, что он в жизни и благе, а ненавидит живого брата своего, тот не в жизни и благе, а в смерти и зле, и сам не знает, что делает. И слеп тот, кто ненавидит ту жизнь, которая в нем есть.

15. Для того, чтобы не быть слепым, надо помнить, что всё мирское, житейское есть похоть плоти или тщеславия, и всё это не от Бога.

16. Что всё мирское преходящее и умирает.

17. И только любовь и добрые дела по любви вечны.

23. Только тот, кто признает дух свой сыном отца, только тот соединяется с отцом.

24. И потому твердо держитесь того разумения, что вы по духу сыны отца Бога. Имея эту уверенность, вы получите жизнь вечную.

Гл. III, 1. Бог дал нам возможность быть сынами его и такими же, как он сам.

2. Так что мы в этой жизни делаемся сынами его. Хотя мы и не знаем, что с нами будет после, но мы знаем, что такие же, как он, и можем соединиться с ним.

3. Надежда на эту вечную жизнь избавляет человека от ошибок и делает его чистым, таким же, как и отец.

4. Всякий делающий злое дело поступает против воли отца.

5. Иисус Христос явился к нам для того, чтобы научить нас избавлению от грехов и соединению с Богом.

6. И потому тот, кто соединился с ним, уже не может грешить. Грешит только тот, кто не знает его.

7. И кто живет в Боге, тот делает правду.

8. Не делает правду тот, кто не соединен с Богом.

9. Кто признал свое рождение от Бога, тот не может делать лжи.

10. И потому люди разделяются на божеских и не божеских, на знающих правду и любящих братьев своих и на не знающих правду и не любящих братьев.

11. Потому что, по возвещению Иисуса Христа, мы не можем не любить братьев своих.

14. По возвещению Иисуса Христа мы знаем, что мы перейдем от смерти в жизнь, если станем любить, и что кто не любит брата, тот находится в смерти.

15. Мы знаем, что тот, кто не любит живого брата своего, тот не любит жизнь. А тот, кто не любит жизни, не может иметь жизнь.

16. По возвещению Иисуса Христа мы знаем, что жизнь нам дана из-за любви к нам, и потому мы должны и свою жизнь отдавать из-за любви к ближнему, то есть жертвовать своею жизнью для блага ближних.

17. Так что тот, кто имеет жизнь и видит, что брат его в нужде, и не отдает своей жизни брату, в том нет любви божеской.

18. Любить надо не словами, а делами и истиною.

19. И кто так любит, того сердце спокойно, потому что он соединен с отцом.

20. Если сердце его борется, то он покоряет сердце свое богу.

21. Потому что Бог важнее желаний сердца. Если же сердце не борется, тогда он блажен.

22. Потому что делает всё, что может, самое лучшее, и исполняет всё, что велено ему.

23. А велено ему верить в то, что он сын Бога и любит брата.

Гл. IV, 4. Те, которые так поступают, те соединяются с Богом и становятся выше мира, потому что то, что в них есть, больше и важнее всего мира.

7. И потому будем любить друг друга. Любовь от Бога, и всякий, кто любит, тот сын Бога и знает Бога.

8. А кто не любит, тот не знает Бога, потому что Бог есть любовь.

9. То, что Бог есть любовь, мы познаем из того, что он дух свой, такой же, как он сам, послал в мир и дал нам через него жизнь.

10. Нас не было, и мы не нужны были Богу, а он дал нам жизнь и благо, стало быть любит нас.

12. Бога никто познать не может. Всё же, что мы можем знать о нем, это то, что он полюбил нас и этой любовью дал нам жизнь.

11. И потому, чтобы нам быть в общении с Богом, надо быть тем же, чем он, и делать то же, что он, то есть любить людей.

12. Если мы любим друг друга, то Бог в нас, и мы в нем остаемся.

16. Поняв любовь Бога к нам, мы верим в то, что Бог есть любовь и что тот, кто любит, тот соединен с Богом.

17. А поняв это, мы не боимся смерти, потому что мы стали в этом мире такими же, как Бог.

18. Жизнь наша стала любовь, и мы освободились от страха и всех страданий.

19. Мы любим потому, что Бог нас любит.

20. И любим не Бога, которого нельзя любить, потому что никто не видит его, а любим брата, которого можно любить. Тот, кто говорит, что он любит Бога, а брата своего ненавидит, тот обманывается, потому что если он не любит брата своего, того, которого видит, как же может он любить Бога, которого не видит?

21. Итак, нам дана заповедь любить Бога в брате своем.

Гл. V, 3. Любовь Бога состоит в том, чтобы исполнять заповеди его.

4. А заповеди его не трудны для того, кто, признавая свое рождение

от Бога, становится выше мира.

Вера наша поднимает нас выше мира. А истинная наша вера состоит в учении Иисуса, сына Бога. Он научил нас тому, что должно быть в мире не одною плотью, но и духом.

8. И дух есть в нас и утверждает нас в истине его учения.

9. Если мы верим в то, что утверждают люди, то как же не верить в тот дух, который есть в нас.

10. Тот, кто верит, что в нем есть дух жизни, дух, сшедший свыше, тот имеет удовлетворение в себе самом. Тот же, кто не верит в то, что жизнь его – дух, сшедший свыше от отца, тот делает Бога обманщиком.

11. Дух утверждает то, что жизнь в нас есть жизнь вечная.

12. Кто верит в то, что дух этот есть сын духа вечного и такой же, как он, тот имеет жизнь вечную.

14. И кто верит в это, для того нет препятствий в жизни, а всё, чего он желает по воле отца, всё то совершится для него.

18. И потому тот, кто верит в то, что он сын Бога, тот не живет во лжи и чист от зла.

19, 20. Потому что знает, что мир житейский есть обман и что в нем самом, в человеке, есть разум для того, чтобы познать то, что истинно существует.

Истинно же существует только дух – сын отца.

КОММЕНТАРИИ

КРАТКОЕ ИЗЛОЖЕНИЕ ЕВАНГЕЛИЯ

ИСТОРИЯ ПИСАНИЯ И ПЕЧАТАНИЯ

В 1880–1881 гг. Толстой написал обширный труд, впоследствии получивший название «Соединение и перевод четырех Евангелий».

«Краткое изложение Евангелия» является переработанным извлечением из этого труда, появившимся на свет при следующих обстоятельствах.

В 1877–1881 гг. в Ясной Поляне жил в качестве учителя Сергей Львовича Толстого окончивший курс Петербургского университета В. И. Алексеев, близко сошедший с Л. Н. Толстым. Перед своим отъездом из Ясной Поляны в марте 1881 г. он попросил у Толстого разрешение переписать для себя его труд по исследованию и переводу Евангелия. Толстой охотно согласился, но Алексеев, видя, что до своего отъезда он не успеет переписать всю работу, решил переписать только изложение учения и переводы евангельских текстов, опустив все объяснения и доказательства правильности перевода.

По окончании работы Алексеева Толстой проредактировал сделанное им извлечение, названное «Краткое изложение Евангелия» (под таким названием оно упоминается в письме Толстого к В. И. Алексееву в ноябре 1881 г. и в письме к М. А. Энгельгардту в декабре 1882 г., т. 63, стр. 81 и 119). Для себя Толстой заказал другую копию, которая была им еще раз проредактирована.

Вскоре Толстой написал предисловие к «Краткому изложению Евангелия». В начале июля 1881 г. он уведомлял Н. Н. Страхова: «Дело мое вот в каком положении. Из большого сочинения, которое я после вас и кончил и еще раз всё прошел, я сделал еще из Евангелия извлечение без примечаний, но с коротким предисловием; и это–то извлечение, которое составит небольшую книгу, хочу напечатать за границей... Извлечение это мне кажется готовым, и я думаю напечатать его осенью» (т. 63, стр. 72).

Работа над предисловием продолжалась и позднее. Так, упоминание о статье Havet, помещенной в «Revue des deux mondes» 1863 г., могло быть сделано не ранее февраля – марта 1882 г., так как именно в эти месяцы Толстой, как писал он жене, читал этот журнал (т. 89, стр. 318, 321, 325).

Не позднее 1883 г. было написано «Заключение» к «Краткому изложению Евангелия», содержащее сделанный Толстым перевод «Первого соборного послания» Иоанна Богослова.

Как писал Толстой Страхову, работая над «Кратким изложением Евангелия», он имел в виду издание его в переводе за границей. На это прямо указывают первые строки предисловия: «Это краткое изложение Евангелия есть извлечение из большого сочинения, которое лежит в рукописи и не может быть напечатано в России». Друг Толстого (как называл его Толстой в письмах) Л. Д. Урусов должен был ехать за границу; может быть, ему и принадлежала мысль о напечатании высоко ценимого им произведения хотя бы в переводах на другие языки.

И действительно, приехав в Париж в марте 1883 г., 7 апреля Урусов уже писал Толстому, что он передал его предисловие к «Краткому изложению Евангелия» издательнице журнала «La nouvelle revue» J. Adan. В этом журнале и появилось «Предисловие», переведенное Урусовым, под данным ему редакцией названием: «Pages inédites de Léon Tolstoï» («Неизданные страницы Льва Толстого») («La nouvelle

revue» 1883, juillet, т. XXIII, 243–256). Переводу было предпослано предисловие издательницы Juliette Lamber (Adan), в котором она писала: «Лев Толстой в ортодоксальной стране охвачен смелостью Лютера, Ивана Гуса и Кальвина».

Толстой остался недоволен публикацией, находя, что статья его появилась «в исковерканном виде».

[1]

К предисловию Толстой вернулся еще раз в 1904 г. по просьбе В. Г. Черткова, обратившегося к нему по поводу предпринятого им издания «Краткого изложения Евангелия». Чертков прислал Толстому две версии предисловия к «Краткому изложению Евангелия», одну из которых он считал последней и в которой предлагал сделать некоторые исправления. Просмотрев обе версии, Толстой 19 января 1904 г. ответил Черткову: «Тороплюсь поскорее отослать корректуры. Я всё понял и в конце изменил иначе. Надеюсь, что вы одобрите. Вероятно, это последняя версия» (т. 88). В действительности редакция, посланная Толстому Чертковым, не была последней, а лишь предпоследней редакцией предисловия к «Краткому изложению Евангелия»; Толстой не имел у себя перед глазами последней редакции. В посланной Толстому копии им было сделано несколько несущественных исправлений.

Лишенное возможности стать известным при посредстве типографского станка, «Краткое изложение Евангелия» под названием «Новое Евангелие», широко распространилось в рукописях и литографиях. Член харьковского окружного суда Г. А. Русанов, приехавший в Ясную Поляну 24 августа 1883 г., уже мог сообщить Толстому, что, хотя и «с большим трудом», но ему удалось достать литографированные «Исповедь» и «Новое Евангелие».

[2]

Впервые «Краткое изложение Евангелия» появилось в английском переводе в книге: «Christ's Christianity». By count Leo Tolstoi. Translated from the Russian, London, 1885. [«Христианство Христа» Гр. Льва Толстого. Перевод с русского.] В этой книге, где был помещен также перевод «Исповеди» и «В чем моя вера?», «Краткое

изложение Евангелия» появилось под названием: «The Spirit of Christ's Teaching (A commentary of the Essence of the Gospel)» [«Дух учения Христа. Разъяснение сущности Евангелия»]. Было переведено предисловие, изложение содержания всех глав и заключение; самое же изложение евангельских стихов, сделанное Толстым, было опущено.

На русском языке «Краткое изложение Евангелия» впервые появилось в издании М. Элпидина, Женева 1890; второе издание его же – Каруж (Женева) 1900. Издание печаталось по неисправной копии и изобилует большим количеством искажающих смысл опечаток.

В 1905 г. в издании «Свободного слова» (№ 70, Christchurch) появилось «Краткое изложение Евангелия» в виде шестого тома «Полного собрания сочинений запрещенных в России Л. Н. Толстого». Это издание отличалось от издания Элпидина тем, что изложение содержания всех глав, в рукописи автора и в издании Элпидина предшествовавшее в каждой главе изложению евангельских стихов, в издании «Свободного слова» было помещено в конце книги под названием «Краткое изложение глав». Кроме того, в издании «Свободного слова» отсутствует имеющееся в рукописи автора и в издании Элпидина заключение – перевод «Первого соборного послания» Иоанна Богослова. Редакцией «Свободного слова» внесены в текст произведения многочисленные и часто значительные произвольные изменения, для которых не было оснований в рукописи автора. Предисловие Толстого появилось не в последней, переработанной автором редакции, а в предпоследней.

В России «Краткое изложение Евангелия» появляется лишь в 1906 г. в совместном издании «Обновления» и «Посредника» (СПб.). Заключение (перевод «Первого соборного послания» Иоанна Богослова) в этом издании появилось в более поздней редакции по сравнению с изданием Элпидина.

В 1907 г. «Краткое изложение Евангелия» было напечатано в «Полном собрании сочинений гр. Л. Н. Толстого, вышедших за границей», издание Е. В. Герцика, СПб. В 1917 г. вышло второе издание «Посредника». Тогда же книга появилась в Гельсингфорсе в издании Секции распространения идей народовластия при Гельсингфорском исполнительном комитете, под названием «Евангелие (Краткое изложение)». В 1918 г. «Краткое изложение Евангелия» было выпущено издательством «Благая весть» в Самаре (типография Комитета народной власти), под названием «Краткое изложение 4-х Евангелий», и издательством Комиссариата народного просвещения Смоленской губернии. «Краткое изложение Евангелия» было включено также в собрания сочинений Толстого: изд. С. А. Толстой (двенадцатое, часть тринадцатая, М. 1911, стр. 395–516) и т-ва Сытина, под редакцией П. И. Бирюкова (т. XI, М. 1913, стр. 313–408). В издании Сытина были сделаны некоторые цензурные пропуски в предисловии.

Изложение содержания глав, которое в рукописи автора и в издании Элпидина предшествует в каждой главе изложению самих евангельских стихов, было выпущено «Свободным словом» отдельным изданием (1900, № 34), под названием «Жизнь и учение Иисуса». В 1903 г. эта книжка вышла вторым изданием; в 1906 г. была перепечатана в России в июльской книжке журнала «Всемирный вестник» и в отдельном совместном

издании книгоиздательств «Посредник» и «Обновление». В 1917 г. «Посредник» выпустил новое издание этого изложения совместно с издательством «Свободная жизнь». В 1918 г. книжка была переиздана в Самаре издательством «Благая весть». В том же году вышло второе издание «Посредника».

Все издания «Краткого изложения Евангелия», вышедшие в России, являлись перепечатками или с издания «Свободного слова», или с издания «Посредника».

ОПИСАНИЕ РУКОПИСЕЙ

Предисловие к «Краткому изложению Евангелия» сохранилось в следующих рукописях:

1. Первая редакция. 10 лл. 4°. Лл. 1–4, исписанные с обеих сторон – автограф; остальные заняты перечислением выпущенных в изложении евангельских стихов, написанным рукою А. П. Иванова.

2. Дальнейшая редакция. Копия рукою Д. Ф. Виноградова с исправлениями автора. 11 лл. F°, исписанных с обеих сторон и нумерованных переписчиком. Между этой редакцией и предыдущей существовала еще одна или несколько редакций, которые не сохранились.

3. Дальнейшая редакция. Копия рукою Д. Ф. Виноградова с исправлениями Толстого. 12 лл. 4°, исписанных с обеих сторон. Между этой редакцией и предыдущей была одна или несколько других – несохранившихся.

4. Копия предыдущей рукописи рукою А. П. Иванова с исправлениями автора. 18 лл. 4°, исписанных с обеих сторон.

Полная рукопись всего произведения, исправленная Толстым, существует только одна. Она содержит 169 лл. 4°, исписанных с обеих сторон рукою А. П. Иванова и Д. Ф. Виноградова. Ранее хранилась в Государственной публичной библиотеке им. Салтыкова-Щедрина, куда была передана Н. Н. Страховым в 1883 г. («Отчет императорской Публичной библиотеки за 1883 год», СПб. 1885, стр. 259–260). Исправления автора особенно многочисленны в предисловии; текст предисловия, содержащийся в этой рукописи, является последней его редакцией.

Заключение «Краткого изложения Евангелия», то есть перевод «Первого соборного послания» Иоанна Богослова, сохранилось в четырех самостоятельных вариантах.

1. Первый вариант. Автограф. 4 лл. F°; оборот л. 4 не заполнен. Внизу первого листа рукою Толстого помечено:

Александр Леонов

Страхову – в оружейную школу

В богадельню 90 летн.

Перевод доведен до конца.

2. Копия предыдущей рукописи, сделанная В. Г. Чертковым и другим переписчиком. 7 лл. 4°. В первых двух строках имеются три собственноручные поправки автора.

3. Второй вариант. Автограф. 2 лл. F°, исписанных с обеих сторон. Перевод обрывается на седьмом стихе третьей главы.

4. Третий вариант. Автограф. 2 лл. F°, исписанных с обеих сторон. Перевод кончается 13 стихом III главы.

5. Четвертый вариант. Автограф. 4 лл. 4°.оборот л. 3 и последний лист не заполнены. Перевод обрывается на 27 стихе II главы.

Печатаем «Краткое изложение Евангелия» по единственной просмотренной и проредактированной автором копии, с исправлением опечаток переписчика.

Заключение, содержащее перевод «Первого соборного послания» Иоанна Богослова и являющееся самостоятельным произведением, печатаем по тексту издания «Посредника», напечатанного с неизвестной нам, но несомненно последней редакции этого перевода.

РЕЛИГИОЗНО–ФИЛОСОФСКИЕ ТРАКТАТЫ Л. Н. ТОЛСТОГО

Значение, которое Толстой придавал религиозной мотивировке этических понятий, представило учение Толстого в ложном свете. Толстой сам подал повод к тому, чтобы его учение было понято и обсуждалось прежде всего как учение религиозное. Не удивительно поэтому, что в буржуазном обществе последней четверти XIX и начала XX века за Толстым установилась репутация крупного религиозного деятеля, чуть ли не религиозного реформатора. В этой характеристике сходятся враги Толстого с его последователями и почитателями. И ортодоксальные реакционные церковники, осудившие учение Толстого, и прямые сторонники этого учения – толстовцы – согласны в мнении, будто толстовское учение есть учение преимущественно религиозное.

И действительно, в учении Толстого есть и понятие о боге, и признание за религией значения важнейшего вопроса жизни, и даже некоторые, правда слабые, следы мистического элемента. Отчасти через христианскую веру, в которой Толстой был воспитан в детстве и

которая вновь стала этапом его идейно-морального развития в 70–80-х годах, отчасти вследствие некоторых особенностей своего художественного мышления Толстой был склонен представлять отношение человека к миру в целом, или ко вселенной, как отношение «работника» к пославшему его в жизнь «хозяину» или как отношение «сына» к «отцу».

Однако все подобные представления имели для Толстого не буквальный религиозный смысл и понимались им не как мистические догматы, но скорее были образами или метафорами, посредством которых Толстой пытался выразить для себя воззрение на жизнь, не поддающееся точному оформлению в отвлеченных понятиях.

Суть этого воззрения была этическая и социальная, а не мистическая, несмотря на явный налет мистики в субъективном выражении этого воззрения. Еще более далеко оно было от представлений о боге, свойственных догматическим религиям, в том числе и христианской.

То, что обычно в буржуазной литературе о Толстом называют «религиозным кризисом» Толстого или поворотом к религии, происшедшим во второй половине 70-х годов, в действительности мало похоже на религиозное «обращение».

Философские искания Толстого в 70-х годах были сосредоточены не на вопросе религиозном в прямом смысле слова. Искания эти были продолжением тех этических и социальных исследований, которые занимали ум Толстого и составляли предмет своеобразного художественно-философского экспериментирования в его ранних повестях, рассказах и в больших романах зрелого периода.

Религиозная форма, какую приняли те же искания Толстого в 70-х годах, была выражением слабости и непоследовательности мысли Толстого, была субъективной мечтой, в которую Толстой, не сумев справиться с ясно сознававшимися им противоречиями русской жизни, облек объективное содержание и объективную суть этих противоречий.

Идеалистическая реакция, усилившаяся после поражения первой русской революции, стремилась представить религиозные искания Толстого как осуществление «синтеза», не удавшегося предшествующим философам – Конту, Фейербаху. Согласно этой точке зрения, выраженной В. Базаровым, «Толстой впервые объективировал, т. е. создал не только для себя, но и для других, ту чисто человеческую религию, о которой Конт, Фейербах и другие представители современной культуры могли только субъективно мечтать»

[3] .

Реакционность и безусловную ложность этого понимания религии Толстого вскрыл Ленин. В статье «Герои «оговорочки» Ленин показал, что взгляд Базарова и многих примыкающих к Базарову публицистов на

религию Толстого и на ее значение в идейной истории русского общества основан на обращении действительного отношения. «Более полувека тому назад, – писал Ленин, – Фейербах, не умея «найти синтеза» в своем миросозерцании, представлявшем во многих отношениях «последнее слово» немецкой классической философии, запутался в тех «субъективных мечтах», отрицательное значение которых давно уже было оценено действительно передовыми «представителями современной культуры». Объявить теперь, – продолжал Ленин, – что Толстой «впервые объективировал» эти «субъективные мечтания», значит уходить в лагерь поворачивающих вспять, значит льстить обывательщине, значит подпевать веховщине»

[4] .

Особенно нелепым извращением действительной сути религии и мировоззрения Толстого Ленин считал утверждение Базарова, будто «идеализация патриархально–крестьянского быта, тяготение к натуральному хозяйству и многие другие утопические черты толстовства, которые в настоящее время выпячиваются на первый план и кажутся самым существенным, в действительности являются как раз субъективными элементами, не связанные необходимой связью с основой толстовской «религии»

[5] .

«Итак, – иронизировал по поводу этого утверждения Базарова Ленин, – «субъективные мечты» Фейербаха Толстой «объективировал», а то, что Толстой отразил и в своих гениальных художественных произведениях и в своем полном противоречий учении отмеченные Базаровым экономические особенности России прошлого века, это «как раз субъективные элементы» в его учении. Вот что называется, – говорит Ленин, – попасть пальцем в небо»

[6] .

Напротив, ленинский анализ вскрывает и в «религии» Толстого то же противоречие между отраженными в мысли Толстого особенностями развития пореформенной России и субъективной неспособностью Толстого найти действительное разрешение, или «синтез» этих противоречий. Неспособность эта и вылилась в субъективных религиозных мечтаниях Толстого.

«Именно синтеза, – писал Ленин, – ни в философских основах своего мирозерцания, ни в своем общественно–политическом учении Толстой не сумел, вернее: не мог найти»

[7] . «Не из единого, не из чистого и не из металла отлита фигура Толстого»[8] .

И действительно, анализ открывает в «религии» Толстого то самое противоречие, которым, как показал Ленин, характеризуются все основные стороны мировоззрения Толстого.

С редкой даже для большого человека пронизательностью Толстой срывает с официальной религии покров благовестия, несущего якобы учение любви и сострадания к страждущему человечеству. В иерархии церковных учреждений и чинов Толстой обнажил систему сил, активно служащих обществу и государству имущих, поработивших трудовое большинство. Толстой показал, что служению этому подчинено в церковной религии крепостнической и капиталистической России все содержание ее догм и все их истолкования, весь культ, все общественно–политическое поведение ее служителей.

Но вместе с тем, обличая церковь и церковную идеологию, Толстой далек от отрицания религии в самом ее существе. На место отвергнутой церковной веры он стремится поставить утонченную форму религии. Толстой отбрасывает религиозную догматику, но верит в бога как в «хозяина», пославшего человека в жизнь в качестве «работника» и сообщившего ему учение нравственности. Толстой отрицает софистику, с помощью которой церковь освящала и оправдывала социальное угнетение и формы государственности, поддерживавшие это угнетение. Но вместе с тем Толстой сам развивает проповедь непротивления злу насилием, не замечая, что объективным результатом этой проповеди – если бы она увлекла трудящуюся часть общества – могло быть только торжество и упрочение неравенства и насилия угнетателей над угнетаемыми.

Толстовское понятие религии прежде всего отрицательно: это – критика духовного состояния современного Толстому русского общества, то есть капиталистического общества пореформенного и предреволюционного периода. Толстовская «религия» по своему существу должна быть поставлена рядом с такими явлениями, как толстовская критика разделения труда, критика науки, критика искусства и т. д. Толстой не столько пытается раскрыть или обосновать положительное понятие о боге, как это делают настоящие мистики, сколько осуждает и обличает тот строй духовной жизни современного ему зарубежного и русского общества, при котором члены этого общества утрачивают всякое сознание разумного смысла жизни. Религия Толстого есть не столько вера (хотя в ней, конечно, есть элемент религиозной веры), сколько протест. Это – протест против безыдейности, беспринципности капиталистического общества, против утраты господствующей частью этого общества представления о высоких духовных задачах, способных руководить жизнью и действием.

В атеизме, в безверии, в религиозном равнодушии и безразличии современного общества Толстой осуждает – как это ни странно может показаться – не столько отсутствие веры в бога или отрицание существования бога, сколько признание существующего порядка, примирение со всем существующим так, как оно существует. Сам Толстой выразил эту мысль с полной ясностью. «Религия людей, не признающих религии, – писал Толстой, – есть религия покорности всему тому, что делает сильное большинство, т. е., короче, религия повиновения существующей власти».

Но именно потому, что толстовская религия есть больше критика, чем догма или мистическое настроение, Толстой на первый план в понятии веры выдвигает не собственно религиозное ее содержание, а способность веры быть силой жизни. «И я понял, – писал Толстой, – что вера... не есть только «обличение вещей невидимых» и т. д., не есть откровение (это есть только описание одного из признаков веры), не есть только отношение человека к богу (надо определить веру, а потом бога, а не через бога определять веру), не есть только согласие с тем, что сказали человеку, как чаще всего понимается вера, – вера есть знание смысла человеческой жизни, вследствие которого человек не уничтожает себя, а живет. Вера есть сила жизни. Если человек живет, то он во что-нибудь да верит. Если б он не верил, что для чего-нибудь надо жить, то он бы не жил... Без веры нельзя жить».

В центре толстовского понятия веры стояло противоречие между конечным существованием личности и бесконечным существованием мира. Толстой искал такого решения противоречия, при котором смысл конечного и преходящего существования личности не уничтожался бы, не превращался в бессмыслицу неизбежно предстоящим уничтожением личности, ее погашением в бесконечности мирового целого.

Это противоречие не было для Толстого лишь отвлеченным противоречием личного и всеобщего, конечного и бесконечного. Толстой сознавал это противоречие как жизненное противоречие, захватывающее наиболее глубокое ядро его личного существования. Это противоречие конечного и бесконечного открылось ему в мыслях о смерти, охвативших его в 70-х годах в ужасе перед «нирваной», в сознании бессмысленной жизни, неумолимо обреченной на уничтожение.

В «Исповеди» Толстой очень точно сформулировал основную цель своих религиозных исканий. «Нужно и дорого, – писал он здесь, – разрешение противоречия конечного с бесконечным и ответ на вопрос такой, при котором возможна жизнь».

Итак, толстовская «вера» – только синоним силы жизни, осмысленного существования, условие сознающей свое назначение деятельности.

Однако это стремление вернуть жизни утерянное сознание ее оправданности и осмысленности связывается у Толстого с понятием не этики и не социальной философии, к которой оно должно было бы принадлежать, а с понятием религии. Стремление крепить корень жизни Толстой черпает не в силах самой жизни, а в религиозной традиции.

Здесь в мышлении Толстого – явное противоречие. Значительность этого противоречия особенно оттеняется тем, что понятие религиозной веры, как это было ясно самому Толстому, не выдерживает критики разума. «Все эти понятия, – писал Толстой, – при которых приравнивается конечное к бесконечному и получается смысл жизни, понятия бога, свободы, добра, мы подвергаем логическому исследованию. И эти понятия не выдерживают критики разума».

И все же Толстой, несмотря на явное и им самим признанное противоречие с началами разума, считает необходимым принять и отстаивать религиозное мировоззрение. И в этом вопросе Толстой сознательно становится на точку зрения патриархального крестьянина с его наивной и некритической верой. Безыдейности господствующих классов капиталистического общества, отсутствию у них сознания смысла жизни и своего назначения Толстой противопоставляет не те понятия о целях жизни и борьбы, которые в его время уже были выработаны великими мыслителями и вождями рабочего класса, но те понятия о духовном смысле жизни, которые казались ему совпадающими и которые в значительной мере действительно совпадали с точкой зрения многомиллионного крестьянства.

Толстому кажется, что именно в вере крестьянский народ находит разрешение основного мучившего Толстого противоречия, противоречия конечного и бесконечного, личного и общего. Именно вера – так думал Толстой – дает народу ту силу жизни и то сознание смысла жизни, которые утрачены господствующими классами современного общества. «Понятие бесконечного бога, божественности души, связи дел людских с богом, понятия нравственного добра и зла – суть понятия, выработанные в скрывающейся от наших глаз исторической дали жизни человечества, суть те понятия, без которых не было бы жизни и меня самого...» По Толстому, религия, и только она одна, содержит в себе разрешение противоречия конечного с бесконечным. Напротив, безрелигиозное сознание образованных людей современного общества будто бы уничтожает – так думает Толстой – возможность этого разрешения: «И это единственное разрешение, которое мы находим везде, всегда и у всех народов, – разрешение, вынесенное из времени, в котором теряется для нас жизнь людей, разрешение столь трудное, что мы ничего подобного сделать не можем, – это-то разрешение мы легкомысленно разрушаем с тем, чтобы поставить опять тот вопрос, который присущ всякому и на который у нас нет ответа».

Но хотя Толстой пришел к убеждению, что смысл и сила жизни могут быть почерпнуты только в народной вере, это убеждение немедленно вступило в нем в противоречие с другим убеждением, которое запрещает считать истинным все несовместимое с началами знания и разума.

Противоречие это осложнилось еще и тем, что народная, крестьянская вера, как это знал Толстой, была не единственной формой религиозного отношения к жизни. На роль учения, разрешающего будто бы все философские противоречия и трудные вопросы, претендовала церковная богословская вера. Больше того. Церковная – богословская – форма религии рассматривала себя как учительницу, наставницу и руководительницу народа в делах веры. Поэтому Толстой признал

необходимым изучить и исследовать содержание и обоснование церковного богословского вероучения.

Но по мере того как Толстой углублялся в это исследование, ему все очевиднее становилось, что догматы, к которым церковное вероучение сводило содержание христианской религии, не только не могли быть «силой жизни», выводящей личность из тупика одолевающих ее противоречий, но что поверить в эти догматы можно только ценой отказа от элементарнейших и неотменяемых условий и законов логики, знания, разума.

Вместе с тем обнаружилось, что система догматов церковного богословского вероучения не только противоречит логике, знанию, разуму. Выяснилось, что система догматического богословия вся построена на стремлении во что бы то ни стало оправдать сложившиеся в церкви за долгое время ее существования понятия о религии. Понятия же эти поддерживают существующий, основанный на насилии и угнетении, общественный порядок и прежде всего оправдывают то место и ту роль, какие в этом порядке принадлежат самой церкви.

Свои критические исследования Толстой осуществил в «Критике догматического богословия». Предшествующей «Критике» работой была «Исповедь» – философско-религиозная автобиография Толстого. К «Исповеди» и к «Критике догматического богословия» примыкают сочинения «Соединение, перевод и исследование четырех Евангелий», «В чем моя вера?», «Царство божие внутри вас». В этих последних работах Толстой излагает собственные взгляды на религию, сложившиеся в нем в результате критики официального учения православной церкви. Однако и в этих трактатах, которые должны были изложить позитивные взгляды Толстого, на первое место выдвигается не положительное, но полемическое их содержание. И в религиозных сочинениях Толстой выступает прежде всего как критик, полемист и антагонист признанного богословского вероучения.

Иначе не могло и быть. Учение Толстого не могло не стать критикой догматического богословия. Ведь «религия» Толстого была прежде всего протестом (правда, противоречивым, непоследовательным) против безыдейности господствующей части капиталистического общества, против отсутствия у людей, принадлежащих к этой части общества, какого бы то ни было твердого этического мировоззрения, способного стать руководством в практической жизни. Призыв Толстого к восстановлению религиозности был прежде всего своеобразной формой протеста против этической беспринципности господствующих классов капиталистического общества, хотя к одному лишь этому протесту он, разумеется, не сводится, будучи одновременно и выражением слабости, непоследовательности толстовской мысли, архаичности ее устремлений.

В толстовской критике христианского и прежде всего православного христианского богословия все основание критики покоится не на ученом историческом исследовании, не на критическом сопоставлении православного богословия и его толкований с богословием и с толкованиями других христианских церквей. Основу толстовской критики составляет понятие о сущности религии и христианства, выработанное Толстым. Понимает же под религией и под христианством Толстой прежде

всего не философское и даже не религиозное учение о мире и о боге, а нравственное (этическое) учение о том, что придает смысл человеческой жизни. Иными словами под религией Толстой понимает учение о пути жизни, о нравственных началах, которыми должен руководиться в своем отношении к жизни и к людям человек, ищущий в жизни нравственного смысла.

Поэтому толстовское понимание «откровения» не только резко отличается от церковного, но во многом ему прямо противоположно. Церковное толкование понимает под «откровением» таинственное, мистическое сообщение богом людям не постижимых для разума положений веры о природе бога, об отношении бога к миру и к человеку и т. д.

Толстой не отрицает формально мистического характера религиозной веры. Он сам называет «откровением» – «то, что открывается перед разумом, дошедшим до последних своих пределов, – созерцание божественной, т. е. выше разума стоящей, истины». Однако для Толстого в религии самое важное – не ее мистическое и сверхразумное содержание. Для Толстого в религии существует только предлагаемый ей ответ на вопрос о нравственном смысле жизни, а также на вопрос о нравственных условиях осуществления этого смысла в человеческой жизни. Тем самым содержание религиозных учений Толстой сводит главным образом к учению практической этики. Одновременно с этим Толстой настаивает на том, что предлагаемое христианством этическое учение может привести к оправданию жизни, к утверждению ее смысла только при условии, если основы религиозного учения и содержание нравственных предписаний не будут противоречить разуму.

Таким образом метафизическое содержание религии Толстой сводит к ее этическому содержанию, а ее мистический элемент стремится подчинить элементу рационалистическому. Поэтому, сформулировав приведенное выше определение «откровения», Толстой дополняет его другим, не только отличным от первого, но, несомненно, ему противоречащим. «Откровением, – поясняет Толстой, – я называю то, что дает ответ на тот не разрешимый разумом вопрос, который привел меня к отчаянию и самоубийству, – какой смысл имеет моя жизнь? Ответ этот, – утверждает Толстой, – должен быть понятен и не противоречить законам разума, как противоречит, например, утверждение о том, что бесконечное число – чёт или нечет. Ответ... должен быть не только понятен и не произволен, а неизбежен для разума, как неизбежно признание бесконечности для того, кто умеет считать. Ответ должен отвечать на мой вопрос: какой смысл имеет моя жизнь? Если он не отвечает на этот вопрос, то он мне не нужен». Зная, что православная церковь приписывает себе обладание высшими основами, в том числе и этическими, Толстой необходимо должен был искать в догматическом богословии обоснования практической этики.

Но он не нашел там этого обоснования. Более того, он вскоре убедился, что церковное понимание христианской религии не только не обосновывает никаких этических требований и не содержит никакого протеста против безнравственного характера всего уклада жизни капиталистического общества, но что церковное вероучение все направлено на оправдание существующего – основанного на угнетении крестьян и рабочих – общественного порядка.

По мысли Толстого, христианство, как и всякое религиозное учение, включает в себе две стороны: 1) учение о жизни людей – о том, как надо жить каждому отдельно и всем вместе – этическое и 2) объяснение, почему людям надо жить именно так, а не иначе – метафизическое учение». Человек должен жить так, а не иначе потому, что таково его назначение, или назначение человека таково, а потому человек должен жить именно таким образом. Эти две стороны – «этическая» и, по терминологии Толстого, «метафизическая» – находятся, по Толстому, во всех религиях мира. Такова религия браминов, Конфуция, Будды, Моисея, такова же и христианская религия: «Она учит жизни, как жить, и дает объяснение, почему именно надо так жить».

По Толстому, все религии, развив двойственное – «этически–метафизическое» – содержание своих учений, подверглись со временем перерождению. По свойственной им слабости люди отступали от «этического» учения религии, и тогда из их среды являлись лица, которые брались оправдать это отступление. Лица эти разъясняли «метафизическую» сторону религиозного учения так, чтобы этические требования становились необязательными и чтобы они заменялись внешним богочитанием – обрядами.

Это, по Толстому, общее всем религиям изменение первоначального – этического – содержания религиозного учения ни в одной из них не выразилось так резко, как в христианстве. В христианстве, как его понимает Толстой, «метафизика» и «этика», во-первых, «до такой степени неразрывно связаны и определяются одна другою, что отделить одну от другой нельзя, не лишив всё учение его смысла». Во-вторых, христианство, как его понимает Толстой, уже само по себе есть отрицание «не только обрядных постановлений иудаизма, но и всякого внешнего богочитания».

Но именно поэтому происшедший и в христианстве и общий для христианства с другими религиями разрыв между «метафизикой» и «этикой» должен был – так полагал Толстой – «совершенно извратить учение и лишить его всякого смысла». Так оно, по Толстому, и случилось. Разрыв между «этическим» учением о жизни и «метафизическим» объяснением жизни «начался с проповеди Павла, не знавшего этического учения, выраженного в Евангелии Матфея и проповедовавшего чуждую Христу метафизическо–каббалистическую теорию». Окончательно же осуществился этот разрыв во времена императора Константина, когда начались вселенские соборы и когда центр тяжести христианства переместился «на одну метафизическую сторону».

В результате этого смещения центра тяжести христианство в большей степени, чем какая-либо другая из крупных исторических религий, утратило составляющее некогда его центральную часть этическое учение.

Толстой доказывает эту мысль, сопоставляя христианство с другими религиями. Все религии за исключением церковно–христианской, «требуют от исповедующих их, кроме обрядов, исполнения еще известных

хороших поступков и воздержания от дурных». Так, иудаизм требует обрезания, соблюдения субботы, милостыни, юбилейного года и еще многого другого. Магометанство требует обрезания, ежедневной пятикратной молитвы, десятины бедным, поклонения гробу пророка и много другого. И так обстоит дело со всеми религиями. «Хороши ли, дурны ли эти требования, но это требование поступков».

Напротив, церковное христианство не предъявляет никаких этических требований. «Нет ничего, – утверждает Толстой, – что бы обязательно должен был делать христианин и от чего он должен был бы обязательно воздерживаться, если не считать постов и молитв, самую церковь признаваемых необязательными». Со времен Константина христианская церковь «не требовала никаких поступков от своих членов. Она даже не заявляла никаких требований воздержания от чего бы то ни было». Христианин, следующий церковной вере, «ничего не обязан делать и ни от чего не обязан воздерживаться для того, чтобы спастись, но над ним церковью совершается всё, что для него нужно:...его и окрестят, и помажут, и причастят, и особоруют, и исповедуют даже глухую исповедью, и помолятся за него – и он спасен».

Вместо того чтобы руководить людьми в их жизненных действиях, церковь «перетолковала метафизическое учение Христа так, что из него не вытекало никаких требований для жизни, так что оно не мешало людям жить так, как они жили». «Церковь раз уступила миру, а раз уступив миру, она пошла за ним. Мир делал всё, что хотел, предоставляя церкви, как она умеет поспевать за ним в своих объяснениях смысла жизни». Мир устанавливал свою во всем противную этическому учению христианства жизнь, а церковь «придумывала иносказания, по которым бы выходило, что люди, живя противно закону Христа, живут согласно с ним».

В результате церковь признала и даже освятила все, что было в языческом мире. «Она признала и освятила и развод, и рабство, и суды, и все те власти, которые были, и войны, и казни, и требовала при крещении только словесного, и то только сначала, отречения от зла; потом при крещении младенцев перестала требовать даже и этого».

Но именно потому, что учение церкви сложилось как оправдание исторически определенного общественно-политического порядка, со временем, с изменением форм общественной жизни, церковное учение начало отставать. Придуманное для оправдания древней формы рабства, оно уже не годилось для общества, отменившего эту древнюю форму и сменившего ее на другую.

С другой стороны, несмотря на все свои старания скрыть от верующих истинное – этическое – учение Христа, вопреки запрещению переводов библии на национальные языки, пришло время, когда истинное учение Христа – через сектантов и вольнодумцев – стало проникать в народ. Так как народ не мог жить без этического учения и так как церковь извратила и даже старалась скрыть этическое учение христианства, то учение о жизни «эмансипировалось от церкви и установилось независимо от нее».

Так, «сами люди помимо церкви уничтожали рабство, оправдываемое

церковью, религиозные казни, уничтожили освященную церковью власть императоров, пап и теперь начали стоящее на очереди уничтожение собственности и государства...»

В настоящее время «всё, что точно живет, а не уныло злобится, не живя, а только мешая жить другим, всё живое в нашем европейском мире отпало от церкви и всяких церквей и живет своей жизнью независимо от церкви». Так, государственная власть основывается «на предании, на науке, на народном избрании, на грубой силе, на чем хотите, но только не на церкви». Войны и отношения государств устанавливаются «на принципе народности, равновесия, на чем хотите, только не на церковных началах». Государственные учреждения открыто игнорируют церковь: «Мысль о том, чтобы церковь могла быть основой суда, собственности, в наше время только смешна». Наука не только находится в согласии с учением церкви, но «нечаянно, неволью в своем развитии всегда враждебна церкви». Даже искусство, некогда служившее церкви, «теперь всё ушло из нее».

Жизнь не только вся «эмансипировалась» от церкви. Жизнь – так утверждал Толстой – «не имеет другого отношения к церкви, кроме презрения, пока церковь не вмешивается в дела жизни, и ничего, кроме ненависти, как только церковь пытается напомнить ей свои прежние права».

Этим, однако, не ограничивается, по Толстому, извращение религии, имеющееся в церковном учении. Церковь не только извратила и забросила этическое учение христианства. Так как «этическое» учение каждой религии неразрывно связано, как думает Толстой, с учением «метафизическим», то порча первого неминуемо вызвала порчу и второго, породила в церкви стремление – превратить религию в оправдание существующего порядка и прежде всего – в оправдание существующего зла. В результате и «метафизическая» часть христианства оказалась совершенно извращенной.

Мысль эту Толстой доказывает в «Критике догматического богословия» – одном из самых страстных своих произведений. Книга эта дышит гневом, негодованием, чувством оскорбленной, обманутой и страдающей человечности. Шаг за шагом, параграф за параграфом Толстой излагает догматическое вероучение христианской церкви. Одновременно он рассказывает о своих попытках понять это вероучение, найти в нем разумный смысл и обоснование нравственного поведения. Но во множестве мест терпение иссякает, оскорбленное достоинство мыслителя и нравственного существа заставляют Толстого повысить голос, и тогда с его уст слетают исполненные страдания и ярости слова.

В догматическом богословии Толстого оскорбляет все: и содержание учения, и практическая цель, к которой все оно клонится, и приемы изложения и убеждения.

В приемах изложения Толстой всюду находит «неясность выражений, противоречия, облеченные словами, ничего не разъясняющими, понижение предмета, сведение его в самую низменную область, пренебрежение к требованиям разума и одно и то же постоянное стремление связать внешним, словесным путем самые разнообразные суждения о боге,

начиная от Авраама до отцов церкви, и на этом одном предании основать все свои доказательства».

Изложение богословия Толстой находит не только не истинным по существу его содержания, но в значительной части случаев попросту лишенным всякого логического смысла. «Очевидно, – пишет Толстой, – слова уже тут совершенно оторвались от мысли, с которой были связаны, и не вызывают уже никакой мысли». Так, Толстой «долго делал страшные усилия, чтобы понять, что разумеется, например, под различными духовными естествами, под различением свойств, под умом и волей бога». И все же он не мог добиться понимания и убедился, наконец, что автору догматического богословия «нужно только связать внешним образом все тексты, а что разумной связи между его словами нет и для него самого».

Таким, лишенным всякого смысла, непонятным в своем существе представляется Толстому основной «метафизический», как его называет Толстой, догмат богословия – догмат божественного триединства.

Какое бы значение ни придавало богословие догмату божественного триединства, догмат этот, по Толстому, лишен всякого смысла: с тем, что бог – вместе один и три «никакого понятия не может быть связано». «И потому, – продолжает Толстой, – какой бы авторитет ни утверждал этого, не только все живые и мертвые патриархи Александрийские и Антиохийские, но если бы с неба непрерывающий глас зывал бы ко мне: Я – один и три, я бы остался в том же положении не верия (тут верить не во что), а недоумения, что значат эти слова и на каком языке, по каким законам могут они получить какой-нибудь смысл». «Невозможно, – восклицает Толстой, – верить тому, чтобы бог, благой отец мой (по учению церкви), зная, что спасение или гибель моя зависит от постигновения его, самое существенное познание о себе выразил бы так, что ум мой, данный им же, не может понять его выражения».

Но Толстой отвергает догмат триединства не только потому, что догмат этот противен человеческому разуму и не имеет основания ни в писании, ни в предании, откуда пытается его вывести при помощи явных натяжек и передержек богословие. Толстой отвергает этот догмат еще и потому, что догмат триединства – в том содержании, какое вкладывается в него церковью, – ни для кого и ни для чего не нужен и что «нравственного правила из него вывести невозможно никакого».

Решающая в глазах Толстого черта догматов – их практическая неприложимость, невозможность вывести из них какие бы то ни было нравственные правила – есть, как думает Толстой, черта не только основного «метафизического» догмата церкви – учения о триединстве. Та же черта отличает, по Толстому, и все прочие догматы церковной веры. При этом чем дальше отстоит догмат от возможности практического – нравственного – его применения, тем больше значение, какое приписывает ему церковь. «Догматы: нисхождения духа, естества Христова, таинства причащения, – чем дальше они были от возможности какого-нибудь нравственного приложения, тем более они волновали церкви».

Толстой не ограничился одной лишь теоретической, логической и практической критикой догматов церковного богословия. Для Толстого первостепенное значение имел также вопрос о том, какой практический повод «заставил церковь исповедовать этот бессмысленный догмат и так старательно подбирать вымышленные доказательства его».

Исследование этого вопроса приводит Толстого к заключению, что церковное понимание догматов имеет два основания. Первое из них состоит попросту в грубости и примитивности свойственного церковным писателям понимания текстов писания, которыми обосновываются догматы. «Выписки из писания, – разъяснил Толстой, – показывают, что утверждение этих бессмыслиц происходит не произвольно, но вытекает... из ложного, большей частью просто грубого понимания слов писания».

Второе, по Толстому, основание церковного понимания догматов состоит в утверждаемой церковью непогрешимости собственных учений. В свою очередь собственную непогрешимость церковь выводит из непогрешимости церковной иерархии, понятием которой в богословии незаметно подменяется понятие церкви.

В конечном счете все учение церкви, как его преподает богословие, «всё основано на том, чтобы, установив понятие церкви как единой истинной хранительницы божеской истины, подменить под это понятие – понятие одной известной, определенной иерархии».

Но этого мало. В системе догматов и учений богословия Толстой обнаруживает, кроме грубости понимания текстов писания и кроме гордости и самомнения иерархии, отождествившей себя с церковью, а свои учения – с самой истиной, еще и прямую практическую цель – стремление внушать верующим такие представления и верования, которые связаны с корыстными – материальными – интересами, иерархии. Так, например, чрезвычайно важное для всей системы богословия учение о благодати «есть, с одной стороны, неизбежное следствие ложной посылки, что Христос искуплением изменил мир, а с другой стороны, оно же и есть основа тех жреческих обрядов, которые нужны для верующих, чтобы отводить им глаза, а для иерархии – чтобы пользоваться выгодами жреческого звания».

Это учение о благодати, цель которого – отвести глаза верующих от неисполнения обещаний искупления и приобретения доходов духовенству, «носит в себе тот ужасный зачаток безнравственности, который извратил нравственно поколения, исповедующие это учение». Обманное учение церкви о том, что человек всегда порочен и бессилен и что все его личные стремления к добру бесполезны до тех пор, пока он не усвоит благодати, – учение это «под корень подсекает всё, что есть лучшего в природе человека».

Введение безнравственного учения о благодати с логической неизбежностью повлекло за собой введение целого ряда еще более безнравственных и грубых учений. За признанием благодати последовало учение, сводящее веру к доверию ко всему, о чем учит иерархия, и к послушанию, за учением о вере как о послушании – учение о механическом действии таинств: крещения, миропомазания, причащения и

т. д. В свою очередь необходимость побуждать людей к исполнению отправляемых иерархами таинств привело к учению о мздовоздаянии, то есть о загробном наказании богом тех, кто при жизни не исполнял таинств. Дойдя до такого результата, учение это выразилось «в ужасающем безобразии»: согласно этому учению, из того, что бог для спасения людей отдал своего сына на казнь, «выходит то, что если поп с причастием опоздает, когда я буду умирать, я пойду если не прямо в ад, то все-таки мне будет худо, много хуже, чем тому, кто нагребил много денег и нанял попа и попов так, чтобы они всегда при нем были».

Итогом исследования Толстого, посвященного догматическому богословию, стало полное отрицание церкви как установления и такое же полное отрицание ее учений. «Как же я могу, – спрашивает Толстой, – верить этой церкви и верить ей тогда, когда на глубочайшие вопросы человека о своей душе она отвечает жалкими обманами, нелепостями и еще утверждает, что иначе отвечать на эти вопросы никто не должен сметь, что во всем том, что составляет самое драгоценное в моей жизни, я не должен сметь руководиться не чем иным, как только ее указанием». «Цвет панталон я могу выбрать, жену могу выбрать по своему вкусу, но остальное, то самое, в чем я чувствую себя человеком, во всем этом я должен спроситься у них – у этих праздных, обманывающих и невежественных людей».

С огромной силой негодования бичует Толстой лицемерие церкви, полное расхождение ее современных учений с первоначальным нравственным учением христианства. Отступив от духа христианства, церковь, – доказывает Толстой, – извратила христианское учение до того, что дошла до отрицания его всей своей жизнью: «Вместо уничтожения – величие, вместо бедности – роскошь, вместо неосуждения – осуждение жесточайшее всех, вместо прощения обид – ненависть, войны, вместо терпения зла – казни».

Этим лицемерием прикрывается главный и непростительный в глазах Толстого грех церкви – ее участие в общественном порядке, основанном на угнетении и ограблении трудящихся. В конечном счете слово «церковь» есть «название обмана, посредством которого одни люди хотят властвовать над другими».

В восьмидесятых годах прошлого века, когда Толстой писал свои богословские сочинения, развитая им критика догматического богословия сыграла несомненно положительную роль. Сила этой критики состояла не в новизне доводов, которыми Толстой доказывал несостоятельность церковного догматического вероучения. Задолго до Толстого догматы эти были подвергнуты рационалистической критике деистами, рационалистами, вольнодумцами, сектантами всяких мастей. Толстой только применил эти доводы, уже использованные против католичества и против протестантизма, к православию.

Оригинальной, неповторимой, самобытной критику Толстого делает зоркость, с какой Толстой разглядел связь, существующую между учениями церкви и социальным строем капиталистического общества. «Крестьянский» взгляд Толстого и в церкви разгадал одну из сил, разоряющих и порабащающих крестьянство, узаконивающих и освящающих

бедствия надвигавшегося на крестьянина нового и непонятного для него врага – капитализма.

Истолкование религии как учения практической этики ярко выразилось также в большой работе Толстого «Соединение, перевод и исследование четырех Евангелий», опубликованной издательством «Посредник» в 1907 (I том) и в 1908 году (II и III томы).

Идея соединения в одно повествование всего содержания четырех Евангелий не нова. Попытки такого соединения были сделаны до Толстого Арнольдом де Вансом, Рейсом, Фарраром, Гречулевичем. Толстому эти работы были известны. Однако выполненное Толстым соединение четырех Евангелий существенно отличается от работ названных ученых своей задачей и руководящей точкой зрения. Предшественники Толстого подходили к своей задаче как к задаче историко-филологической. Толстого эта задача совершенно не интересует. Его соединение и перевод Евангелий не есть ни труд богослова, ни труд ученого историка, ни даже труд филолога-переводчика. Работа Толстого есть попытка очищения текста четырех Евангелий от всего, что самому Толстому представляется несовместимым с его собственным понятием о религии и, в частности, о христианской религии. Это – интерпретация канонических Евангелий в духе морального учения Толстого. Отвлеченно-рационалистический характер религиозного и морального учения Толстого сделал для него неприемлемыми все тексты Евангелий, в которых или выражены философские – онтологические, космологические – понятия евангелистов (например, мистическое учение о божественном «слове» в Евангелии Иоанна), или отражена вера в чудесные, сверхъестественные явления, или, наконец, сказались результаты позднейшей церковной переработки древних текстов Евангелий – в целях оправдания и обоснования официальной догматики церковного христианства, сложившейся к началу четвертого века нашей эры. Поэтому Толстой или просто исключает из текста своего перевода все, что ему представляется фантастическим, ложным и грубым в моральном отношении, подложным и внесенным в первоначальный текст церковными богословами, или перетолковывает соответствующие места в духе собственного учения. Это перетолкование часто выражается в полной свободе при передаче греческого текста. Часто перевод этот просто есть замена имеющегося в тексте понятия понятием, какого никак не мог иметь в виду автор текста и которое приписывается ему Толстым.

Поэтому с точки зрения строгой филологии перевод четырех Евангелий, выполненный Толстым, не следует рассматривать как перевод в буквальном смысле этого слова. Сам Толстой отнюдь не претендовал на рассмотрение своей работы в качестве ученого перевода и сам заранее признал, что в его труде могут быть обнаружены значительные – с точки зрения филологической критики – ошибки. Цель Толстого была совсем другая. Толстой хотел самый текст канонических Евангелий сделать опорой для своих религиозно-моральных воззрений. И в переводе и – еще яснее – в комментариях к переводу, сделанных самим Толстым, цель эта выступает совершенно прозрачно. В переводе и в комментариях Толстого отразились все черты религиозного мировоззрения Толстого. Основное для Толстого противоречие между разоблачением социальной функции религии в эксплуататорском обществе

и признанием «очищенной», «утонченной» религии, сведенной к моральному учению непротивления и нравственного личного самосовершенствования, и здесь остается во всей силе. Так же как и другие религиозные трактаты Толстого, «Соединение, перевод и исследование четырех Евангелий» – страстная полемическая книга. Несмотря на всю неподготовленность Толстого к ученой филологической критике канонических текстов Евангелий и их признанных церковью переводов, Толстой в ряде случаев с большой пронизательностью вскрывает смысл и цели церковной интерпретации евангельских текстов. Он обнажает связь между этой интерпретацией и служением церкви государству, основанному на насилии имущего меньшинства над трудящимся большинством. В этом разоблачении – сила работы Толстого над Евангелиями. Сквозь крайнюю наивность и рассудочность толстовской экзегезы, сквозь произвол филологических выкладок Толстого до читателя доходит чувство страстного гнева великого мыслителя против лжи и лицемерия церкви, перенесшей в евангельские тексты понятия и догмы, возникшие в церковных кругах и отражающие социально–политические черты церковной идеологии. Именно эти черты делают работу Толстого по переводу и соединению Евангелий работой, интересной для современного читателя. Книга эта восполняет характеристику мировоззрения Толстого. Она – показатель удивительной страстности, упорства и трудолюбия, способности беззаветного увлечения, с каким Толстой отдавался своей критике духовного обмана, господствовавшего в современном ему обществе. Но одновременно книга эта показатель и противоречивости, слабости Толстого, поработченности мысли Толстого тем самым расслабляющим ядом, против которого он так сильно и мужественно боролся.

Наиболее разительным доказательством того, что для Толстого религия сводится по сути к этике, является сделанный самим Толстым перевод некоторых текстов четвертого Евангелия – Евангелия Иоанна. Евангелие это всегда рассматривалось богословами и историками философии как наиболее философское из четырех канонических Евангелий, как такое, в котором сообщаются основы христианского учения о божественном бытии, о природе бога и т. д. В связи с этим «слово» («логос»), о котором идет речь в четвертом Евангелии, связывалось с философскими умозрениями Филона иудейского, с «логосом» стоиков и даже с «логосом» Гераклита. Во всех этих богословских и историко–философских толкованиях «логос» четвертого Евангелия имеет ясно выраженное онтологическое значение (значение характеристики божественного бытия), а также связанное с ним космологическое значение (то есть значение термина, говорящего об отношении бога и сына бога к миру).

Совершенно иначе понимает смысл евангельского учения о «слове» или о «логосе» Толстой. Его совершенно не интересует вопрос об онтологическом и космологическом смысле евангельского «логоса». По Толстому «логос» Иоанна – только нравственное понимание (или «разумение») жизни. Больше того, по утверждению Толстого, известные слова из первого стиха первой главы Евангелия Иоанна – *καὶ ὁ λόγος ἦν πρὸς τὸν θεόν* («и слово было у бога») должны быть переведены так: «И разумение стало супротив бога», или: «разумение заменило бога». Другими словами, Толстой не только отрицает в понятии «логоса» какой бы то ни было онтологический смысл, не только сводит смысл

этого понятия к понятию о нравственном понимании («разумении») жизни. Толстой вместе с тем утверждает, что нравственное «разумение» жизни есть то, что заменило в жизни и в сознании людей понятие о самом боге. Религия Толстого по сути – религия без бога, или религия, в которой, по мысли Толстого, бог, как бог, становится только синонимом нравственного понимания жизни.

Но вместе с тем свое собственное понимание нравственного смысла жизни – свое отвлеченное и вне историческое учение о любви к людям, о непротравлении злу насилем, об отказе от выполнения законов государства и т. д. Толстой хочет вывести из основных учений, изложенных в ранней христианской литературе – из канонических Евангелий в первую очередь.

Однако в памятниках этой литературы, в том числе в Евангелиях, нравственные учения связаны с целым рядом других – мистических, мифологических, онтологических, космологических понятий и наслоений. Поэтому утверждать, как это делает Толстой, будто, кроме указанного самим Толстым нравственного смысла жизни, Евангелие в сущности не содержит никаких других философских понятий и учений, можно или игнорируя всё мифологическое и философское, но не специфически моральное содержание ранних памятников христианской литературы, или даже произвольно толкуя в этих памятниках в узко моральном смысле то, что заключает в себе и другой смысл, не сводимый начисто к моральному.

В своем переводе и толковании Евангелий Толстой делает и то и другое. Он опускает в своем переводе ряд мест – мифов, сцен, изречений и т. д., – не связанных с нравственным евангельским учением (как его понимает сам Толстой), и перетолковывает в духе своего собственного нравственного учения те места, которые имеют в виду отнюдь не только моральное учение.

Особенно решительно опускает Толстой в содержании Евангелий все рассказы, сцены и положения, которые противоречат реалистическому пониманию явлений и событий природы и человеческой жизни.

Поэтому толстовский перевод и соединение в одно связное и цельное повествование четырех Евангелий отличается, во-первых, сильно выраженной моральной тенденцией. Толстой выделяет, подчеркивает, усиливает в своем переводе этическую направленность Евангелий.

Во-вторых, толстовский перевод Евангелий отличается резко выраженной рационалистической тенденцией: Толстой стремится – либо путем механического отсечения ряда текстов, либо путем рационалистического перетолкования – устранить, где это ему представляется возможным, противоречие между повествованием Евангелий и (общечеловеческим) рассудочным пониманием явлений.

При этом Толстому приходится вступать в споры с имеющимися в богословской литературе переводами и пониманием ряда евангельских текстов. В спорах этих и в критике богословских толкований евангельских текстов обнаруживается чрезвычайно важная черта взглядов Толстого на церковное вероучение. Слабый и мало

подготовленный в вопросах филологической критики и толкования евангельских текстов, Толстой поразительно чуток и пронизателен по отношению к социальной тенденции, которой постоянно руководилась и руководится церковь в своих толкованиях Евангелия.

В своих суждениях о Толстом Ленин всегда отмечал силу, убежденность и искренность толстовской критики церкви, а также пронизательность анализа Толстого, уловившего в учениях церкви связь их с оправданием основ и установлений капиталистического общества. Отмечая как достоинство и силу Толстого «замечательно сильный, непосредственный и искренний протест против общественной лжи и фальши»

[9] , Ленин тут же отмечал, что протест этот был направлен Толстым прежде всего против церкви. Во взглядах Толстого на церковь Ленин ценит «самый трезвый реализм, срывание всех и всяческих масок»

[10] . В ряде мест Ленин подчеркивал, что для Толстого характерен «горячий, страстный, нередко беспощадно–резкий протест против государства и полицейско–казённой церкви...»[11] В этом протесте, как и в других проявлениях толстовской критики, Ленин также видит выражение настроений «примитивной крестьянской демократии, в которой века... церковного иезуитизма, обмана и мошенничества накопили горы злобы и ненависти»[12] .

В этом отношении Ленин особенно выделял последние произведения Толстого. Именно в них Толстой, как показал Ленин, «обрушился с страстной критикой на все современные государственные, церковные (курсив мой. – В. А.), общественные, экономические порядки, основанные на порабощении масс, на нищете их, на разорении крестьян и мелких хозяев вообще, на насилии и лицемерии, которые сверху донизу пропитывают всю современную жизнь»

[13] . По словам Ленина, Толстой «с великой наглядностью разоблачал внутреннюю ложь всех тех учреждений, при помощи которых держится современное общество...»[14] В числе этих учреждений, лживость и лицемерие которых изобличал Толстой, Ленин на первом месте называет церковь.

Толстовская критика церкви и церковного богословия стала предметом внимания широких кругов русского общества. Искренность, граничащая с отчаянием, страстность этой критики, горячее сочувствие миллионам людей, поработанных церковным обманом, негодование против

обманывающих – все эти качества полемических книг Толстого, направленных против церкви, вызвали всеобщее сочувствие к Толстому. Волна этого сочувствия поднялась особенно высоко, когда православный синод опубликовал во всеобщее сведение акт об отлучении Толстого от православной церкви. Значительной частью русских людей акт этот был воспринят как действие, позорящее не Толстого, а тех церковников, которые, не имея сил защищаться от могучих укоров и обвинений писателя, вместо ответа по существу, решили «наказать» его своим отлучением. В день опубликования постановления синода Толстой стал, в сознании культурных людей всего мира, в один ряд с такими борцами и деятелями независимой мысли, каким был Спиноза, какими были французские просветители. Вспоминая впоследствии об отлучении Толстого, Ленин писал: «Святейший синод отлучил Толстого от церкви. Тем лучше. Этот подвиг зачтется ему (то есть синоду. – В. А.) в час народной расправы с чиновниками в рясах, с жандармами во Христе, с темными инквизиторами, которые поддерживали еврейские погромы и прочие подвиги черносотенной царской шайки»

[15] .

Но как ни искренна была толстовская критика и как ни сильно было ее действие, критика эта таила в себе глубокое противоречие и прямо реакционное содержание. Толстой критикует церковную форму веры, но для того, чтобы укрепить, очистить самый принцип веры. Он отвергает церковное учение о боге, но лишь для того, чтобы на это место поставить нравственно очищенное, духовно утонченное новое понятие о боге. Он осуждает поддержку, какую церковь оказывает капиталистическому угнетению, но не для действительной борьбы с капиталистическим порядком, а для проповеди непротивления злу насилием.

Так, Толстой отрицает развиваемые богословием «доказательства» существования бога, ссылается при этом на критику Канта, но не для того, чтобы отвергнуть в принципе всякое доказательство бытия бога, а для того, чтобы, отвергнув богословские доказательства как нелепые, выдвинуть, точнее чтобы сохранить, другие – мистические, которые кажутся ему истинными.

Упрекая богословов за нарушение основных законов логики и разума, Толстой, сам того не замечая, отрекается от логики в собственном доказательстве бытия бога и души: «Бога и душу я знаю так же, как я знаю бесконечность, не путем определения, но совершенно другим путем. Определения разрушают во мне это знание». По Толстому, к несомненности знания бога человек приводится вопросом: «откуда я?» «Я родился от своей матери, а та от бабушки, от прабабушки, а самая последняя от кого. И я неизбежно прихожу к богу. Ноги – не я, руки – не я, голова – не я, чувства – не я, даже мысли – не я: что же я? Я – я, я – моя душа».

Толстой гневно и горячо протестует против участия церкви в

капиталистическом насилии. Но в то же время в той же «Критике догматического богословия» Толстой доказывает, будто христианское учение, освобожденное от церковных софизмов, истинно и будто истина его – в заповеди, запрещающей всякую борьбу с насилием при помощи насилия.

«Все учение Иисуса только в том, что простыми словами повторяет народ: спаси свою душу, но только свою, потому что она всё. Страдай, терпи зло, не суди – все только говорят одно. При всяком же прикосновении к делам мира Иисус учит нас примером полного равнодушия, если не презрения, как надо относиться к мирским делам... Всё, что не твоя душа, всё это не твое дело. Ищите царства небесного и правды его в своей душе, и всё будет хорошо».

Во всех этих чертах толстовской критики церковного учения мы узнаем не только крестьянский протест и накопившуюся столетиями ненависть к угнетающему порядку, но вместе с тем и указанную Лениным другую черту – бессилие патриархального крестьянства, наивность, юродство в выборе средств для борьбы против зла. По слову Ленина, Толстой отражает настроение крестьянских масс «так верно, что сам в свое учение вносит их наивность, их отчуждение от политики, их мистицизм, желание уйти от мира, «непротивление злу», бессильные проклятья по адресу капитализма и «власти денег»

[16] .

Отвергнув церковную религию, Толстой с тем большей убежденностью отстаивает «вечное» содержание «истинной» религии. И в своей критике церковной религии и в своем обосновании «очищенной» от церковного обмана и лицемерия «истинной» религии Толстой, как показал Ленин, неспособен стать на «конкретно-историческую точку зрения». «Он рассуждает, – писал по этому поводу Ленин, – отвлеченно, он допускает только точку зрения «вечных» начал нравственности, вечных истин религии...»

[17]

В критике церковной религии неспособность Толстого стать на конкретно-историческую точку зрения привела к тому, что Толстой оценивает значение церковного христианства только с точки зрения настоящего и потому не видит несомненной относительной прогрессивности церковного христианства в те времена далекого прошлого, когда церковное христианство оказалось хранителем и даже в известной мере насадителем просвещения среди языческих народов.

Пропаганда религии, «очищенной» от прямой и явной капиталистической апологетики, отсутствие конкретно–исторической точки зрения имело результатом то, что Толстой не заметил, как, подменяя церковную религию «очищенной» нравственной религией, он на деле, вместо грубого, открытого, но в своей откровенности менее опасного оправдания существующего порядка, предлагал по сути также примирение с этим порядком, но примирение неявное, утонченное и потому несравненно более опасное. Развивая точку зрения «вечных» истин религии, Толстой, говоря словами Ленина, не сознавал «того, что эта точка зрения есть лишь идеологическое отражение старого («переворотившегося») строя, строя крепостного, строя жизни восточных народов»

[18] .

Среди многочисленных, раскрытых Лениным противоречий мышления Толстого противоречие между толстовской критикой церковной религии и толстовской проповедью «очищенной» религии – одно из самых характерных для Толстого и одно из самых значительных. «Борьба с казенной церковью, – писал Ленин об этом противоречии Толстого, – совмещалась с проповедью новой, очищенной религии, то есть нового, очищенного, утонченного яда для угнетенных масс»

[19] .

В оценке толстовской религии Ленин прилагает тот же критерий, который был указан им Алексею Максимовичу Горькому при оценке так называемого богоискательства и богостроительства – течений, распространившихся не только в кругах буржуазной интеллигенции после поражения первой русской революции, но частично проникших даже в среду российской социал–демократии.

Ленин разъяснил Горькому, что чем демократичнее массы, к которым обращаются с проповедью очищенной, сведенной к морали религии, тем вреднее и опаснее действие подобной проповеди.

И дело здесь, как показал Ленин, не в личных нравственных чертах или качествах тех, кто субъективно нуждается в «очищенной» религии и эту религию проповедует. Религию Толстого, так же как и религию богоискателей и богостроителей, Ленин рассматривает и оценивает не как факт личного психологического и морального развития Толстого и богоискателей.

Именно с этой – не с личной, а с общественной – точки зрения Ленин бичевал не самого Толстого, как личность, а «толстовство» – как выражение общественной слабости, расхлябанности и бессилия известной

части русской интеллигенции. В «толстовстве» Толстого и шедших за ним интеллигентов Ленин видел одно из обнаружений столь характерного для Толстого противоречия его личности и деятельности, отражавшего противоречивый характер всего пореформенного развития России.

В. Ф. Асмус.

РЕДАКЦИОННЫЕ ПОЯСНЕНИЯ

Тексты, публикуемые в настоящем томе, печатаются по общепринятой орфографии, но с воспроизведением некоторых особенностей правописания Толстого.

При воспроизведении текстов, не печатавшихся при жизни Толстого, соблюдаются следующие правила. Слова, не написанные явно по рассеянности, печатаются в прямых скобках.

Условные сокращения типа «к-ый», вместо «который», и слова, написанные неполностью, воспроизводятся полностью, причем дополняемые буквы ставятся в прямых скобках лишь в тех случаях, когда редактор сомневается в чтении.

Слитное написание слов, объясняемое лишь тем, что слова, в процессе беглого письма, для экономии времени и сил писались без отрыва пера от бумаги, не воспроизводится.

Описки (пропуски букв, перестановки букв, замены одной буквы другой) не воспроизводятся и не оговариваются в сносках, кроме тех случаев, когда редактор сомневается, является ли данное написание опиской.

Слова, написанные явно по рассеянности дважды, воспроизводятся один раз, но это оговаривается в сноске.

После слов, в чтении которых редактор сомневается, ставится знак вопроса в прямых скобках: [?]

На месте неразобранных слов ставится: [1 неразобр.] или [2 неразобр.] и т. д., где цифры обозначают количество неразобранных слов.

Из зачеркнутого в рукописи воспроизводится (в сноске) лишь то, что признает редактор важным в том или другом отношении.

Не зачеркнутое явно по рассеянности (или зачеркнутое сухим пером) рассматривается как зачеркнутое и не оговаривается.

Более или менее значительные по размерам места (абзац или несколько абзацев, глава или главы), перечеркнутые одной чертой или двумя чертами крест-накрест и т. п., воспроизводятся не в сноске, а в

самом тексте и ставятся в ломаных < > скобках; но в отдельных случаях допускается воспроизведение в ломаных скобках в тексте, а не в сноске и одного или нескольких зачеркнутых слов.

Написанное Толстым в скобках воспроизводится в круглых скобках. Подчеркнутое печатается курсивом, дважды подчеркнутое – курсивом с оговоркой в сноске.

В отношении пунктуации: 1) воспроизводятся все точки, знаки восклицательные и вопросительные, тире, двоеточия и многоточия (кроме случаев явно ошибочного употребления); 2) из запятых воспроизводятся лишь поставленные согласно с общепринятой пунктуацией; 3) ставятся все знаки в тех местах, где они отсутствуют с точки зрения общепринятой пунктуации.

Воспроизводятся все абзацы. Отсутствующие абзацы вводятся без оговорок редактора.

Примечания и переводы иностранных слов и выражений, принадлежащие Толстому, печатаются в сносках (петитом) без скобок.

Переводы иностранных слов и выражений, принадлежащие редактору, печатаются в прямых скобках.

Пометы: *, ** в оглавлении томов, на шмуцтитулах и в тексте при номерах вариантов означают: * – что печатается впервые, ** – что напечатано после смерти Толстого.

Примечания

1

Г. А. Русанов, Поездка в Ясную Поляну (24–25 августа 1883 г.) – «Толстовский ежегодник 1912 г.», М. 1912, стр. 65.

2

Г. А. Русанов. Поездка в Ясную Поляну (24–25 августа 1883 г.) – «Толстовский ежегодник 1912 г.», М. 1912, стр. 53.

3

Базаров, «Толстой и русская интеллигенция», «Новая заря», 1910, X (цит. по статье В. И. Ленина «Герои «оговорочки», Сочинения, т. 16, стр. 339).

4

В. И. Ленин, Сочинения, т. 16, стр. 339,

5

Там же, стр. 339–340,

6

Там же, стр. 340.

7

В. И. Ленин, Сочинения, т. 16, стр. 339.

8

Там же, стр. 341–342.

9

В. И. Ленин, Сочинения, т. 15, стр. 180.

10

Там же.

11

Там же, т. 16, стр. 294

12

Там же.

13

Там же, т. 16, стр. 301.

14

Там же, стр. 323.

15

В. И. Ленин, Сочинения, т. 16, стр. 296.

16

В. И. Ленин, Сочинения, т. 16, стр. 302.

17

В. И. Ленин, Сочинения, т. 17, стр. 30.

18

Там же.

19

Там же, т. 16, стр. 295.